

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Теория и практика коммуникации

*Сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции,
приуроченной к празднованию Дня родного языка,
24 февраля 2022 года*

Тираспол

*Издательство
Приднестровского
Университета*

2022

УДК 80/81(082): 37.02

Т 33

Ответственный редактор:

Е.Г. Луговская, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

"Теория и практика коммуникации", республиканская научно-практическая конференция (2022 ; Тираспол). Теория и практика коммуникации : Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, приуроченной к празднованию Дня родного языка, 24 февраля 2022 года / ответственный редактор: Е. Г. Луговская. – Тираспол : ПГУ, 2022. – 179 p. : fig., tab.

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Antetit.: Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, Филол. фак., Каф. рус. яз. и межкультурной коммуникации. – Texte, rez.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art.

ISBN 978-9975-63-511-0 (PDF).

80/82.09+37.0(082)=111=161.1

Т 338

В настоящем сборнике представлены научно-исследовательские материалы участников научно-практической конференции «Теория и практика коммуникации», которая проводилась кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко 24 февраля 2022 года онлайн.

Сборник предназначен для филологов, журналистов, лингвистов, преподавателей-методистов, литературоведов, культурологов, психологов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами филологии, журналистики и лингвистики.

УДК 80/81(082): 37.02

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

ISBN 978-9975-63-511-0 (PDF).

© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2022

Предисловие

Научно-практическая конференция молодых ученых «Теория и практика коммуникации», материалы которой представлены в настоящем сборнике, задумывалась коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко как доступная и в то же время высоко профессиональная площадка для вхождения магистрантов одноимённой программы обучения кафедры в научное сообщество. Научно-практическая конференция «Теория и практика коммуникации» ежегодно расширяла аудиторию участников и последовательно повышала свой статус, прежде всего, благодаря своему формату. Приглашая к участию в этом научном мероприятии не только молодых, но и состоявшихся ученых, доцентов и профессоров, не только начинающих свой педагогический путь выпускников бакалавриата, но и тех, чей методический опыт уже может выступать самостоятельным предметом исследования и трансляции, мы, прежде всего, ставили перед собой задачу налаживания межпоколенного диалога.

Это непростая задача, осложняемая не столько инертностью, сколько неуверенностью в себе каждого нового поколения молодых ученых, их осторожностью в формулировании вопросов к учителям и мастерам своего дела. А ведь такого рода вопросы зачастую оказываются важны, в большей степени, именно для последних: то, как формулируется проблема, на какую исследовательскую область она указывает, какой (иногда

неожиданный) аспект выделяется как значимый, - все это может быть тем самым свежим взглядом, который необходим при научной разработке; как в том случае, когда глубина научного анализа, проведенного опытным исследователем, оказывается своеобразным препятствием для схватывания сути исследования начинающим ученым, так и в том случае, когда еще не оформившийся исследовательский интерес обуславливает недостаточность детализации темы научной работы.

Для передачи опыта, для обмена идеями и, в целом, для продвижения научного знания в сфере лингвистики, журналистики, педагогики и смежных с ними областях диалог существенно необходим. Обеспечить такое общение, пусть и опосредованное временем и расстоянием, призван настоящий сборник материалов прошедшей 24 февраля 2022 года в Приднестровском государственном университете им. Т.Г. Шевченко Республиканской научно-практической конференции «Теория и практика коммуникации», приуроченной к празднованию Дня родного языка.

Международный день родного языка (International Mother Language Day) был провозглашен Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 ноября 1999 года с целью содействия языковому и культурному разнообразию и многоязычию. А начиная с февраля 2020 года кафедра русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко ежегодно проводит научно-практическую конференцию, посвященную этому знаковому мировому событию. И с каждым годом география участников конференции расширяется: в ней уже приняли участие студенты и преподаватели, учителя и методисты из Москвы и Санкт-Петербурга, Волгограда и Чебоксар, Губкина, Старого Оскола и Бишкека, Шымкента, Гори, Донецка, Тирасполя, Рыбницы, Григориополя и Дубоссар.

В предыдущие годы мы публиковали отдельные материалы выступлений в тематических и регулярных сборниках филологического факультета Приднестровского государственного университета; настоящее издание – первый опыт самостоятельного собрания результатов научных исследований преподавателей, учителей, студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся средних профессиональных образовательных организаций.

Сборник организован по алфавитному принципу и состоит из двух – преподавательской и студенческой – частей: такое расположение материалов продиктовано требованиями обеспечения связности сборника как единого научного текста. Статьи молодых ученых, студентов, как правило, заметно отличаются от материалов опытных исследователей и практиков способом подачи научной информации, ее концентрированностью,

выделяются своеобразным поиском стиля в представлении своих наработок, часто носят реферативный характер, что обусловило их выделение в отдельный раздел. Материалы ученых со стажем в большей степени реализуют основные требования к тексту научной статьи, содержательно и формально могут представлять собой пример изложения и представления научной мысли.

Особо отметим статьи на английском языке – конференция, приуроченная к празднованию Дня родного языка предполагает представление материалов и на русском, и на украинском, и на молдавском, а также английском, немецком и французском языках (изучаемых, в частности, в Приднестровском государственном университете), и если устные выступления подобного рода на нашей конференции уже имели место, то письменные материалы публикуются впервые.

Надеемся, что каждый, кто обратится к материалам нашего сборника, найдет в нем информацию, которая будет ему интересна и полезна; молодых исследователей подтолкнет к углублению и детализации своей научно-исследовательской работы, а состоявшимся исследователям укажет на новые векторы развития разрабатываемой ими научной проблематики.

*Уважаемые участники
Республиканской научно-практической конференции
«Теория и практика коммуникации»!*

Дорогие читатели настоящего сборника материалов!

Благодарим Вас за внимание к нашей конференции и ждем Вас в следующем 2023 году - наша конференция переходит в статус международных и будет состоять из двух самостоятельных разделов (для преподавателей и педагогов со стажем и для молодых исследователей).

Следите за новостями на сайте «LINGUA» <https://lingualismconference.wordpress.com> и до новых встреч!

Раздел I

Погорелая Е.А.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА/ТЕКСТА/ДИСКУРСА КАК ИНТЕГРАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

На рубеже XX-XXI вв. ученые отмечают заметный рост активности синергетического осмысления целого ряда явлений, связывая этот процесс с изменением технологического уклада жизни, радикально меняющего общую систему подходов к пониманию мира в условиях глобальной информатизации, ведь новый уклад в современном мире зависит от роста сетевых коммуникаций в условиях цифровой экономики, развивающейся на основе искусственного интеллекта. Глобализация, глокализация, цифровизация, информатизация и другие социокультурные процессы в современном мире закладывают новые контуры культурной парадигмы развития общества, отличительным признаком которой выступает неустойчивость. Основное свойство формирующейся культуры современного информационного общества – это его переходное состояние. В условиях такой неустойчивости происходит взаимовлияние, взаимопересечение культур, что приводит в противоречие с образовательными стандартами, имеющими тенденцию к унификации. Новые культурные и образовательные парадигмы не появляются сами по себе, они и есть синергетический эффект наследования и развития культуры в процессе рождения и функционирования новых культурных и образовательных практик. Более того, сегодня уже стало аксиомой положение о том, что принципы синергетики востребованы и активно работают как в естественных, так и в гуманитарных науках, ведь современный мир предъявляет очень высокие требования к системе компетенций личности, которые невозможно формировать без интенсивной адаптации к новым условиям протекания ее профессиональной деятельности. Синергетика только потому и обладает значительным адаптивным ресурсом, что ее генезис

был всегда связан с поиском путей приспособления к новым реалиям, одной из которых в условиях открытых границ выступает проблема диалога двух культур, рост эффективности которого во многом предопределен возможностями синергетики. Вот почему со временем все сферы жизни, как представляется, будут подчинены принципам антропоцентризма и социальной самоорганизации.

В статье рассматриваются возможности использования синергетического подхода к описанию языка/текста/дискурса как интегральной динамической открытой коммуникативной системы.

Синергетика, лингвосинергетика, система, язык, дискурс, самоорганизация, интеграция, междисциплинарность

Введение

Феномен синергетики, по определению, многослоен и четко структурирован. Остановимся подробнее на том, как проявляет себя в современном социуме каждый из уровней синергетики.

Во-первых, это базовый уровень функционирования синергетики. Его можно определить как уровень мировоззрения, свойственный обыденному сознанию, благодаря которому происходит освоение человеком мира действительности. Если не происходит дальнейшего углубления в проблематику синергетики, то представления о ней остаются на уровне массового представления о науке, когда знание соответствует здравому смыслу, оно наглядно и потому способно или не способно увлечь человека в более глубокое познание истинно научного устройства мира.

Второй и третий уровни синергетики признаются как более высокие уровни методологии и науки. Для них характерны глубинные обобщения представлений, все возрастающий уровень формализации научного описания мира и, главное, более глубокая рефлексия понимания человеком реальности. Благодаря синергетическому видению мира на уровне этих научных высот человек постигает свое эволюционное единство с миром природы, постигает самого себя только в процессе органичного единения своей естественной и социальной эволюции. И этот новый диалог с природой, с принципами организации собственного мышления на основе соединения междисциплинарных достижений частных наук ведет его к возможности формирования общей научной картины мира.

Синергетика как универсальное поле диалога наук

Синергетика – это универсальное поле для диалога наук, она призвана ассоциировать культурные традиции разных

эпох, и в этом проявляется ее диахроническая сущность; что же касается синхронического аспекта ее бытия, то здесь четко выделяется несколько иерархически связанных слоев:

а) *поддисциплинарный уровень* как уровень обыденного сознания;

б) *дисциплинарный* - уровень, на котором разворачивается творческий процесс частных дисциплинарных областей;

в) *междисциплинарный* – уровень, где происходит трансляция знаний между различными дисциплинарными областями;

г) *трансдисциплинарный* – уровень, где формируются концепты сетевого общества и коллективного разума;

д) *наддисциплинарный* – это уровень развития культурных миров как единого целого.

Эти представления об уровневой организации синергетики позволяют современным исследователям утверждать, что XXI век будет временем междисциплинарных исследований, потому что такие принципы синергетики, как нелинейность, незамкнутость, неустойчивость, динамическая иерархичность, гомеостатичность и выступают коммуникативным ключом к решению проблемы междисциплинарности.

Согласно теории Э. Лансло, *дисциплинарная методология задействует прежде всего вертикальные причинно-следственные связи, благодаря изучению которых решается конкретная задача, возникшая в историческом контексте эволюции изучаемого объекта; методология междисциплинарных исследований, напротив, передается как горизонтальная трансдисциплинарная связь реальности; она метафорична, ассоциативна, обладает холистическим стилем упорядочивания действительности.*

Традиции интегрального рассмотрения сложных систем пока, к сожалению, не сформированы, поэтому синергетическая парадигма только начинает свое вхождение в научную реальность XXI века. Ее возникновение обусловлено насущной необходимостью объяснить рост междисциплинарных связей не только в сфере естественных, но и гуманитарных наук, понять, на каких основаниях базируется современная научная междисциплинарная картина мира. Заметим, что лингвистика как одна из важнейших областей гуманитарного знания уже со II половины XX в. активно привлекала внимание языковедов к проблеме изучения процессов формирования и интерпретации общего смыслового пространства с помощью текстов. Появление лингвистики текста, а затем и многочисленных дискурсивных исследований стали доказательной базой эффективности использования синергетической платформы в науке о языке.

Рожденная в естественных науках, синергетическая парадигма отличается своей универсальностью, и потому она оказалась востребованной как новая парадигма при описании

языка/текста/дискурса в современной лингвистике. Эта парадигма имеет междисциплинарный характер, она выступает методологической основой изучения процессов взаимодействия элементов в любых сложных системах. Значит, и лингвистам синергетика способна предложить новый специфический взгляд на язык, а использование принципов синергетики в преломлении к языку могут обеспечить современным теоретикам возможность внести свой вклад в теорию эволюции языка как сложной динамической открытой системы. Более того, синергетическая парадигма впервые предоставляет лингвистам уникальную возможность уже сегодня рассматривать самоорганизацию языка в его коммуникативной динамике, а значит, найти новые стратегии обучения языкам, обеспечивающие закрепление полиязычия в образовательной культуре.

Синергетический подход, к сожалению, практически до сих пор почти не используется при описании процессов формирования языковой образовательной структуры как сверхсложной саморазвивающейся системы.

Перспективы лингвосинергетики

Язык – это открытая саморазвивающаяся сложная система, поэтому в целях эффективного изучения и функционирования аспектов его структуры в различных неустойчивых коммуникативных средах лингвистам необходимо использовать синергетический подход, обеспечивающий описание единства языка в его многообразии. Новая системная методология приобретает особую ценность в современном языкознании, потому что коммуникация сегодня может рассматриваться только комплексно, в контексте утверждающейся в философии *коммуникативной теории социальности*. Она (коммуникация) не только сохраняет свой прежний инструментальный, функциональный характер, но и приобретает все более и более онтологический характер, выраженный в емкой формуле «язык – дом бытия».

Использованная ранее методология была обращена к изучению языка как системы в статике, изучение же системы языка в динамике активизирует лингвистические описания языковой системы на основе синергетики для полноценного выявления процессов самоорганизации дискурса. Дискурс в таком контексте предстает как процесс, развитие которого имеет нелинейный характер.

Если язык рассматривать с позиций функциональной лингвистики, то единственной средой его существования становится непрерывная контекстная система взаимодействий, в которую включены и психика, и мышление, и ценностная ткань культуры общества. *В открывающейся новой перспективе язык получает текстовую трактовку*; понятие текста в герменевтике обретает онтологический смысл; более того, не только язык, культура, но и весь мир начинает восприниматься и

интерпретироваться сегодня как текст. Процессы моделирования мыслепорождения и речерождения отражают самоорганизацию языка как целостной, и прежде всего, коммуникативной системы. Теория речевых актов в современной лингвистике – яркий пример внедрения элементов синергетики в понимание процессов речевой деятельности, ведь совокупность взаимодействия людей представлена в ней как сеть, сплетенная из отдельных коммуникативных актов. Это и есть не что иное, как синергетическая трактовка функционально-коммуникативной теории языка.

Именно синергетический подход обнаруживает спонтанность в речепорождении, позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений. В терминах синергетики коммуникативная среда языка-речи выступает не внешним фактором, а непосредственным участником такого коммуникативного процесса, где смыслообразование организуется диалектикой контекста и всего текста.

Заключение

Интегрированное описание языка-речи в рамках синергетической парадигмы дает возможность отчетливо увидеть сложный процесс формирования функциональной лингвосинергетики как нового направления в современной науке о языке.

Вектор развития лингвосинергетики, направленной на понимание языка как сложнейшей самоорганизующейся синергетической мегасистемы с огромным количеством иерархически взаимосвязанных подсистем и компонентов, безусловно, указывает перспективные сферы его дальнейшего исследования, потому что язык был и остается единственным источником смысла в постоянно меняющихся контекстах человеческого взаимодействия.

Литература

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Квантово-сложностная парадигма: междисциплинарный аспект – Курск. ЗАО «Университетская книга», - 2015. – 136 с.

Герман И.А. Лингвосинергетика // Монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с.

Князева Е.Н. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 256 с.

Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Челябин., 2004. – 46 с.

Малахова В.А. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике // Филол. науки в МГИМО., 2021, №7. - С. 24-33.

Миронова Ю.В. Художественный дискурс как когнитивный диалог в «языке – доме духа» // Дискурс профессиональной коммуникации. 2021, №3. - С. 33-42.

Мышкина Н.Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Пермь, 1999. – 48 с.

Пономаренко Е.Ф. Функциональная системность дискурса и предпосылки развития лингвосинергетики // Вестн. РУДН. Серия: Лингвистика, 2006, №2. - С. 22-27.

Pogorelaya E.A.

SYNERGETIC MECHANISMS OF LANGUAGE/TEXT/DIS-COURSE SELF-ORGANIZATION AS AN INTEGRAL PHENOMENON

Scientists note a noticeable increase in the activity of synergetic comprehension of several phenomena at the turn of the XX-XXI centuries. They link this process with a change in the technological way of life, radically changing the general system of approaches to understanding the world in the context of global informatization. Because the new way of life in the modern world depends on the number of network communications in the digital economy, development is based on artificial intelligence. Globalization, glocalization, digitalization, informatization and other socio-cultural processes in the modern world lay new contours of the cultural paradigm for the development of society, the distinctive feature of which is instability. The main property of the emerging culture of the modern information society is its transitional state.

In the conditions of such instability, there is a mutual influence, and mutual interaction of cultures, which comes into conflict with educational standards, which tend to unify. New cultural and educational paradigms do not appear on their own, they are the synergistic effect of the inheritance and development of culture in the process of the birth and functioning of new cultural and educational practices. Moreover, today it has become axiomatic that the principles of synergetics are in demand and actively work both in the natural and humanitarian sciences because the modern world makes very high demands on the system of competencies of the individual, which cannot be formed without intensive adaptation to the new conditions of the flow of his professional activity. Synergetics has only a significant adaptive resource that its genesis has always been associated with the search for ways to adapt to new realities, one of which in the conditions of open borders is the problem of a dialogue between two cultures, the growth of the effectiveness of which is largely predetermined by the possibilities of synergetics. That is why, in time, all

spheres of life seem to be subject to the principles of anthropocentrism and social self-organization.

The article discusses the possibilities of using a synergetic approach to the description of language/text/discourse as an integral dynamic open communication system.

Synergetics, linguosynergetics, system, language, discourse, self-organization, integration, interdisciplinarity

Шабалина А.С.

РАЗВИТИЕ НАВЫКА СОЗДАНИЯ КРЕАТИВНОГО ТЕКСТА НА ЭТАПЕ АКТУАЛИЗАЦИИ

В традиционном обучении написанию сочинения уделено немало внимания. Уроки развития речи в школе направлены на формирование и развитие навыка написания учащимися собственного текста, но это обусловлено чаще всего тем, что сочинение входило и до сих пор входит в итоговую аттестацию (ИГА в Кыргызстане, ЕГЭ в России). И зачастую современные школьники на выходе из школы совсем не умеют писать оригинальные, креативные тексты и даже предвзято относятся к аналитическому эссе. Это, безусловно, связано с тем, что многие учащиеся просто не приучены читать и это мешает им образно мыслить, но к такому отношению приводит также и стандартизация подхода к развитию навыка написания эссе в целом.

В статье рассматриваются важность и актуальность развития навыков создания собственного текста, описываются методические приёмы, используемые для развития умения написания креативного текста студентами, изучающими русский язык на первом и втором году обучения в колледже.

Раскрываются цели и структура методических приёмов, направленных на преодоление боязни «чистого» листа. Объясняется, почему необходимо применять данные практики регулярно и на этапе актуализации знаний.

Креативное эссе, актуализация, свободное несфокусированное и сфокусированное письмо, концептуальная карта, сторителлинг

Введение

В большей степени в традиционной школе уроки развития речи проходят так: учитель пишет тему на доске (порой банальную – «Как я провел лето», «Что такое счастье» и др.), и дети должны «выудить» из себя за два урока хоть что-то. Порой для них не составляет особого труда открыть Интернет и списать, а так как темы достаточно распространенные, можно просто рерайтить текст.

Негативное отношение к формату написания собственного текста, вызывает некачественное, порой субъективное оценивание данной работы со стороны проверяющего. Как отмечает преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Надежда Ароновна Шапиро: «Пока есть много оснований для недовольства или хотя бы сомнений, и вопрос, насколько серьезно надо готовиться к заданию С (написанию эссе в ЕГЭ), если от ученика зависит не все, остается для учителя очень актуальным» [Шапиро, 2020; 207].

Если рассматривать умение написания оригинального, креативного текста с точки зрения инновационного подхода к обучению, то такой навык можно отнести к так называемым *Soft skills* («гибким навыкам»), направленных на развитие критического мышления. Как отмечает автор статей по методологии «*Liberal Arts and Science*» Джонатан Беккер, данное умение влияет на способность аналитически мыслить, делать выводы, а также помогает развивать «такие умения, как количественная и информационная грамотность, устное общение, а навык суждения об этических проблемах» [Дж. Беккер, 2014].

Таким образом, цель данной статьи – *обоснование актуальности* развития навыков создания собственного текста, *анализ и обобщение приёмов*, необходимых для развития навыка написания оригинального текста.

Особенности работы над созданием креативного эссе

В старшей школе при обучении русскому языку цель развития навыка написания текста становится ключевой. Причем конечным продуктом становится не просто качественное эссе на определенную тематику, а в целом, умение грамотно формулировать мысль в полном объеме по различным актуальным вопросам. В современной педагогике важно научить учащихся широко понимать текст (показать им различия понимания текста в семиотике и лингвистике), и обучить не только структурным компонентам эссе, запоминанию базовых слов и конструкций, но и умению создавать свое сочинение как отклик на другой текст. Надежда Ароновна Шапиро отмечает, что цель работы над созданием собственного текста должна состоять в том, чтобы «учиться понимать написанное другим человеком и формулировать свои мысли, подбирать точные и веские доказательства,

создавать текст, внятный, логичный, убедительный» [Шапиро, 2020; 208].

Известно, что сам жанр эссе предполагает определенную свободу в выборе формы, объема, языка. Текст опирается на «эмоциональность, экспрессивность, художественность». Но чтобы написать полноценное эссе, нужно понимать его жанровое своеобразие. Причем, существует множество вариаций эссе (эссе-рассуждение, эссе-рецензия, эссе-отзыв и др.). Аналитическое эссе опирается на научный подход в работе с информацией, поэтому лучше с такой формой эссе учащихся знакомить только после погружения именно в креативное эссе, которое представляет собой творческое осмысление действительности или художественного текста.

Продуктивным будет освоение такого жанра, если темы будут сформулированы интересно и затронут важные для возраста обучающихся аспекты. Согласно «Стратегии активного обучения и критического мышления», если учащиеся будут в процессе обучения опираться на уже имеющиеся знания или отвечать на вопросы, касающиеся их лично, то это будет побуждать их «расширять способность узнавать новое» [Алан Крофорд и др., 2005].

Креативное эссе – творческая работа, небольшого объема (до 100-150 слов), свободной композиции, представляющая собой образное осмысление актуальной проблемы или проблемного вопроса, который может выступать в качестве заголовка. В креативном эссе должна быть четко выраженная личностная позиция автора, аргументированная и логически обоснованная. Важной особенностью является то, что для актуализации знаний используется другой текст (размышление, высказывание о проблеме) или картина (чаще сюрреалистическая), что позволяет учащимся поспорить, согласиться или опровергнуть точку зрения автора «другого текста», выступающего в роли оппонента.

Основной проблемой, с которой сталкиваются учащиеся при создании собственного текста, является боязнь «чистого листа», то есть студент, даже имея представление о структурных элементах креативного эссе, не знает, с чего начинать писать. Поэтому педагогу необходимо использовать различные интерактивные приёмы на этапе актуализации.

Приёмы развития навыка создания креативного текста на этапе актуализации

Этап актуализации (предвосхищения) позволяет педагогу направить учащихся в нужное русло, подготовить почву для качественной работы. На этом этапе учащиеся совместно с преподавателем ставят цели обучения и создают контекст для восприятия новых идей. Одним из приёмов, который можно использовать на данном этапе *свободное несфокусированное письмо*.

Цель приёма: преодолеть боязнь чистого листа, сконцентрироваться на поставленной задаче. Время – 4 минуты. Учащимся дается команда писать в течение отведенного времени о чём угодно, но не отрывая руки от листа. Заранее озвучивается, что читать это вслух они не будут. За минуту до окончания времени, следует предупредить, что время на исходе. Данный приём был успешно применяем в критическом мышлении в стенах Бард колледжа и позволил студентам развить навык рефлексивного письма.

Приём следует применять регулярно на протяжении нескольких занятий, тексты рекомендуется писать в тетради, чтобы на последнем занятии провести рефлексию – попросить учащихся прочитать своё свободное письмо и проанализировать, как их тексты менялись из урока в урок, стали ли лучше, появилась ли в них тема, как изменился объем и прочее.

Следующий шаг на этапе актуализации – *создание ассоциативной карты*. *Цель:* построить опорные лексические, а далее синтаксические конструкции, которые в дальнейшем будут использованы на этапе создания окончательной версии сочиняемого текста. Для этого на доске демонстрируется слово или картина, а задача учащихся записать и потом озвучить по две ассоциации¹. Затем, работая в парах, составить некоторое количество предложений (количество конструкций зависит от времени работы), в паре выбрать одно/два удачных и озвучить вслух.

Аналогичный приём – создания *концептуальной карты*. *Цель:* визуализировать абстрактные понятия, рассматриваемые в рамках изучаемой темы. Учащимся предлагается поработать на флипчартах, использовать маркеры, фломастеры. Здесь лучше разбить группу класс на тройки или мини-группы по четыре человека, также предложить тему или картины. Задача состоит в том, чтобы придумать образы, идеи, связанные с темой, и создать единую концепцию. На данную схему учащиеся смогут опираться при создании своего эссе.

В качестве примера можно привести концепцию «Я – дерево», которую студенты создавали, работая над темой «Кто я?».

Высокой результативностью обладает приём «*сторителлинг*», направленный на развитие навыка учащихся погрузиться в «другую» среду, понять другую точку зрения. Время 5-15 минут. Каждый учащийся получает картинку с самыми разными предметами (зонт, рюкзак, цветок и др.), сначала придумывает эпитет к слову, затем строит предложение по схеме: «Если я был бы ... (данным предметом), то ...» и затем зачитывает его.

¹ Ассоциация (здесь) - связь, возникающая при определенных условиях между отдельными ощущениями, восприятиями, представлениями и т.п. (в психологии). [Ефремова. Толковый словарь Ефремовой. 2012]

(Например: *Если бы я был цветком, то все бы мной восхищались*). Далее можно использовать авторский текст, чтобы студенты опирались на него в качестве примера и могли создать свою историю от лица предмета.

Эффективно актуализировать внимание позволяет и *сфокусированное письмо* – приём, толкающий писать в течение отведенного времени, сосредоточившись на проблеме и вопросе. Заранее оговаривается, что принимаются все точки зрения, нет единого правильного ответа. В отличие от свободного несфокусированного письма, учащиеся зачитывают свои тексты и анализируют тексты одноклассников.

Этап актуализации позволяет возбудить у участников любопытство к изучаемой теме, преодолеть боязнь начинать писать текст, позволяет коллективно обсудить и составить план, который может быть опорой для создания креативного эссе. Работа над качеством текста, разнообразием лексических и синтаксических конструкций может быть проведена на следующем этапе работы над созданием собственного текста, но важно отметить, что только постоянная практика и качественная обратная связь со стороны преподавателя может дать значимые результаты.

Заключение

Инновационный подход в обучении направлен на развитие различных компетенций учащихся, поэтому «задача современного образования – воспитание независимо мыслящих людей... - это не обязательно «порождать идеи», а главное самостоятельно делать выводы», – говорит профессор Стэнфордского университета Дэн Эдельштейн [Dan Edelstein, 2009]. Креативное эссе как раз позволяет студентам осмысливать информацию и самостоятельно формулировать суждения.

Приёмы, направленные на развитие письменной речи учащихся, а в том числе навык креативного письма, позволяют сделать занятия интересными, не банальными, а направленными, действительно, на то, чтобы учащиеся захотели выразить свою точку зрения, обозначить позицию по той или иной проблеме. Такие приёмы, как свободное несфокусированное письмо, сфокусированное письмо, концептуальная карта, сторителлинг, ассоциативный ряд, применяемые на этапе актуализации, помогают студентам научиться делать собственный текст креативным и насыщенным.

Литература

Алан Крофорд, Венди Сол, Сэмюэл Р. Мэтьюз и др. Уроки для критических мыслителей: стратегии активного обучения и критического мышления. М.: Центр РКМЧП, 2005

Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования: сборник статей / под ред. Дж. Беккера, Ф.В. Федчина. – СПб.: СПбГУ, 2014. –124 с. С. 43

Шапиро Н.А. *Дети и тексты: очерки преподавания литературы и русского языка / Н.А. Шапиро; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.*

Эссе: что такое, как писать, сочинение эссе, примеры // Официальный сайт Тихоокеанского государственного университета. URL: <https://pnu.edu.ru/ru/recruitment/graduates/essay/>

Dan Edelstein. *How Is Innovation Taught? On the Humanities and the Knowledge Economy*. Liberal Education. Vol. 96. No 1.

Shabalina A.S.

DEVELOPING THE SKILL OF CREATING A CREATIVE TEXT

A lot of attention is paid to writing an essay in traditional learning. The development of speech school training is aimed at forming and developing the students' skill in text writing. And it is most often because the essay is included in the final certification. And modern graduated schoolchildren do not know how to write original, creative texts at all and are even very biased toward an analytical essay. This is certainly because many children simply do not come to read, which prevents them from thinking figuratively. But the standardization of essay structuring in general also leads to this attitude.

The article discusses and substantiates the importance and relevance of developing the text creating skills and describes the methodological techniques used to develop the ability of creative writing while first and second-year students of the college are studying Russian. The aims and structure of methodological techniques aimed at overcoming the fear of a "blank canvas". The author explains why it is necessary to apply these practices at the stage of updating knowledge regularly.

Creative essay, actualization, freehand unfocused and focused writing, concept map, storytelling

ХАРАКТЕРИСТИКА СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья носит реферативный характер, а актуальность ее предмета связана с назревшей необходимостью изучения особенностей языка поэтического дискурса не только как отражения литературного процесса, но и как важной составляющей коммуникативной практики, в которой заданы векторы изменения узуса. Представлен феномен художественного дискурса, изучен литературный текст как организованный с определенной прагматической целью и реализующийся в определенных экстралингвистических условиях коммуникативный акт.

Рассматриваются различные теоретические подходы к формированию и реализации художественного дискурса в современных социокультурных условиях.

Проанализированы основные компоненты литературных произведений, такие как цель, стратегии, жанры, участники, хронотоп, а также такая черта как антропоцентричность, специфика подачи информации, стилистика, эмотивность художественной речи.

Художественный дискурс, язык и стиль поэтических произведений, хронотоп, цели, стратегии, жанры художественной литературы

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки, безусловно, не ослабевает интерес к изучению языковой стороны произведений художественной литературы.

С середины XX века идиостиль как языковой феномен стал объектом изучения лингвистики (см. работы В.В. Виноградова, А.В. Щербы, И.Р. Гальперина, Т.Г. Винокура, В.А. Лукина, Н.М. Шанского). В свою очередь, повышенное внимание лингвистов к данной проблематике послужило толчком к активному развитию новых направлений в языкознании (лингвостилистика, когнитивная лингвистика), которые обеспечили возможность адекватного описания сущности и функций средств выразительности в тексте.

Однако, несмотря на наличие целого ряда работ, направленных на исследование явлений языка в текстах художественных произведений, многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными, а некоторые аспекты неполно изученными.

Открытым остается вопрос о лингвистической природе и функционировании выразительных и экспрессивных средств языка в текстах художественных произведений отдельных авторов.

Закономерным в этом плане является интерес к языку произведений поэтов различных стран и регионов, так как их способность остро и точно воспринимать местную действительность сочетается со стремлением к отражению вечных тем, заявленных в мировой и русской поэзии. Языковая сторона произведений весьма выразительна и продуктивна, исследование лингвистической природы и особенностей функционирования языковых изобразительных средств в художественном дискурсе способствует постижению современной действительности и тенденций развития российской словесности.

Художественный текст и лингвистика дискурса

Интерес к феномену художественного дискурса актуализируется в последние десятилетия в филологической науке в связи с тем, что художественная литература воспринимается как организованный с определенной прагматической целью и реализующийся в определенных экстралингвистических условиях коммуникативный акт. По мнению Н.Д. Арутюновой, «литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)» [Арутюнова, 1999; 365].

Лингвистика текста помогает организовать адекватную интерпретацию художественного произведения, который представляет собой конгломерат различных речевых актов. Художественное впечатление, получаемое адресатом, выступает в качестве некой ментальной операции, которая становится «проводником» в целях реконструкции собственной жизни по заданной художественным текстом траектории.

Современная лингвистика базируется на принципе антропоцентризма, включающего «человеческий фактор» в научное осмысление языковой деятельности. Анализ художественного текста с позиции антропоцентризма требует введения термина «художественный дискурс», который понимается «как связный текст в его совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психолингвистическими и другими факторами, как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимоотношении людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». [Караулов, 2003; 79].

Своеобразие художественного дискурса как коммуникативно направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, заключается в его культурологической значимости и способности воплощать в образной форме

моделируемую автором особую художественную картину мира. Художественный дискурс предстает как продукт одного из самых сложных видов коммуникации – литературной, субъектами которой становятся не только автор и читатель, но и персонажи. Поэтому реализация антропоцентрического принципа при анализе художественного дискурса открывает новые возможности при условии, что объектом исследования оказывается персонаж как специфичная языковая личность. Ориентация на речевое поведение персонажа или лирического героя, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ персонажа или лирического героя как языковой личности во всей совокупности представленных в художественном дискурсе характеристик [Михайлов, 2006; 145-146].

Наибольшее признание получила коммуникативная теория дискурса (Г.В. Колшанский, И.Р. Гальперин, Т.А. ван Дейк). Как отмечает Г.В. Колшанский, «основной единицей коммуникации является текст, ибо только в тексте развертывается цельная, конкретная коммуникация, а само общение приобретает законченный информационный акт» [Колшанский, 1984; 62].

В нашей статье мы используем широкое понимание дискурса, согласно которому к дискурсу отнесем всё, что в форме письменной или устной речи предназначено для целенаправленного воздействия одних людей на других (публикации, учебники, выступления политиков и деятелей культуры, деловые письма и религиозные проповеди).

На наш взгляд, в первую очередь интересен именно поэтический дискурс как обязательная составляющая словесного художественного творчества. В связи с этим ценным представляется определение И.И. Чумак-Жунь, согласно которому «поэтический дискурс – это интегративная и системная (связанная) совокупность поэтических текстов в единстве лингвистических, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических факторов их порождения и восприятия» [Чумак-Жунь, 2009; 34].

Художественный (а более конкретно, поэтический) дискурс обладает наряду с универсальными компонентами (участники, хронотоп, цели, стратегии, жанры и их разновидности) специфическими маркерами, такими как антропоцентричность, художественная информация, вымысел, стилизованность, объединение устной и письменной речи, эмотивность.

Рассмотрим некоторые признаки подробнее.

1. Участники художественного дискурса – автор и читатель. Читатель как адресат не является непосредственным участником прагматической ситуации, вследствие этого ключевым для него является социокультурный смысл текста, а не та или иная реакция на сообщение.

2. Хронотопом художественного дискурса могут быть различные эпохи и ситуации, но читатель избирает те компоненты, которые воспринимаются им как модель его будущих действий. События на страницах художественного произведения могут происходить в разные века, поэтому в одно и то же время одно и то же произведение в разных слоях общества оценивается адресатом по-разному, так же как и каждая эпоха вносит свои дополнительные коррективы в трактовку этого же произведения.

3. Антропоцентричность как характеристика художественного дискурса направлена на познание человека, а каждый элемент текста (в том числе языковые параметры) становится важным с точки зрения того, что человек - это не только объект описания, но и его центр, та семантическая доминанта, которая обуславливает принципы организации текста и создает текстовое единство.

4. Художественная информация, которая бывает трех видов: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая, которые составляют художественную информацию [Гальперин, 2005; 62]. Если автор типизирует явления действительности или представляет внутренний мир личности в его типичности, то эстетические и этические свойства художественного произведения проявляются в процессе рецепции со стороны читателя.

5. Вымысел выступает как своего рода соглашение между автором и читателем изменять или опускать некоторые подробности событий художественного произведения. Адресант старается сочетать вымышленные события и события, имевшие место в действительности, потому что он никогда не сможет описать на страницах художественного произведения все разнообразие событий, произошедших в настоящей жизни.

6. Стилизованность речи, в связи с чем в художественном произведении мы встречаемся с такими лексемами и фразами, которые нашему обыденному сознанию могут быть не свойственны (например, художественная стилизация разговорной речи помогает рисовать самые живые картины и выражать персонажам искренние чувства).

7. Эмоциональная окрашенность наблюдается и в различных типах дискурса, но в художественном дискурсе адресант не может избежать употребления эмотивной лексики, так как функцией данного типа дискурса является создание чувственного восприятия действительности с помощью выразительных языковых средств. Вследствие этого автор художественного произведения употребляет образные средства, как лексические, так и синтаксические.

Произведение художественной литературы неверно рассматривать только как совокупность определенных дискурсов,

уникальность и своеобразие которых обоснованы исключительно их лингвистическими признаками [Дейк ван, 1988; 101].

Зачастую художественные произведения (особенно произведения современной литературы) по своим языковым (грамматическим и семантическим) признакам могут существенно не отличаться от других типов дискурсов. При этом художественный дискурс, возможно, обладая некоторыми признаками других дискурсов, преследует принципиально отличную от них цель, которую можно описать следующим образом: автор через свое произведение осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как реципиента (под духовным пространством читателя мы понимаем здесь его систему ценностей, знаний, личностных ориентиров) с целью воздействовать на него, внести изменения в его картину мира.

Заключение

Художественный дискурс актуализирует единство коммуникативного события между эстетическим объектом и эстетическим адресатом. Текст как репрезентация внешней оболочки художественного дискурса связан с его прагматической направленностью, так как любое речевое произведение ориентировано на читателя.

Художественный текст манифестируется как совокупность системно выстроенных речевых знаков в их последовательности, реализующая модель коммуникативных актов адресанта и адресата сообщаемого.

Анализ художественного дискурса обязательно предполагает изучение собственно языковой ткани литературного текста и определение основных языковых параметров образности, определяющих смылосодержание художественной литературы.

Литература

Алефиренко Н.Ф. *Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография* / Н.Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006. 288 с.

Арутюнова Н.Д. *Метафора и дискурс* / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека* / Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1999. 895с.

Валгина Н.С. *Теория текста: Учебное пособие* / Н.С. Валгина. М.: Логос, 2004. 280 с.

Виноградов В.В. *О языке художественной литературы* / В.В. Виноградов. М., 1960. 142 с.

Винокур Г.О. *Понятие поэтического языка* / Г.О. Винокур // Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 140-145

Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования* / И.Р. Гальперин. М., Едиториал УРСС, 2005. 144 с.

Дейк ван Т.А. Стратегия понимания связанного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXIII. М. : Прогресс, 1988. С. 153–206.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. 175 с.

Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. – Тамбов: ТГУ, 2003. – С. 32-34.

Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. М.: Изд-во "Ось - 89", 2005. 560 с.

Михайлов Н.Н. Теория художественного текста / Н.Н. Михайлов. М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.

Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII - начала XXI веков / И.И. Чумак-Жунь. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 244 с.

Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н.М. Шанский. М.: Просвещение, 1986. 157 с.

Chumakov A. N., Chumakova D. A.

THE CHARACTERISTICS OF THE ORIGINALITY IN LITERARY DISCOURSE

The article's relevance is associated with the urgent need to study the poetic language features not only as of the literary process reflection but also as an important component of communicative practice, in which vectors of its change in the usus are given.

The article presents the phenomenon of literary discourse. The literary text is studied as a communicative act that is organised with a certain pragmatic purpose and realizes itself in certain extralinguistic conditions. Various theoretical approaches to the formation and implementation of literary discourse in modern socio-cultural conditions are considered. The main components of literary works are the goals, strategies, genres, participants, chronotope, anthropocentricity, specifics of the information's presentation, stylistics, emotivity of literary speech are analyzed.

Literary discourse, the language and the style of poetic works, chronotope, goals, strategies, genres of literary works

СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ ЗВУКОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Художественный мир любого писателя неповторим, поэтому рассмотрение экспрессивных функций звука в отдельно взятом идиостиле всегда является актуальным вопросом. При этом не может быть некоего инвариантного подхода к описанию любого отдельно взятого языкового факта в рамках индивидуального творчества писателя.

Статья посвящена исследованию звуковой организации поэтического текста. Звук в контексте художественного произведения рассматривается как эстетическое средство, позволяющее глубже выразить эмоции, дополнительные смысловые оттенки, участвовать в создании художественного образа. Подробно автор останавливается на смысловой функции звуковых повторов, рассматривая конкретные примеры из стихотворений Ф.И. Тютчева. Материалом нашего исследования послужили тексты стихотворений одного из ярчайших поэтов XIX столетия – Ф.И. Тютчева.

Семантизация, смысловая функция звукового повтора, ассонанс, аллитерация

Введение в проблему

Проблема символики звуков всегда была одной из спорных в лингвистике. Звук как многомерное явление может быть проанализирован с точки зрения естественных и гуманитарных наук. Ученые рассматривают акустические, физиологические, лингвистические, психологические характеристики звуков.

Еще античные философы, в зависимости от различного подхода к пониманию сущности звуковой семантики, разделились на два течения – «натуралистов», которые считали, что значение слов связано с формой «по природе», то есть в силу внутреннего соответствия между формой и смыслом, и «конвенционалистов», считавших, что семантика базируется на общественном соглашении. Однако все сходятся на мнении, что звуки речи способны выражать дополнительные смысловые оттенки.

Наиболее ярко эта способность проявляется в поэтическом тексте. По утверждению У. Вайнриха, язык гиперсемантизируется в художественных произведениях. При этом философ указывает на, как минимум, два признака гиперсемантизации. Первый предполагает то, что звуковая сторона знака

приобретает независимую символическую значимость («импрессионистическую» - звукоподражательную - или «экспрессионистическую», то есть синэстетическую); особое семантическое отношение приписывается знакам, имеющим сходное означающее (рифмы и т.п.). Второй признак предполагает тот факт, что в определенном художественном тексте некоторым языковым «знакам приписываются значения, более богатые, чем значения тех же самых знаков вне данного текста, или как-либо иначе отличающиеся от этих последних» [Вайнрих, 1970; 169]. Он признает наличие значащих сегментов меньших морфемы и называет их фоноэстемами.

Известные лингвисты И.Р. Гальперин, Р. Якобсон, Г.О. Винокур, Ж. Вандриес, С. Ульманн говорили о существовании связи между звуком и значением (смыслом).

И.Р. Гальперин считает, что звуки способны нести в себе определенную информацию, но только тогда, когда они организованы в систему и обязательным условием системности выступает звуковой повтор. Ж. Вандриес наделяет звуки не значением, не смыслом, а выразительностью. «Различные звуки и их различные сочетания, - пишет он, - обладают различной выразительной силой. В этом тайна образования звукоподражаний» [Цит. по Гальперин, 2005; 53].

Выступая против гипертрофии идеи звукового символизма, И.Р. Гальперин, однако, считает неоспоримым тот факт, что в поэзии как наиболее организованном виде речи «звуковая организация высказывания несет в себе определенные коммуникативные функции» [Гальперин, 2005; 57].

Р. Якобсон в статье «Звук и значение» отмечает, что звук обладает значимостью: «В поэтическом языке, где звук как таковой имеет самостоятельную значимость, звуковой символизм актуализируется и создает нечто вроде аккомпанемента означаемого» [Якобсон, 1985; 89].

Таким образом, большинство исследователей единодушны во мнении, что смысловое содержание звуков несет в себе закодированную информацию, для понимания которой необходимо глубокое проникновение в смысл всего текста. Несомненно также и то, что звуковая организация произведения, а также ритмико-интонационные факторы способствуют дополнительной семантизации всего текста.

Звукопись поэтического текста

Поэтическая речь обладает особым арсеналом средств выразительности, которые необходимы при создании художественного образа. Подобные средства не случайны в тексте, а намеренно избираются автором с особой эстетической целью – эффективно воздействовать на читателя. К таким приемам воплощения художественного мировосприятия относятся, прежде всего, стилистические приемы, символы, образы,

окказионализмы, необычная сочетаемость слов, необычный порядок слов, экспрессивные словообразовательные структуры и т.д.

Исследователями давно отмечалось, что повторяемость фонем в поэтических текстах подчинена несколько иным законам, чем в текстах нехудожественных. Если рассматривать обычное речевое употребление как неупорядоченное, то поэтический язык предстанет как упорядоченный особым образом, в том числе и на уровне звуков.

Автор художественного произведения подбирает слова таким образом, чтобы определенные фонемы встречались чаще или реже, чем в контексте повседневного речевого общения. Носитель языка интуитивно чувствует среднюю частотность повторяемости тех или иных звуков в речи, поэтому норма повседневного общения реализуется особым образом - незаметностью. Нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным. Пониженная частотность также может быть способом выделения. Кроме частоты повторяемости одних и тех же фонем существенна повторяемость их позиции (в начале слов или стихов, во флективных элементах, под ударениями, повторяемость групп фонем относительно друг друга и пр.).

Стилистические функции звуковых повторов в поэзии Ф.И. Тютчева

Намеренные повторы звуков в художественном тексте имеют определенную художественную функцию. Мы сконцентрируем свое внимание на стилистических функциях звуковых повторов в поэзии Ф.И. Тютчева.

При анализе мы опираемся на классификацию, предложенную В.А. Романенко в учебно-практическом пособии по фоностилистике [Романенко, 1999; 4-7]. Автор предлагает выделить пять функций звуковых повторов в тексте. Отдельно В.А. Романенко выделяет смысловую функцию, которая заключается в выделении ассонансом и аллитерацией, а также лексически центрального *звукообраза* стихотворения.

В проанализированных нами стихотворениях сборника смысловая функция звуковых повторов встречается не так часто, как остальные. Частотность ее появления – примерно 5% от общего числа стилистических функций. В большинстве стихотворений встречается не одна, а сразу несколько функций звуковых повторов, однако одна из них является доминирующей.

Для анализа нам необходимо привести весь текст стихотворения.

*И **гроб** опущен уж в могилу,
И всё **столп**илось **вокруг**..
Толкутся, дышат **через** силу,
Спирает **грудь** **тлет**ворный **дух**..*

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.
Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...
А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...
[Тютчев, 1976, с. 88]

Центральным звукообразом стихотворения является процесс погребения и сопутствующий ему образ «гроба». В стихотворении этот образ поддержан как лексически, с помощью двукратного повтора слова «гроб», так и фонетически. Данное слово как бы распадается на отдельные звуки и звукокомплексы, повтор которых отмечен в каждой строчке стихотворения. Нами выделена аллитерация звукосочетаний «гр» и его глухих вариантов «кр», «хр», а также аллитерация «п», «р», которые в комплексе составляют лексему «гроб». Таким образом, повторы звуков выполняют смысловую функцию.

Кроме того, отмечена аллитерация согласного «т», которая возникает при описании образа толпы: звуковой повтор «т» как бы обрамляет образ, возникая в начале стихотворения и перед последним четверостишием.

И всё столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух.
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...
[Тютчев, 1976, с. 88]

Обратимся к ассоциативному значению данного звука согласного пониманию М.В. Ломоносова: звуки к, п, т, б, г, д «имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы... и потому могут только служить в том, чтобы изобразить...действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие...» [Цит. по: Романенко, 1999; 5]. В этой связи особо обращает на себя внимание ассонанс в последнем четверостишии стихотворения, который вводит образ, контрастирующий представленному в остальном тексте произведения. Звуковой повтор гласного «э» вызывает позитивные эмоции, ассоциативно связывается с образом чистого неба. Небо у Ф.И. Тютчева сопровождается эпитетами

«беспредельное» и «нетленное», ассоциируется с «бездной», т.е. оно бесконечно в пространственном и временном отношениях и тем самым четко противопоставлено всему земному, «тлетворному» и суетной «толпе», образ которой так ярко представлен в первой части стихотворения.

Итак, в данном произведении с помощью повторов звуков, составляющих центральный звукообраз стихотворения, автор добивается углубленного звучания идеи стихотворения.

Рассмотрим текст стихотворения «Рим ночью».

*В ночи лазурной почи^ивает Рим.
Взошла луна и – овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почи^ивший –
Всё тот же мир, волшебный, но отжи^ивший!..*

[Тютчев, 1976, с. 141]

Центральный звукообраз стихотворения, образ древнего города Рима, поддерживается как лексически, троекратным повтором номинации, так и с помощью разложения центральной лексемы на составляющие звуковые элементы «р», «и», «им», повтор которых мы наблюдаем на протяжении всего стихотворения.

На глазах читателя слово «Рим» как бы распадается на отдельные звуки, что напрямую соотносится с разрушением древнего города. Кроме того, в создании образа Рима Ф. Тютчев очень удачно использует дважды слово-палиндром «мир», которое при прочтении в обратном направлении дает ту же центральную лексему «Рим».

Получается, что в смысловом плане «Рим» и «мир» в значении «спокойствие» у поэта сливаются в единое целое. Эта идея соотносится с названием стихотворения «Рим ночью», которое как напрямую указывает на безмятежность и спокойствие «спящего города», так и указывает на второй план повествования, связанный с идеей бренности и небытия. На это же указывают лексемы «прах», «отживший».

Кроме того, в данном стихотворении отмечена аллитерация глухих согласных «х», «ч», «ш», «ф», которая выполняет экспрессивно-образительную функцию, связываясь по ассоциации с образом небытия. То, что не имеет звука у Ф. Тютчева, то мертво, отжило; и хотя Рим и называют «вечным городом», поэт добавляет к слову «вечный» лексему «прах», что поддерживает идею небытия.

Заключение

Звуковой символизм, как и ритмико-интонационные особенности поэтического текста способствуют дополнительной семантизации всего текста. Для изучения фонетической стороны художественного текста необычайно важным является рассмотрение способности звука быть эстетическим средством, выражать эмоции, чувства, дополнительные оттенки смысла, рождать ассоциации, участвовать в конструировании художественного образа.

Смысловая функция звуковых повторов как одна из наиболее сложных для анализа, но наиболее глубоко реализующая авторское задание, помогает автору объемнее обрисовать центральный звукообраз стихотворения, а читателю глубже постичь идейный замысел поэта.

Литература

Вайнрих У.О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. - М., 1970. Вып. 5.

Гальперин И.Р. *Избранные труды*. - М., 2005.

Якобсон Р. *Звук и значение. Избранные труды*. М., 1985.

Романенко В.А. Учебно-практическое пособие по фонолистике. - Тирасполь, изд-во «ПГУ», 1999. 71 с.

Тютчев Ф. И. *Стихотворения*. - М.: «Профиздат», 2015.

Scomarovscaia A.A.

THE SEMANTIC FUNCTION OF SOUNDS IN A POETIC TEXT

The artistic world of any writer is unique, so the consideration of the expressive functions of sound in a single idiosyncrasy is always an urgent issue. At the same time, there can be no invariant approach to the description of any single linguistic fact within the framework of the writer's indivisible work. The article is devoted to the study of the sound organization of the poetic text. Sound in the context of a work of fiction is considered an aesthetic means, which allows the expressing of emotions, additional semantic shades, to participate in the creation of an artistic image. The author dwells in detail on the semantic function of sound repetitions, examining specific examples of F.I. Tyutchev poems.

Artistic world F.I. Tyutchev poems, the sound organization of the poetic text, the semantic function of sound repetitions

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЦВЕТОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ КАК СЕГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Тот факт, что язык является зеркалом культурных традиций и жизненных ценностей народов, говорящих на этом языке, не подвергается ни малейшему сомнению. Чем ярче и красочней спектр выражений и понятий, тем более основательно и убедительно национальный характер того или иного народа заявляет о себе и своих предпочтениях, мировоззрении. Из множества поведенческих реакций и действий можно выделить по цветовому маркированию те, которые выступают наиболее значимыми для той или иной культурной группы или объединения. В статье тезисно декларируется влияние цветового компонента в английских фразеологических единицах - сегментах английской национальной языковой картины мира на семантику фразы в целом. Указывается, что это влияние отражается в особенностях употребления английских фразеологизмов в речи. Символика, которая строится на различного рода ассоциациях передает и акцентирует особенности культуры. Цвет помогает передавать чувства и эмоции с экономией языковых средств. Это, в свою очередь, облегчает сам процесс коммуникации.

Цветовой компонент, фразеологическая единица, языковая картина мира, менталитет

Введение

Еще в древние века у различных групп народов существовал определенный спектр любимых цветов. В этом случае можно сказать и о национальных цветах, которые определяют наиболее характерные черты той или иной нации: зелено-желто-черные цвета жителей Ямайки, спокойные бело-черно-голубые цвета эстонцев и т.д. Возможно, поэтому многие фразеологизмы в языках этих народов связаны именно с этими цветами. Необходимо акцентировать внимание на обширной когнитивной системе каждой культуры и народности, и проанализировать то, как элементы этой системы проявляются на разных уровнях, для чего необходимо рассмотреть понятие языковой картины мира.

Языковая картина мира как общекультурное достояние

Согласно Л. Вайсгерберу характеристиками языковой картины мира выступают следующие:

1. Языковая картина мира - это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка.

2. Языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития.

3. Языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. <...> языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему.

4. Языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе.

5. Языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит, и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка.

6. Языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатленные средствами языка.

7. Картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка.

8. Языковая картина мира конкретной языковой общности и есть ее общекультурное достояние. [Цит. по: Ваганова, 2015]

Цветовой компонент в английских фразеологических единицах - сегментах английской национальной языковой картины мира

Рассмотрим для примера фразеологические единицы – сегменты национальной английской языковой картины мира с несколькими цветовыми компонентами.

1. white

Белый цвет имеет в основном положительную коннотацию, и так было еще с древнейших времен, это благодать, добро, радость, свет, непорочность:

white hot – производящий сильное впечатление, волнительный;

to mark with a white stone – ознаменовать день как особый, отличный от других каким-то моментом;

С другой стороны это цвет мира, спокойствия. Здесь можно говорить о некоем совпадении семантики белого почти у всех народностей, не зря при проведении боевых действий в случае примирения выкидывался белый флаг и всем было понятно, что это означает.

white alert – сигнал, который дают в воздушном пространстве, он знаменует отсутствие опасности;

to stand in a white sheet – раскаяться в публичном месте, при всех [Longman, 1992].

2. Blue

Голубой цвет может выступать в значении чего-то оскорбительного, злого, грубого;

blue jokes – заезженные шутки, повторение;

blue movie – фильм, содержащий эротические стороны;

blue-sky ideas – что-то несбыточное, не имеющее практического обоснования [Longman, 1995].

3. Green

В английской национальной ЯКМ прилагательное *green* означает неопытность, малоосведомленность, а также ревность

as green as grass – без особого опыта за плечами, мало знающий;

greenback – денежная единица;

green cloth – казино, стол для карточных игр;

green-eyed – отстаивающий свою собственность, ревнивый;

green goods – фальшивка [Longman, 1992].

Наблюдение над функционированием фразеологизмов с лексемами цветообозначения в речи показывает, что цветовой компонент в английских фразеологических единицах - сегментах английской национальной языковой картины мира влияет на семантику фразы в целом. Цвет помогает передать информацию об эмоциональном состоянии говорящего или о его отношении к чему-либо с большой речевой экономией.

Заключение

В сознании каждого человека имеется определенный концепт, так называемый образ материального предмета или объекта, который не совпадает полностью с образом того же предмета в представлении другого человека, но являет собой схему, которая для всех значима и понятна. Стать более осязаемым и понятным для всех этот образ может стать путем превращения его в вербальный продукт и передачи его во внешний мир, а именно оппоненту, через соответствующие каналы информации. Так, например, в тезаурусе многих европейских языков находим эквивалент русскому выражению «белая ворона», и им является идиома «черная овца».

Например, англ. *black sheep* («чёрная овечка», «чёрный барашек»), словосочетание *black sheep*, с одной стороны указывает на отличие члена социального объединения от людей, находящихся с ним, а с другой стороны, нежелание окружающих видеть его в кругу своих, одинаковых. Если первая часть имеет схожие черты с русским «белая ворона», то вторая - с выражением «паршивая овца».

Таким образом, можно говорить о «слове» или «лексеме» как о некоем субъективном понятии, различение которого не может выходить за определенные рамки, так как находится это понятие в определенной культурной среде.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Теоретические основы учения о "внутренней форме" фразем // Семантика языковых единиц: Доклады V междунар. конф. / Москва, 1996. Вып.2. С.66-79.

Баженов Г.А. Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 1999. - 160с.

Ваганова Е.Г. Языковая картина мира: онтологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-ontologicheskiiy-analiz>

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - Высш. шк., Дубна - Москва: Изд. центр «Феникс», 1996. - 267 с.

Леонова Т.В., Самарин А.В. Проблема прагматической направленности при изучении фразеологизмов с компонентом зоонимом в русском и английском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2017. - № 4-7. - С. 26-29.

Longman, *Dictionary of English Language and Culture*. Longman Group UK. Limited, 1992.

Samarin A.V.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOR COMPONENTS AS SEGMENTS OF THE NATIONAL ENGLISH LANGUAGE WORLDVIEW

The article considers the colour component in English phraseological units - segments of the English national language picture of the world and its influence on the semantics of the phrase as a whole. This is reflected in the peculiarities of the use of English phraseological units in speech. The symbolism, which is built on various kinds of associations, conveys and reveals the peculiarities of the culture of English and American English. The use of phraseological units with a colour component takes place in various spheres of life:

economics, politics, art, music, and military affairs. Also, colour helps to convey inner feelings and anxieties, saving language resources. This, in turn, facilitates the very process of communication between different strata of society. The fact that the language is a mirror of the cultural traditions and life values of the peoples who speak this language is not subject to the slightest doubt. Of course, one can judge the abundance of linguistic means in which all this is used, and the brighter and more colourful the range of expressions and concepts, the more thoroughly and convincingly the national character of a particular people declares itself and its preferences, worldviews. Exploring this issue further, it is possible to compose and single out from a huge variety of behavioural reactions and actions those that are most significant for a particular cultural group or association, and it also seems possible to identify those features that they do not declare.

Colour component, phraseological units, associations, phrase semantics, English national language worldview, mentality

Рылова И.А.

РАЗВИТИЕ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье раскрывается роль языковой коммуникации, способствующей развитию речевой деятельности, описываются возможности практического применения речевых навыков в профессиональной сфере и, наоборот, формирование профессиональных умений при интегрированном обучении в процессе языковой и речевой подготовки. Приведены примеры способов реализации социокультурного и языкового аспектов коммуникации (как межкультурной, так и профессиональной), участвующих в активизации мыслительной деятельности обучающихся, развивающих любознательность, пытливость, внимание и активность обучающихся при изучении языковых и профильных дисциплин.

Языковая ситуация, межкультурные связи, профессиональная направленность, интегративное обучение

Введение

Каждый обучающийся в системе среднего профессионального образования выступает представителем той или иной языковой группы, носителем определенной национальной культуры, и сегодня разнообразие языков и культур, с которыми приходится сталкиваться педагогу, которые вступают во взаимодействие друг с другом на занятии и во внеурочное время, особенно велико.

Для многих обучающихся изучение русского языка, литературы представляет собой трудную задачу, так как данный язык для них является неродным. Ведь *каждое занятие по языку - русскому или иностранному – это практическое столкновение с культурой того народа, чей язык выступает объектом изучения* [Тер-Минасова, 2000; 123]. *Культура и язык находятся в прочном функциональном взаимодействии и не могут существовать друг без друга* [Тер-Минасова, 2000: 58], поэтому успешное функционирование и развитие речи возможно благодаря языковой коммуникации, практическому применению в быту, на работе и учебе.

Семантика слова как компонент формирования языковой компетенции

Наибольшее внимание при изучении соотношения языка, слова, культуры направлено на его понятийный компонент. Например, на занятиях по русской литературе обучающиеся при прочтении стихотворений Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова достаточно часто пользуются толковыми и этнографическими словарями. Причиной являются архаизмы, устаревшие слова, давно уже не употребляемые в нашем современном обществе («коты» - вид обуви; «инда» - еще; «дерев» - деревьев и т.д.). Такая работа помогает не только понять содержание произведения, но и погрузить в ту эпоху, когда творил данный литератор.

Произведения, написанные А.А. Фетом, пронизаны мелодичностью и явились вдохновением для написания романсов, музыкальных произведений одним из наиболее известных композиторов того времени – П.И. Чайковским. При анализе стихотворных произведений делается упор и на эту сторону, а также поощряется не просто декламирование стихотворений наизусть, но и вокальное исполнение. Такая практика применяется и при изучении поэзии Серебряного века, что способствует развитию принципов межкультурной коммуникации, знанию творчества не только поэзии, но и музыкального наследия русской классики [Садохин, 2004; 36].

Этот подход обусловлен тем, что культура любого народа отражается и в художественных полотнах, и в музыке, и в архитектуре и, конечно, в слове, которое передает впечатление об увиденном, услышанном. Оно с легкостью погружает нас в ту эпоху, окружающий мир, которое запечатлевает в себе, является мировым наследием прошедших времен [Воробьев, Фролов, 2003; 68].

Н.Г. Комлев, русский лингвист, говорил, что слово, отражающее предмет или явление, не только означает его, но и создает фон, ассоциирующийся с этим словом. Особенно это важно при овладении иностранным языком.

Трактовка новой лексики идет через обязательное разъяснение того или иного объекта, действия и т.д.

Например, «триммер», как инструмент используется и в парикмахерском, и садовом искусстве.

Важно дать точное объяснение и специфику использования данного инструмента. Это возможно на занятии по иностранному языку только после того, как об этом инструменте уже была дана информация на профильном предмете [Библер, 1989; 56].

Преподаватель дисциплин профессионального цикла и преподаватель языковед постоянно находятся в тесном контакте, особенно при изучении тем, напрямую связанных с выбранной профессией, специальностью. Рассмотрение и проработка культурной качественной характеристики слов является важным условием успешного овладения, как русским, так и иностранным языком и расширением смысловой позиции слова, соответствующей тематической и социальной действительности. Все это способствует развитию понятийного компонента при использовании языка как средства общения.

Изучение языковой коммуникации на сегодняшний день актуально и все больше начинает приобретать практический характер [Садохин, 2004; 42], ведь именно в языке, прежде всего, отражается социальный опыт народа. Существование тех или иных лексических единиц обуславливается практическими потребностями людей, их жизненными реалиями, это нужно объяснять обучающимся, учить их самостоятельно вписывать реалии окружающего мира в контекст их словесной реализации.

Например, «керамика» в садово-парковом и ландшафтном строительстве не означает вид посуды, а является видом декора при оформлении сада, «трельяж» тоже не является видом мебели с тремя зеркалами, а является тремя деревянными опорами, размещенными по стене здания, на которых крепятся цветущие растения.

Различные семантические оттенки слова, как и полнота его описания зависят, прежде всего от того, в каком стиле речи

или сфере человеческой деятельности оно функционирует. А.А. Леонтьев утверждает, что у любого слова могут существовать «национальные смыслы» и если заимствованное слово появляется в языке, то, скорее всего оно просто калькировано. Все это позволяет говорить о «национальных смыслах» семасиологии языка [Верещагин, Костомаров, 2000; 42].

Например, на Дальнем Востоке серп называют в обиходе «литовкой», а швабру - «лентяйкой», а в русском литературном языке слова эти имеют совершенно другие понятия. Значения приведенных слов являются диалектными и несут «национальный смысл». Таких диалектных, просторечных слов много в произведениях Ф.А. Абрамова, В.И. Астафьева, В.Г. Распутина. Значения этих слов ясны и понятны людям, проживающим в тех местностях, которые были описаны авторами в их произведениях. Каждый временной пласт, отображенный в произведении, фиксирует и воссоздает социальные факторы, описывает общество в детальных подробностях. Практически каждое произведение русской литературы насыщено национально-культурным содержанием, представляет собой своеобразное ядро единых фразеологических единиц, может выступать своего рода коннотацией [Садохин, 2004; 24].

На примере разъяснения значения таких слов, причин их включения в художественный текст важно разъяснить обучающимся не только нелитературную сущность этих языковых единиц, но и обращать внимание на их национально-культурную информативность.

Разъясняя обучающимся особенности разграничения нелитературной диалектной лексики по социальному, территориальному признакам, важно акцентировать их внимание на коммуникативном потенциале языковых единиц этой языковой подсистемы, который может быть реализован только в определенном контексте и специфических условиях, а вынесенный за пределы ситуации использования не обеспечивает полноты понимания.

Например, А.И. Солженицын снабдил свое произведение «Один день Ивана Денисовича» специальным словарем тюремной, лагерной лексики для того, чтобы простой читатель мог понять, о чем идет речь в произведении, разобраться в тонкостях общения начальников и заключенных.

Полное знание значения слова дает нам возможность глубже и прочнее осмыслить, вникнуть, понять произведения художественной литературы и публицистики [Библер, 1989; 48].

Базовый уровень владения языком может обеспечить читателю общее представление о том смысле, который автор воплотил в художественном тексте, однако только теоретические знания языка не дадут возможности уловить ни аналогии, ни

намеков, ни какого либо подтекста, а это, в свою очередь, не может обеспечить понимания культурно специфичного текста инофоном, представителем другой языковой культуры. Для того чтобы процесс межкультурной коммуникации между читателем и автором был успешным, необходимо пристальное внимание обращать на причины и специфику ведения в произведение живой речи героев, особенностей их говора, стиля [Библер, 1989: 67].

Другой значимый пласт национально-специфичных средств - пословицы, поговорки, прибаутки отражают действительность и могут быть использованы. В этом отношении интересны произведения Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова, В.И. Шукшина.

С одной стороны, объяснение функционирования таких фольклорных конструктов должно обеспечить обучающемуся «вхождение» в культурную специфику, отраженную автором художественного текста, с другой – такие единицы наиболее сложны для восприятия и понимания, а мельчайшая ошибка их интерпретации может привести к комическим и даже неловким ситуациям при воспроизведении в живой речи. Важно учитывать многоплановость контекста их использования – историческую эпоху, ситуацию общения, задачи говорящего, особенности его языка, социальный статус и прочие.

С таких же позиций необходимо рассматривать и изучение иностранного языка. Изучение объективных способов определения культурного компонента является важной задачей, так как включение в лингвистический анализ социального компонента дает возможность глубже проникнуть в сам характер и философию языка, полнее изучить условия его функционирования и динамику его развития.

На современном этапе развития нашего общества неизбежно происходит перераспределение ценностей, ориентиров и мотиваций в системе образования: обучение межкультурной коммуникации становится всесторонним подходом к обучению во всей системе образования.

Так, каждый новый материал (текст, аудио- или видеоматериал) подвергается проработке: выявляется новая лексика, выделяются ключевые понятия и идеи. В дальнейшем все преобразуется и трансформируется обучающимися в обсуждениях, предлагаются варианты выполнения заданий самими обучающимися – это позволяет им реализовать тот способ речевого представления, который в большей степени отражает, с одной стороны, особенности их языковой компетентности в изучаемом языке, а с другой – культурную специфику языковой личности обучающегося.

Проверка выполненного обучающимися задания может быть организована как на самом занятии, так и в виде

домашней, самостоятельной работы. Видами такой проверки часто выступают переводы, лексико-грамматические упражнения, вопросно-ответная работа, тесты, квесты, которые можно проводить в реальном формате и в дистанционном.

В преподавании иностранного языка на старших курсах продолжается работа по совершенствованию языковых навыков обучающихся. Особый интерес представляет работа с оригинальными текстами, написанными для носителей изучаемого иностранного языка. Здесь необходимо использовать все те приемы и методы работы с непонятной лексикой, о которых мы говорили выше в приложении к изучению русского языка в рамках ознакомления обучающихся с русским литературно-художественным наследием.

Обогащение устной и письменной речи при работе с аутентичными текстами, а также тематическая систематизация продуктивной и рецептивной лексики находится в центре работы над лексической стороной английской речи [Садохин, 2004; 63].

При изучении иностранного языка обращается внимание на знание материала по всем предметам общепрофессионального и профессионального уровня. При отработке языковых навыков заинтересованность обучающихся возрастает при работе с новой лексикой, особенно специальной, которая представлена профессиональной терминологией или профессионализмами.

Таким образом реализуется социокультурный аспект метапредметных связей, который основывается на познавательном аспекте профессиональных, языковых и общеобразовательных предметов [Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П., 2003: 43].

Интегративное обучение в организациях среднего профессионального образования

В качестве различных видов самостоятельной работы обучающихся на старших курсах выбирают проекты, доклады (от самых простых в техническом плане до мультимедийных), компьютерные презентации, видеофильмы и т.п. Такая работа может быть организована как в традиционной модели занятия, так и в творчески обновленной форме. Задание может быть дано группе обучающихся, а не одному человеку, на занятии может быть проведена и комплексная защита выполненной работы.

Интересной формой может стать занятие по языку (русскому или иностранному) с возможностью погружения в специфику выбранной профессии, во время которого знакомство с определенной темой осуществляется в максимально активном варианте - деловой, ролевой игре, квесте и многих других. Все это способствует всестороннему развитию личности,

развитию коммуникативных навыков, творческих способностей, нравственных и духовных ценностей.

Заключение

Современное преподавание русского языка, литературы, иностранного языка невозможно без привития обучающимся культуры поведения, этики и этикета. Исследования в области методики преподавания языковых дисциплин показали, что обучение межкультурной коммуникации не может существовать без включения лингвострановедческого и социокультурного аспекта в процесс обучения. В свете современных требований целям обучения меняется статус и роль информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам обучающихся и быть сопоставленной с теоретическими и практическими навыками, полученными на занятиях по профилю будущей специальности.

Литература

Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. *Текст как явление культуры*. – Новосибирск, 1989. – С. 197.

Библер В.С. *Культура. Диалог культур (опыт определения)* // Вопросы философии. – 1989. – № 6.

Бодалев А.А. *Восприятие и понимание человека человеком*. – М, Просвещение, 1982г. – 200 с.

Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. *Лингвострановедческая теория слова*. – М., Рус. яз., 2000. – 543с.

Воробьев В.П., Фролов Б.А. Об эстетическом аспекте культурной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2003. – № 5.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. *Основы межкультурной коммуникации*. – М.: ЮНИТИ, 2003. – С.352

Садохин, А.П. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 288.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. – М., 2000. – 624 с.

Rylova I.A.

DEVELOPMENT OF SPEECH COMPETENCE IN THE CONTEXT OF INTEGRATIVE EDUCATION IN THE SYSTEM OF PRIMARY AND SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The article discloses the role of language communication, the disposal development of speech activities, describes the possibilities of practical use of speech skills in the professional sphere and, on the contrary, the formation of professional skills in integrated training in the process of tongue and speech training.

Examples of the methods of implementing the sociocultural and linguistic aspects of communication (both intercultural and professional) involved in the intensification of the mental activity of students, developing curiosity, inquisitiveness, attention and activity of students in the study of linguistics and profile disciplines.

Language situation, intercultural relations, professional orientation, integrative learning

Погорелая Е.А., Владова Н.И.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВАРИАНТЫ ПРАВОПИСАНИЯ СОГЛАСНЫХ БУКВ

Заимствование иноязычных слов – естественный процесс, характерный для каждого из языков. Активному проникновению в современный русский язык англоязычных заимствований способствует процесс глобализации, а также толерантность в межличностных отношениях. Заинтересованность носителей русскоязычной культуры в использовании единиц иноязычного происхождения обуславливается ёмкостью неологизмов и их особой визуализацией в текстах СМИ, которые раньше других манифестируют их появление. В иноязычной единице всегда появляется какой-либо новый смысл или важная интонация, в связи с чем их крайне трудно заменить аналогами из русского языка, не только полностью передающими их значение, но и отражающими соответствующую стилевую окраску. Не всегда уместно употреблять, к примеру, русское словосочетание «новая версия» вместо англоязычной единицы «ремейк», слово «решётка» вместо слова «хештег».

В статье рассматривается проблема правописания согласных букв в лексических заимствованиях новейшего периода в современном русском языке.

Национальный корпус, орфографические варианты, лексические заимствования, словоупотребление, тексты СМИ

Введение

Важность изучения проблемы правописания лексических заимствований в современном русском языке подтверждается выходом в свет в 2018 году новой редакции «Русского орфографического словаря» В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой, Л.К. Чельцовой, в которую было включено около 670 единиц, отсутствующих в предыдущем издании.

Известно, что новая иноязычная единица оказывается устойчивой в языке только тогда, когда закрепляется в письменной и устной речи, поэтому в правописании новейших иноязычных единиц в русском языке остаются актуальными три основные проблемы:

- 1) проблема употребления согласных букв;
- 2) проблема употребления удвоенных согласных букв;
- 3) проблема выбора между гласными буквами «э» и «е».

Причины появления в орфографических словарях равноправных вариантов написания новых и новейших иноязычных единиц

Остановимся подробнее на одной из них и рассмотрим варианты правописания согласных букв в новейших заимствованиях.

Проблема употребления согласных букв в новых и новейших заимствованиях связана с появлением в орфографических словарях равноправных вариантов правописания некоторых единиц. Как правило, орфографическими словарями не допускаются варианты написания, однако среди рассмотренных в ходе нашего исследования заимствований было обнаружено две единицы, в правописании которых словарями зафиксированы равноправные варианты. Это слова *пати* и *андеграунд*:

пати и *пáрти*, нескл., ж. (вечеринка, званый вечер)
андергра́унд, -а и *андеграунд*, -а.

Следует выяснить, по какой причине орфографические словари в данном случае не остановились на одном конкретном и твердо установленном варианте.

Итак, иноязычная единица *пати*. Согласно орфографическому словарю, у данного слова два варианта правописания – с буквой «р» и без. В газетном корпусе НКРЯ наблюдается употребление обоих вариантов: указывается 96 вхождений для единицы *парти* и 112 вхождений для единицы *пати*. С употреблением варианта *пати* не возникает вопросов: данный вариант написания всегда употребляется в значении «вечеринка, званый вечер». Употребление же варианта *парти* в газетном корпусе НКРЯ следует прокомментировать.

Итак, во-первых, из общего количества примеров употребления варианта *парти* следует исключить два случая, когда данный вариант употребляется как имя собственное и обозначает фамилию человека.

Например:

Голы забили Жоау Фелиш (48), Томас Парти (58). [«Локомотив» проиграл «Атлетико» в Лиге чемпионов // Коммерсант, 2019.10.01]

Во-вторых, подчеркнем, что вариант правописания *парти* в газетном корпусе НКРЯ употребляется не только в значении «вечеринка, званый вечер», но и в значении «политическая партия».

В английском языке слово *party*, действительно, имеет два значения: 1) вечеринка; 2) политическая партия.

Количество примеров употребления варианта *парти* в значении «политическая партия» равняется 94 вхождением, что во много раз превосходит количество примеров употребления этого же варианта в значении «вечеринка» (всего 3 вхождения). В таком случае частотность употребления вариантов правописания слова *пати* в значении «вечеринка, званый вечер» будет выглядеть так: *парти* – 3 вхождения, *пати* – 112 вхождений. Кроме того, в значении «вечеринка, званый вечер» единица *пати* преимущественно пишется без буквы «р», когда как в значении «политическая партия» данная единица пишется всегда только с буквой «р».

Таким образом, наличие орфографических вариантов новой иноязычной единицы способствует разграничению в письменной речи нескольких значений употребляемого англоязычного заимствования.

Проанализируем словоупотребление второй иноязычной единицы, имеющей варианты правописания: *андерграунд*, *-а* и *андеграунд*, *-а*. В газетном корпусе НКРЯ указывается 37 вхождений единицы *андерграунд* и 108 вхождений единицы *андеграунд*. Таким образом, в 75% случаев в текстах СМИ употребляется вариант правописания *андеграунд*.

В употребление некоторых словоформ производной единицы от слова *андеграунд* – прилагательного *андеграундный*, которое фиксируется в орфографических словарях также двумя равноправными вариантами правописания (*андерграундный* и *андеграундный*), наблюдается похожая тенденция: вариант правописания без буквы «р» встречается чаще, чем вариант с согласной буквой.

Например, *андеграундный* – 13 вхождений, *андерграундный* – 5 вхождений; *андеграундрные* – 7 вхождений, *андерграундрные* – 2 вхождения и так далее.

Подчеркнем, что количество примеров употреблений варианта без буквы «р» в данных словоформах всегда больше количества примеров с употреблением на письме буквы «р».

Таким образом, несмотря на наличие вариантов правописания слова *андеграунд*, данная иноязычная единица и её

производные употребляются в русском языке преимущественно без согласной буквы «р».

Обратим внимание на правописание других новых и новейших иноязычных единиц, содержащих начальный элемент *андер*. Такие единицы, как *андеркат*, *андеррайтер*, *андеррайтинг*, *андеррайтерский* по газетному корпусу НКРЯ не имеют вариантов правописания и пишутся всегда с буквой «р». Слово *андеграунд*, как видим, не подчиняется общей традиции написания, по следующим причинам:

1) данная иноязычная единица имеет варианты правописания;

2) употребление данной иноязычной единицы не подчиняется общей тенденции употребления буквы «р» в начальном элементе *андер*, в письменной речи преимущественно фиксируется вариант написания *андеграунд*.

Выясним, есть ли у иноязычной единицы *андеграунд* характерные особенности, позволяющие выделить её из ряда единиц, однородных по начальному *андер*.

Во-первых, слово *андеграунд* – это самое раннее заимствование из ряда представленных единиц с *андер*. Слово в значении «*направление в культуре и искусстве*» было заимствовано в 80-х годах XX века. Остальные единицы являются более поздними заимствованиями.

Во-вторых, в отличие от остальных единиц с начальным *андер*, слово *андеграунд* происходит от многозначного английского слова *underground* /'ʌn.də.ɡraʊnd/. По Кембриджскому словарю английского языка существительное *underground* имеет два значения:

1) a railway system in which electric trains travel through tunnels below ground: the London Underground. *Железнодорожная система, в которой электропоезда проходят через туннели под землей (= метро): Лондонское метро.*

2) people in a society who are trying new and often shocking or illegal ways of living or forms of art: In Britain and the USA in the 1970s, the underground was a powerful subversive force. *Люди в обществе, пробующие новый и часто шокирующий или незаконный образ жизни или формы искусства (= подполье): В Великобритании и США в 1970-х годах андеграунд был мощной подрывной силой.*

Письменный вариант слова содержит согласную букву «г», не передающую в транскрипции звука. Остальные единицы с *андер* происходят от слов только с одним значением в языке-источнике.

В-третьих, слово *андеграунд* также отмечается и в основном корпусе НКРЯ, причём в обоих вариантах написания – и с буквой «р» и без неё. Обратим внимание на даты первых

примеров употребления вариантов и на значения, в которых они использованы.

1. Первый пример употребления варианта *андерграунд*:

*У Чаринкрасса мисс Эрмстет спустилась в **андерграунд** и под землей, под Темзой, поезд ее помчал на Клэпхэм-роад, в пригород, в переулки с заводскими трубами и с перебивающими друг друга, фыркающими динамо мастерских. [Б.А. Пильняк. Заволочье (1925)].*

Год фиксирования единицы в тексте – 1925. Это гораздо раньше официального вхождения иноязычной единицы *андеграунд* в письменную речь по словарям. Но и значение, в котором употреблено слово, не соответствует значению «*направление культуры и искусства*». В данном примере *андерграунд* = метро, то есть слово заимствовано в его первом значении в языке-источнике.

2. Первый пример употребления варианта *андеграунд*:

*– Вот видишь, Андрей, как живет наш простой советский **андеграунд**. [Дмитрий Каралис. Дорогая Мирей Матье (1990)].*

Год фиксирования единицы в тексте – 1990. Время соответствует официальному периоду вхождения единицы в язык. Слово употреблено в значении «*направление культуры и искусства*».

Таким образом, иноязычная единица *андеграунд* была заимствована русским языком дважды. В первый раз – в варианте *андерграунд* со значением «метро», во второй раз – в варианте *андеграунд* со значением «*направление культуры и искусства*». В первый раз заимствование было передано в русском языке с указанием непроезжимой, но отображаемой на письме буквой «р», во второй раз – с опущением согласной буквы, обозначающей непроезжимый согласный.

Так, появление в орфографических словарях вариантов правописания иноязычной единицы *андеграунд* связано с необходимостью обозначить на письме разные значения заимствованного слова. Слово *андеграунд* в русском языке чаще употреблялось и употребляется в значении «*направление культуры и искусства*», в связи с этим в текстах современных СМИ фигурирует преимущественно вариант правописания *андеграунд*, характерный для второго заимствования единицы.

Словоформы прилагательного *андеграундный* употребляются и в газетном, и в основном корпусе во всех вариантах правописания только в значении, связанным со словом *андеграунд*, поэтому преимущественно они пишутся без буквы «р».

Рассмотренные варианты правописания позволяют сделать вывод о проблеме правописания согласных букв в новых и новейших иноязычных единицах: появление в орфографических словарях равноправных вариантов написания новых и новейших иноязычных единиц обусловлено необходимостью

обозначить и разграничить употребление одних и тех же заимствованных единиц в разных значениях.

Проблема правописания лексических заимствований с удвоенными согласными буквами

Еще более сложной представляется проблема правописания лексических заимствований с удвоенными согласными буквами. Эта актуальная проблема обусловлена тем, что употребление удвоенных согласных в иноязычных заимствованиях в целом не подчинено конкретным орфографическим правилам, а определяется в словарном порядке.

Так, в действующем своде «Правил русской орфографии и пунктуации», утверждённом в 1956 году, правописанию слов с удвоенными согласными уделяется только один параграф. Правила написания двойных согласных в словах иноязычного происхождения в данном своде помещаются в раздел «*Правописание согласных. Двойные согласные*», в который также входят правила, связанные с написанием удвоенных согласных в исконно русских словах. Таким образом, в «Правилах» 1956 года правописание иностранных заимствований не выделяется в отдельную орфографическую проблему.

В новой редакции «Правил русской орфографии», подготовленной Министерством просвещения Российской Федерации в 2021 году, наблюдаются изменения в подаче правил написания удвоенных согласных в словах иноязычного происхождения. В данном документе правописанию двойных согласных в иноязычных единицах выделяется отдельный параграф «*Двойные согласные в заимствованных (иноязычных) корнях и суффиксах*», что подчёркивает актуальность проблемы правописания иноязычных единиц в современном русском языке. Название параграфа обращает внимание на морфемы, в которых чаще всего возникают трудности, связанные с написанием удвоенных согласных (корни и суффиксы).

Согласно новой редакции правописание удвоенных согласных также регламентируется по словарю. В новой редакции правило дополнено незначительным количеством примеров правописания новых иноязычных единиц: *пицца, киллер, триллер, офшор, штекер* и т.д. «Правила русской орфографии» 2021 года не отмечают правописание многих новых и новейших иноязычных единиц, которые вошли в русский язык в последние десятилетия. В вопросах правописания таких слов, как *аккаунт, баннер, шопинг, офлайн*, приходится руководствоваться только орфографическими словарями. Таким образом, «Правила русской орфографии» 2021 года лишь дополняют свод «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года некоторыми примерами правописания новых и новейших иноязычных единиц, а также отмечают морфемы, в которых возникают трудности

правописания. Написание слов с удвоенными согласными всё ещё рекомендуется проверять по орфографическим словарям.

И.В. Нечаева обращает внимание на несколько путей изучения закономерностей правописания удвоенных согласных в иноязычных единицах [Нечаева, 2011; 36-37]. Один из них – это правописание удвоенных согласных в иноязычных единицах с опорой на этимологию слова. Данный подход не приводит к эффективным результатам, поскольку в русском языке многие иноязычные заимствования теряли удвоенные согласные в написании по мере своей адаптации. Кроме того, этимологические исследования осложняются тем, что пишущему не всегда ясно, из какого именно языка было заимствовано слово, а в разных языках исследуемая единица может писаться по-разному [Букчина, 1988; 9].

Например:

Русский: группа. Немецкий: Gruppe. Французский: groupe. Английский: group.

Другой подход к правописанию удвоенных согласных в иноязычных единицах связан с морфологией, но он также не даёт результатов, поскольку характерное для исконно русских единиц морфологическое удвоение (об-бить, раз-задорить) не присуще заимствованным словам [Нечаева, 2011; 37].

Наконец, в решении вопроса о правописании удвоенных согласных в иноязычных единицах нередко обращаются к фонетическим процессам. Данное направление получило развитие в работах многих учёных. Именно на фонетические основания опирается И.В. Нечаева в своих исследованиях. Лингвист отмечает, что в новых иноязычных единицах преобладает написание с удвоением, но приходит к выводу, что удвоение согласных характерно для всех фонетических позиций и не зависит от качества согласного звука. «Возможны весьма сложные сочетания факторов, влияющих на орфографию. Ответ вероятен лишь в случае длительных наблюдений за отражением в письменной практике слов, характеризующихся различными фонетическими свойствами», – пишет И.В. Нечаева [Нечаева, 2011; 58].

Как видим, на современном этапе оказывается невозможным формулирование конкретных орфографических правил правописания удвоенных согласных в иноязычных единицах, что объясняет незначительное количество изменений в «Правилах русской орфографии», касающихся удвоенных согласных в иноязычных языковых единицах.

Рассмотрим закономерности употребления удвоенных согласных в новых и новейших иноязычных единицах в словах, правописание которых зафиксировано орфографическими словарями.

Из 100 новых и новейших иноязычных заимствований только 9 слов, согласно «Русскому орфографическому словарю»

под редакцией В.В. Лопатина и орфографическому ресурсу АКАДЕМОС, содержат удвоенное написание согласных. При этом все 9 единиц характеризуются удвоением согласных букв в тех же позициях в английском языке (в языке-источнике): *аккаунт* – **acc**ount, *баннер* – **ban**ner, *дресс-код* – **dress** code, *массмаркет* – **mass** market, *мессенджер* – **mess**enger, *триллер* – **thrill**er, *троллинг* – **troll**ing, *харассмент* – **harass**ment, *хоррор* – **horror**.

Несмотря на то, что в русском языке правописание данных заимствований не допускает вариантов, в текстах СМИ встречаются написания и с удвоенными согласными, и без удвоения: 5 единиц из 9 употребляются исключительно с удвоенными согласными, что соответствует современной орфографической норме: *аккаунт*, *дресс-код*, *массмаркет*, *триллер*, *троллинг*; 4 единицы из 9 характеризуются наличием орфографических вариантов: *баннер* и *банер*, *мессенджер* и *месенджер*, *харасмент*, *харрасмент* и *харасмент*, *хоррор* и *хорор*.

Несмотря на наличие орфографических вариантов без удвоенных согласных, изучаемые иноязычные единицы употребляются с удвоением согласных гораздо чаще, например: *баннер* – 1832 вхождения, *банер* – 22 вхождения.

Таким образом, в текстах современных СМИ наблюдается, в большинстве случаев, употребление новых и новейших иноязычных единиц с удвоенными согласными в соответствии с орфографическими нормами. Появление в русском языке вариантов правописания без удвоенных согласных может быть связано с тем, что не во всех новых и новейших единицах, имеющих в английском языке удвоенное написание, происходит удвоение согласных. Из 20 единиц, которые в английском языке пишутся с удвоенными согласными, в русском языке лишь 9 слов сохраняют удвоенное написание в соответствующих позициях, а 11 слов его теряют, что объясняет причину появления орфографических вариантов в письменных текстах.

Нами отмечено лишь 11 слов в русском языке без удвоенных согласных, которые в английском языке пишутся с удвоением: *блогер* – **blog**ger, *легинсы* – **legg**ings, *офлайн* – **off**line, *офтопик* – **off** topic, *рэпер* – **rapp**er, *сканер* – **scann**er, *спамер* – **spramm**er, *трафик* – **traff**ic, *фитнес* – **fitn**ess, *шопер* – **shopp**er, *шопинг* – **shopp**ing.

В орфографии русского языка, как видим, отсутствует единство правописания новых и новейших иноязычных единиц, характеризующихся удвоением согласных букв в языке-источнике. В связи с этим возникает орфографическая путаница. Не только слова с удвоенными согласными пишутся без удвоения, но и слова без удвоения получают вариант написания с удвоением согласных. Анализ словоупотребления 11 новых и новейших иноязычных единиц, в правописании которых

отсутствуют удвоенные согласные, дал интересные результаты: они имеют в текстах СМИ орфографические варианты. У 8 слов из 11 встречается достаточно большое количество примеров написания с удвоенным согласным: *блогер* (3257 вхождений) и *блоггер* (224 вхождения), *офлайн* (402 вхождения) и *оффлайн* (84 вхождения), *рэпер* (1828 вхождений) и *рэппер* (96 вхождений), *сканер* (426 вхождений) и *сканнер* (3 вхождения), *спамер* (19 вхождений) и *спаммер* (1 вхождение), *трафик* (1158 вхождений) и *траффик* (51 вхождение), фитнес (1995 вхождений) и *фитнесс* (112 вхождений), *шопинг* (579 вхождений) и *шоппинг* (276 вхождений).

Заключение

Изучение проблемы правописания удвоенных согласных букв в лексических заимствованиях новейшего периода, на основе данных нашей выборки, привело нас к следующим выводам:

1. В 45% случаях в новой или новейшей иноязычной единице, пишущейся в языке-источнике с удвоенной согласной, в соответствующей позиции в русском языке будет писаться две согласных буквы (*аккаунт* – account, *баннер* – banner, *дресс-код* – dress code).

2. При выборе между написанием с удвоенной согласной и без слов с суффиксами -er и -ing в языке-источнике следует подобрать однокоренное слово, пишущееся с одиночной согласной. Если это возможно, то иноязычная единица пишется с одной согласной буквой, если нет – с двумя (*блогер* – с одной «г», так как есть слово *блог*; *плоттер* – с двумя буквами «т», поскольку нет однокоренного слова с одной согласной; *стоппер*, *контроллер* – слова с устоявшимся написанием).

3. Правописание слов *офлайн*, *офтопик* и других англоязычных единиц с начальной частью «off», которая указывает на отдаление, удаление чего-либо, подчиняется традиции и пишется слитно без удвоения буквы «ф».

4. Правописание прочих иноязычных единиц, в которых возникает сомнение в употреблении удвоенной согласной буквы, следует проверять по современным орфографическим словарям.

Литература:

Букчина Б.З. *Вопросы орфографической унификации печатных изданий*. М., Госкомиздат, 1988. – 60 с.

Лопатин В.В. *Правописание и вариативность // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / под ред. В. В. Лопатина*. М., 2009.

Научно-информационный портал «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://orfo.ruslang.ru/>

Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/>

Нечаева И.В. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. – М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 168 с.

Правила русской орфографии и пунктуации : Утв. Акад. наук СССР, М-вом высш. образования СССР и М-вом просвещения РСФСР. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 176 с.

Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. – 896 с. – (Фундаментальные словари русского языка).

Pogorelaya E.A., Vladova N.I.

LEXICAL BORROWINGS OF THE NEWEST PERIOD IN MODERN RUSSIAN: SPELLING OPTIONS FOR CONSONANT LETTERS

Borrowing foreign words is a natural process characteristic of each of the languages. Active penetration into the modern Russian language of English-language borrowings contributes to the process of globalization, as well as tolerance in interpersonal relations. The interest of the bearers of Russian-speaking culture in the use of units of foreign language origin is due to the capacity of neologisms and their special visualization in the texts of the media, which earlier than others manifest their appearance. In a foreign language unit, some new meaning or important intonation always appears, and therefore it is extremely difficult to replace them with analogues from the Russian language, not only fully conveying their meaning, but also reflecting the corresponding stylistic colouring is not always appropriate to use, for example, the Russian phrase new version instead of the English-language unit remake, the word lattice instead of the word hashtag. The article deals with the problem of spelling of co-vowel letters in lexical loanwords. In a foreign language unit, some new meaning or important intonation always appears, and therefore it is extremely difficult to replace them with analogues from the Russian language, not only fully conveying their meaning, but also reflecting the corresponding stylistic colouring. It is not always appropriate to use, for example, the Russian phrase new version instead of the English-language unit remake, the word lattice instead of the word hashtag. The article deals with the problem of the spelling of co-vowel letters in lexical borrowings of the modern period in the modern Russian language.

National Corps, spelling variants, lexical borrowings, word usage, media texts

Пузов Н.А.

СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается проблема отражения процессов современной геополитики в российском политическом дискурсе. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена обострением противостояния Востока и Запада в связи с последними политическими событиями. Целью исследования является описание и анализ основных ситуативно и контекстуально обусловленных особенностей современного российского политического дискурса: употребление в нём просторечной, жаргонной и иноязычной лексики, а также фразеологизмов, афоризмов и аббревиатур. В ходе исследования были использованы следующие методы: наблюдение, описательный, сопоставительный, контент-анализ. На основании анализа фрагментов выступлений российских политиков выявлены наиболее важные особенности современного российского политического дискурса. В статье отмечается как одна из основных особенностей современной политической коммуникации тенденция к ослаблению стилистических норм и усилению воздействия на политический дискурс неcodифицированных сфер национального языка, в частности, активизации употребления просторечной, жаргонной и иноязычной лексики, а также фразеологизмов и аббревиатур.

Дискурс, менталитет, языковая личность, просторечие, жаргонизм, иноязычная лексика, фразеологизм, аббревиатура

Введение

В статье рассматривается проблема отражения процессов современной геополитики в российском политическом дискурсе. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена обострением противостояния Востока и Запада в связи с последними политическими событиями. Целью исследования является описание и анализ основных ситуативно и контекстуально обусловленных особенностей современного российского политического дискурса: употребление в нём просторечной, жаргонной и иноязычной лексики, а также фразеологизмов, афоризмов и аббревиатур.

Политический дискурс

На современном этапе развития политической науки феномен дискурса вызывает широкий интерес среди учёных и

является предметом дискуссий среди многих исследователей общественно-политических процессов. До сих пор нет четкого определения понятия «дискурс», его содержания, а также методов его изучения. По словам Т.А. ван Дейка, *понятие дискурса так же расплывчато, как понятие языка, общества, идеологии и зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными* [Дейк, 2000].

Дискурс (от позднелат. *Discursus* – рассуждение, довод, беседа) – связный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания. Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь [Арутюнова, 1990]»

Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом» [Будаев, Чудинов, 2006].

В лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. Мы, принимая широкое понимание дискурса, включаем также в него процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие. Термин «дискурс» в современной лингвистике используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений, осмысление которых должно строиться с учётом всей совокупности языковых и неязыковых факторов [Сорокин, 1997].

Лексические и стилистические особенности российского политического дискурса.

Сегодня в мире отчётливо наблюдается противостояние Востока и Запада, а также информационная, политическая, экономическая и военная конфронтация США, НАТО и стран Западной Европы с Российской Федерацией в связи с расширением границ НАТО на восток и ситуацией на границе России и Украины.

Данный геополитический процесс нашёл реальное отражение в существенном изменении характера современного российского политического дискурса. В нём прослеживается вполне обоснованный отход от традиционных дипломатических

канонов и форм общения с оппонентами, которые намеренно искажают реальные факты и события.

В этом плане характерно коммуницирование Президента РФ Владимира Путина, министра иностранных дел Сергея Лаврова, заместителя министра иностранных дел Марии Захаровой с Президентом США Джо Байденом, премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном, Президентом Франции Эммануэлем Макроном, министром иностранных дел Великобритании Элизабет Трасс.

Некоторые представители западной политической элиты отличаются не только неординарностью и экстравагантностью своих выступлений, но и весьма своеобразным имиджем и поведением (в частности, Борис Джонсон, Элизабет Трасс). Всё это становится особенно заметно в последнее время с выходом на политическую сцену политиков новой волны, уровень образования, стиль речи, манера общения и внешний вид которых весьма далеки от образа политического деятеля в его классическом понимании.

Речь многих российских политиков и дипломатов на переговорах, брифингах, в беседах и политических ток-шоу стала более жёсткой, резкой и острой за счёт использования в ней просторечной и жаргонной лексики, фразеологизмов и афоризмов (иногда трансформированных); активно употребляются в современном политическом дискурсе заимствованные слова и аббревиатуры.

Проанализировав фрагменты выступлений Президента РФ Владимира Путина, министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, заместителя министра иностранных РФ Марии Захаровой, депутатов Государственной Думы РФ Алексея Журавлёва и Сергея Кириенко, мы выявили такие особенности их политического дискурса, как своеобразное контекстуально и ситуативно обусловленное употребление просторечной, жаргонной и иноязычной лексики, аббревиатур, фразеологизмов и афоризмов.

Заметный лексико-стилистический признак современной российской политической речи – это активное использование в ней просторечной (в том числе иногда грубо-просторечной) лексики. В отдельных случаях употребление просторечных слов помогает достижению выразительности, служит средством отражения эмоционального накала или выражения непримиримых противоречий.

Это обусловлено тем, что для сегодняшней политической ситуации характерны резкие столкновения непримиримых политических позиций, бескомпромиссность в выражении и отстаивании своей точки зрения. В подобных ситуациях использование субстандартной (просторечной) лексики нередко воспринимается как единственно возможный способ выражения авторской позиции:

Например:

*Россия может подняться с колен и как следует **огреть*** (В. Путин).

*Планируем расширять сотрудничество с Украиной, если она не будет **тырить** у нас газ* (В. Путин).

Хамство – главное доказательство отсутствия аргументов (М. Захарова).

Америкосы своими санкциями уже всех **достали** (А. Журавлёв).

*Перед ответом на сложный вопрос умный человек раз семь подумает, **глупец** же один раз что-то сходу **ляпнет*** (А. Журавлёв).

В современной российской политической коммуникации весьма активно используется жаргонная лексика. Подобное словоупотребление – это действенный способ подчеркнуть сближение мира политики с миром преступности, в том числе на государственном уровне, поскольку в отношениях между некоторыми странами царит беззаконие и беспредел. Жаргонная лексика пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, резкой конфронтации «своих» и «чужих». Одна из причин активизации употребления жаргона – реальное обострение политической обстановки в мире. Употребление в речи политиков жаргонных слов отражает сложную общественно-политическую ситуацию в мире, внушает мысль о том, что мировое сообщество действительно пронизано преступными, криминальными связями и отношениями. Информационные, политические и экономические атаки на Россию со стороны США и стран НАТО – яркий пример этого. В таких условиях использование жаргонизмов способствует достижению выразительности, помогает выразить эмоциональное отношение к проблеме, «достучаться» до оппонентов, которые не могут и не хотят слушать и адекватно воспринимать позицию другой стороны.

Обратимся к примерам:

*США и НАТО обещали, что не будут двигаться на восток, а потом нагло обманули, как говорят в народе, «**кинули, надули**»* (В.Путин).

*В центре Европы продолжает твориться правовой **беспредел*** (А.Журавлёв).

*На своих **тусовках** западные политики красиво говорят, но **ни хрена** не делают* (А.Журавлёв).

В отечественном политическом дискурсе доля заимствованных иноязычных слов всегда была достаточно высока. В речи политиков много интернационализмов, имеющих древнегреческие и латинские корни (*революция, демократия, олигархия*). В современной политической речи процесс заимствования

иноязычных слов продолжается, что обусловлено как потребностями общества, так и политической ситуацией.

Значительная часть иноязычных слов воспринимается сегодня весьма спокойно. Вместе с тем в последние годы специалисты отмечают неконтролируемый и не всегда обоснованный процесс насыщения русского языка английскими заимствованиями. Чрезмерное использование англицизмов способно привести к определённой трансформации языковой картины мира. Заимствованные иноязычные слова нередко преобразуют эмоциональную оценку тех или иных реалий, что приводит к изменению представления носителей языка об окружающей действительности.

Знаком национального возрождения представляется стилистически уместное использование преимущественно русских по происхождению слов. При этом речь не идёт о полном отказе от иноязычной лексики, особенно учитывая международные, межгосударственные контакты (переговоры, брифинги).

Например:

*С наших западных партнёров, занимающихся сегодня **информационным терроризмом**, всё как с гуся вода* (С. Лавров).

*Если говорить серьёзно, то это **национализм** как он есть, тупой и бессмысленный* (М. Захарова).

*Это не министр, а **агрегатор фейковых** новостей* (М. Захарова).

*Западные **санкции** нас уже не пугают* (А. Журавлёв).

*На **территории** каждого **региона** есть федеральные службы, **антимонопольные** комитеты, которые если не **приватизированы**, то **регионализированы*** (С. Кириенко).

В российском политическом дискурсе весьма значительное место занимают **аббревиатуры** (сложносокращённые слова). Отличительной чертой речи современных отечественных политиков является не количественное, а качественное изменение состава аббревиатур. Новая реальность требует обновления наименований политических явлений, чему способствует достаточно активное употребление в речи сложносокращённых слов. Рассмотрим некоторые из них в аспекте противопоставления Восток – Запад: *КПРФ, ЛДПР, БРИКС, ШОС, ОДКБ; ОБСЕ, МВФ, НАТО, ГУАМ.*

Например:

***США** и **НАТО** обещали не продвигаться к восточным границам РФ* (С. Лавров).

*Артур Пирожков наставил **НАТО** рожков* (М. Захарова).

В современном российском политическом дискурсе представлены фразеологизмы и афоризмы, в которых находит своё достаточно яркое отражение менталитет русского народа.

Использование данных языковых элементов делает речь политика более яркой, образной, эмоциональной и выразительной, о чём свидетельствуют следующие фрагменты текста.

Например:

*Нас **не выбить из седла*** (В.Путин).

*С наших западных партнёров всё **как с гуся вода*** (С. Лавров).

*Поздно, коллеги, исход крыс **не за горами**: вы уверенно идёте ко дну.* (М. Захарова).

*Если порой **не по зубам** чей-то афоризм, **грызите гранит науки*** (А. Журавлёв)

*Чтобы **нагреть руки**, политик **подогревает интерес** народа, **подливая масла в огонь*** (А. Журавлёв).

***Одного поля ягоды** часто находятся недалеко друг от друга* (А. Журавлёв).

*Кому легко **повесить на уши лапшу**, вешают и кредит* (А. Журавлёв).

Выводы

Таким образом, в силу обострения политических противоречий между Востоком (Россия) и Западом (США и страны блока НАТО) одной из важных особенностей современной политической коммуникации является ослабление стилистических норм и усиление воздействия на политический дискурс некодифицированных сфер национального языка, в частности, активизация употребления просторечной и жаргонной лексики, фразеологии, иноязычных слов, аббревиатур.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д.Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136- 137

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург, 2006.

Ван Дейк Т.А. ЯЗЫК • ПОЗНАНИЕ • КОММУНИКАЦИЯ. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 8-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 264 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н.Ярцева, – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. - Вып. 1(24). - Екатеринбург, 2008. - С. 43-48. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm>

Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.

Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997.

Puzov N.A.

THE PECULIARITY OF MODERN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

The article deals with the problem of reflecting the processes of modern geopolitics in the Russian political discourse. The urgency of addressing this problem is caused by the aggravation of the confrontation between East and West in connection with recent political events. The purpose of the study is to describe and analyze the main situationally and contextually determined features of the modern Russian political discourse: the use of colloquial, slang and foreign language vocabulary, as well as phraseological units, aphorisms and abbreviations.

The following methods were used in the course of the study: observation, descriptive, comparative, and content analysis. Based on the analysis of fragments of speeches by Russian politicians, the most important features of modern Russian political discourse are identified.

The article notes as one of the main features of modern political communication is the weakening of stylistic norms and the strengthening of the impact on the political discourse of the uncodified spheres of the national language, in particular, the activation of the use of colloquial, slang and foreign language vocabulary, as well as phraseological units and abbreviations.

Discourse, mentality, linguistic personality, vernacular, jargon, foreign language vocabulary, phraseological unit, abbreviation.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ И ОЦЕНИВАНИЮ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности обучения русскому языку детей-билингвов в школах с русским языком обучения. В рамках исследования обозначаются авторские и традиционные методы обучения русского языка, к числу которых относятся и методы, направленные на развитие навыков вдумчивого чтения, письменной речи, а также методы исследовательской деятельности, методы обучения сообща, сравнительно-сопоставительные методы.

Целью исследования является обозначение рекомендаций по обучению и оцениванию детей-билингвов на уроках русского языка в школах с русским языком обучения в странах Центральной Азии. Актуальность темы обусловливается социально-политической ситуацией, сложившейся в некоторых странах СНГ, в частности в центральноазиатском регионе, после распада СССР.

В статье предложено описание результатов наблюдения за детьми-билингвами, обучающимися в русскоязычной школе. На основании результатов наблюдения обозначаются барьеры, с которыми могут столкнуться учащиеся 5-11 классов при изучении русского языка, каковыми являются лингвистический, социокультурный, компетентностный, функциональный. Несмотря на то, что лингвистический барьер обозначен первым, основным – единственным он не может быть, поскольку обучающиеся, для которых русский язык не является родным, могут столкнуться и с другими, «внеязыковыми» трудностями.

Автор подчеркивает, что для достижения лучших результатов в обучении детей-билингвов, на уроках русского языка следует обращаться к эффективным методам обучения, адаптированным для учащихся, для которых русский язык не является родным.

Билингв, киргизско-русское двуязычие, глобализация, Центральная Азия, лингвистический барьер

Введение

Лингвистическое понятие «билингвизм» впервые было использовано У. Вайнрайхом [Вайнрайх, 1979] в середине XX века,

этой проблемой интересовались такие ученые-языковеды, как В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.М. Жирмунский, Е.Д. Поливанов. Сегодня проблематика этой сферы научного поиска актуальна как никогда. В настоящей статье рассматриваются проблемы, с которыми могут столкнуться на уроках русского языка дети-билингвы стран бывшего СССР, получающие образование в общеобразовательной школе с русским языком обучения. Рассматривая проблемы, возникающие при обучении русскому языку у учащихся с 5 по 11 класс, автор на основе собственных наблюдений обозначает барьеры, с которыми могут столкнуться дети-билингвы.

Целью статьи является обозначение рекомендаций по обучению и оцениванию детей-билингвов на уроках русского языка в школах с русским языком обучения в странах Центральной Азии.

Предпосылки возникновения билингвизма в странах СНГ. Явление киргизско-русского двуязычия

Важно отметить, что в «Словаре социолингвистических терминов» [Михальченко, 2006; 30-31] под билингвом подразумевается человек, владеющий двумя языками, из которых «первый язык» (родной язык) – это язык, усвоенный им в детстве, в семье, а «второй язык» – выученный позже (реже одновременно). В «Новом словаре методических терминов и понятий» [Азимов, Щукин, 2009; 20-30] под билингвом подразумевается также человек, владеющий двумя языками, однако авторы не обозначают временных границ усвоения неродного языка.

В настоящей статье под детьми-билингвами будут рассматриваться те, для которых русский язык является не основным, точнее, не всегда первым языком коммуникации.

Количество жителей Центральной Азии, говорящих по-русски, значительно сократилось в период после распада СССР, и это связано с обретением суверенитета стран и усилением роли государственного языка. Число тех, кто не говорит по-русски, превышает 50 процентов во всех странах Центральной Азии, кроме Казахстана [Польских, 2013]. Из всех стран Центральной Азии особенно успешно практика попеременного использования русского языка и государственного (киргизского) обнаруживается в Киргизии.

Киргизия является одной из немногих стран постсоветского пространства, в которой значительный процент населения является двуязычным. Однако это наблюдение касается только столицы: моноязычным является 70% населения [Есаджанян, 2003; 37-53], но учитывая то, что с каждым годом при тесном сотрудничестве с Россией русский язык все больше укрепляется

в статусе официального, не исключено, что количество русскоязычным киргизов будет увеличиваться.

По данным МОиН КР на 2018 год, в стране функционирует 216 школ с русским языком обучения и 551 школа – со смешанными языками обучения, преимущественно русским и киргизским. Однако за последние годы все большее количество родителей школьников осознанно отдают детей в русскоязычные классы, поскольку русский язык – это язык науки, медицины, искусства, и его изучение имеет четкую прагматическую направленность: позволяет сделать карьеру, интеллектуально развиваться и творчески самовыражаться.

Причины возникновения барьеров у детей-билингвов на уроках русского языка

Нередко в научных исследованиях лингвистов и социологов билингвизм рассматривается как проблема [Бабина, 2007: 114-118], но мы готовы утверждать, что попеременное владение двумя языками является преимуществом, и этапу решения проблем детей-билингвов должен предшествовать этап обозначения барьеров, с которыми они могут столкнуться в школе, пытаясь осуществлять коммуникацию на русском языке.

В трудах отечественных и зарубежных ученых нами не было обнаружено классификации коммуникативных барьеров, с которыми сталкиваются дети-билингвы постсоветского пространства, обучающиеся в школах с русским языком обучения, поэтому автор статьи предпринимает попытку обозначить классификацию таких барьеров на основании собственных наблюдений. За годы проведения исследования, которое длилось с 2015 по 2021 год, выборка среди учащихся 5-11 классов из школ Киргизии составила более шестисот человек. Так, выявленными барьерами стали следующие:

1. Лингвистический барьер. Ежедневно дети в школах Киргизии с русским языком обучения могут свободно изучать школьные предметы и коммуницировать на русском языке, используя разговорный стиль. Однако лексического набора не всегда может хватать для написания текстов в художественном, публицистическом, официально-деловом, научном стиле. Аналогичная проблема встречается, когда обучающиеся участвуют в дебатах, круглых столах, выполняют эмпирические исследования по литературе.

Слабое владение морфологическими, лексическими и синтаксическими нормами русского языка учащихся средней школы приводит к тому, что в старшей школе возникают трудности в обнаружении причинно-следственных связей между речевыми ошибками.

2. Социокультурный барьер. Несмотря на то, что в сложившейся ситуации киргизско-русского двуязычия коренные киргизы имеют представление о концептах русской культуры, на уроках русского языка и литературы обнаруживаются трудности, связанные с тем, что школьники не всегда имеют представление об исторической эпохе (Древней Руси, Российской Империи, Российской Федерации), которая репрезентируется в том или ином художественном произведении.

3. Компетентностный барьер. Процесс современного обучения должен учитывать задатки и способности, которые уже есть у обучающихся, и в процессе обучения эти способности необходимо развивать. На уроках русского языка и литературы немаловажным является демонстрация связи между предметными и ключевыми компетентностями, для чего и потребуются решать речевые ситуации, приближенные к жизни и выполнять упражнения, направленные на развитие речемыслительной деятельности. Компетентностный барьер – это неспособность учащегося справиться с трудной жизненной ситуацией, которая возникает в школе или вне школы.

4. Функциональный барьер. Этот барьер имеет отношение к способности человека выполнить работу, завершить проект, достигнуть намеченного, справиться с предполагаемым уровнем загруженности. Учитывая то, большая часть заданий по русскому языку и литературе представлена в виде проверки теоретических знаний, у учащихся могут возникнуть трудности в выполнении исследовательских проектов, где требуется продемонстрировать практические навыки.

Методические рекомендации по устранению барьеров детей-билингвов

Учитывая то, что автор статьи на протяжении семи лет работает в русскоязычной школе учителем русского языка и литературы преимущественно с мононациональным составом, помимо выявления барьеров были обозначены и практические советы для их устранения, которые носят универсальный характер вне зависимости от родного языка обучающегося.

Так, для преодоления лингвистического барьера на каждом уроке учащихся следует знакомить с новым словом (в 7-м классе, например, такими словами могут быть «конгениальность», в 10-м классе – «комплементарность»).

Безусловно, подобная словарная работа должна проводиться помимо изучения обязательного лексического минимума, помещенного в конце учебника русского языка. Раз в неделю в качестве эпиграфа к уроку учитель дает для записи

латинское изречение с русским переводом (например: «Amat Victoria curam» - «Победа любит старание»). Самые запомнившиеся фразы учащиеся используют при написании эссе или употребляют в устной коммуникации.

Универсальным решением для устранения социокультурного барьера может стать просмотр коротких видеороликов об исторической эпохе, в которой жил и творил писатель. Как правило, такой исторический экскурс используется учителями в старших классах, поскольку на изучение эпических произведений в 7-11 классах дается гораздо больше времени. Однако проведение подобной работы и в 5-6 классах, например, позволило бы решить проблемы социокультурного барьера.

Изучение биографии писателей традиционно проводится в формате конспектирования основных жизненных и творческих этапов. Но если изменить подачу этого материала и утвердить формат «10 интересных фактов о писателе», это позволит упростить усвоение сложного материала, особенно если эти факты отыскивают учащиеся самостоятельно при помощи Интернет-ресурсов.

Для устранения компетентностного барьера рекомендуется предлагать написание эссе на социальные темы с позиции обучающегося, проводить дебаты по итогам изучения художественного произведения (например: «Осуждаю или поддерживаю я Акбару из одноименного произведения Ч. Айтматова?» или «Заимствования в русском языке: за или против?»).

Проведение дебатов положительно влияет на формирование мировоззрения учеников, на желание отстаивать собственную точку зрения, на возможность высказать свое мнение и быть услышанным. Примечательно, что устные дебаты позволяют учащимся устно сформулировать аргументы и контраргументы, которые впоследствии они оформляют письменно в эссе.

Для преодоления компетентностного барьера следует заниматься с начала учебного года, когда, перед изучением основных тем, учитель обозначает учащимся образовательную траекторию и рассказывает о внеурочных мероприятиях, предлагает темы проектов. Внедрение проектной деятельности позволит учащимся научиться строить долгосрочные планы на реализацию задумки.

Так, например, раз в четверть можно выделять учебные часы для защиты учебных проектов на самые разные темы (в 6-м классе, например, темой проекта может стать «Особенности

языка СМС-сообщений», в 10-м классе – «Средства невербального общения в романах Ф.М. Достоевского»).

Предложенные методические рекомендации по устранению барьеров успешно опробованы в школах Киргизии среди учащихся 5-11 классов, поэтому они имеют высокую практическую ценность.

Заключение

Обозначенные рекомендации по обучению и оцениванию детей-билингвов на уроках русского языка в школах с русским языком обучения в странах Центральной Азии позволят преподавателям-русистам спроецировать новую траекторию в диагностировании проблем детей-билингвов и, исходя от специфики обозначенной проблемы, начать применение новых эффективных методов и технологий, позволяющих учащимся улучшить количественные и качественные показатели обучения.

Настоящее исследование станет полезным прикладным материалом как для педагогов-русистов, работающих в школах с русским языком обучения в странах СНГ, так и для любых других учителей, работающих с детьми-билингвами, для которых русский язык не является родным.

Литература

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. М.: Издательство ИКАР. 448 с.

Бабина С. П. *Детский билингвизм как педагогическая проблема*. Вестник ТГПУ. 2007. Выпуск 4 (67). Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ФИЛОЛОГИЯ). с. 114-118.

Есаджанян Б.М. *К проблеме определения понятий «билингвизм» и «билингвальное обучение»*. М., Мир русского слова. №4, 2003. С. 47-53.

Михальченко В. Ю. *Словарь социолингвистических терминов*. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. 2006. 315 с. URL: <https://rus-soc-lingvo-terms.slovaronline.com/>.

Польских А., *«Русский язык в Центральной Азии лучше всего знают в Казахстане»*, Русский Мир, 11 декабря 2013. URL: <https://russkiymir.ru/news/48713/>

Weinreich U. *«Languages in Contact: Findings and Problems»*. 1953 / Вайнрайх У. *«Языковые контакты»*. 1979. 264 с.

Movshuk A. S.

RECOMMENDATIONS FOR TEACHING AND ASSESSING BILINGUAL CHILDREN IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES

The article deals with the peculiarities of teaching the Russian language to bilingual children at Russian-teaching schools. Within the framework of the research the author's and traditional methods of teaching the Russian language, the number of which belong the aimed at developing the skills of thoughtful reading and written speech methods, as well as the methods of research activity, methods of teaching in usual and comparative methods.

The purpose is to outline recommendations for teaching and assessing bilingual children at Russian language schools in the Central Asia countries. The research is conditioned by the socio-political situation that has developed after the collapse of the USSR in some countries of Central Asia.

The article describes the results of bilingual children studying in Russian-speaking schools observation. The observation results identified the barriers to learning the Russian language. They are linguistic, sociocultural, competent, and functional. Although the linguistic barrier is designated first, it cannot be the only one because the students for whom Russian is not their native language can face other "extra-linguistic" difficulties.

The author emphasizes that effective teaching methods achieve the best results in teaching bilingual children in Russian should be used.

Bilinguals, Kyrgyz-Russian bilingualism, globalization, Central Asia, linguistic barriers

Луговская Е.Г., Ухова М.О., Куптер Я.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: прагматический аспект интернет-общения

В статье обозначены актуальные сегодня вопросы реализации межкультурной компетентности в аспекте проблем социализации школьников в условиях дистанционного обучения. Отмечено, что социализация осложняется тем, что за счет вовлеченности школьника в широкий интернет-дискурс расширяется поле коммуникативных взаимодействий и увеличивается объем разнородных поведенческих образцов, часто инородных и культурно противоречивых.

Подчеркивается, что коммуникативное взаимодействие со школьниками в условиях дистанционного обучения обязательно должно учитывать такую особенность их социализуемости, как амбивалентная транскультурность.

Межкультурная компетентность, интернет-коммуникация, социализация, транскультурность

Введение

Дистанционный формат общения учителя с учениками обнажил сразу несколько проблемных аспектов коммуникации, при чем не только учебной, но в большей степени формально-бытовой и ритуальной. Общекультурная компетентность всех участников общения при таком формате взаимодействия оказалась разно понимаемым и плохо сбалансированным конструктом, в большей степени потому, что набор действий, которые соответствовали бы и эффективно использовались для определения культурной идентичности конкретной ситуации, не определен глобально.

Несомненно, в научной и методической литературе и в публицистике появилось огромное количество рекомендаций по организации обучения и общения в условиях дистанционного обучения, однако вопросы социализации школьников в новых условиях становятся все острее. Особую остроту этой проблеме придает изменение соотношения времени пребывания ученика в культурно привычной среде (семья, непосредственное общение) и в культурно разнородной среде интернета, подставленной хаосом культурных моделей в удобных форматах – мемы, мотиваторы, короткие видео, комиксы, др.

Коммуникативные аспекты социализации ученика в условиях онлайн-обучения

Социализация ученика [Байдукова, 2013 ;179-181], которая при очном формате обучения протекает в быстро меняющихся условиях взаимодействия ученика с одноклассниками, с младшими и старшими школьниками, учителями, администрацией и техническим персоналом школы, составляющих опосредованный круг влияния на апробирование и формирование поведенческих привычек ученика, в условиях дистанционного обучения кардинально меняет свою структуру. Круг субъектов и объектов взаимодействия деформируется как на формальном, так и на содержательном уровнях.

Так, если при очном взаимодействии ученик как субъект реализует свою субъективность во взаимодействии с другими субъектами, в условиях, когда взаимодействующие субъекты способны менять способ своего коммуникативно-речевого представления, корректируя его в зависимости от ситуации как контекста и личности адресата как они его понимают, то в условиях дистанционного обучения такая возможность исключена.

Имея технически ограниченную способность одномоментного коммуникативного действия только либо на вход, либо на выход ученик, с одной стороны, вынужден более сознательно подходить к выбору поведенческих сценариев, а с другой, теряет возможность комплексного восприятия коммуникативной ситуации. Ученик в классе всегда заражен эмоциональным состоянием социальной группы, и, следовательно, его восприятие ситуации в классе, ситуации обучения корректируется этим состоянием.

Кроме того, и это более важно – он способен влиять на общий фон эмоционального состояния класса, что в плане социализации наиболее важный аспект. Ученик за компьютером дома заражен в большей степени эмоциональностью семьи и/или эмоциональностью фона интернет-активности, которую он ведет. Это может быть игровая активность (игровое сообщество), чат (блог)-активность (социальные сети и весь актуальный для данного региона и данной социальной сети вирусный контент), активность, связанная с эмоциональной вовлеченностью в вымышленный мир фильма или сериала – все это влияет не только на способность ученика сосредоточиться на учебном процессе, но и на то, как он позиционирует себя в рамках учебной коммуникативной ситуации. [См.: Луговская, 2021; 87-98].

Отсутствие непосредственной обратной связи как с объектами внимания, так и с другими субъектами, вынуждает индивида самостоятельно принимать решения о качественных и количественных характеристиках его возможной реакции на происходящее на мониторе. Невозможность моментально «свериться» с реакцией других объектов, примерить ее на себя и

сделать выводы значительно усложняет задачу ребенка по интерпретации и оценке ситуации. Кроме того, видеовзаимодействие может быть причиной неверной интерпретации – недоили переинтерпретации – в таких условиях школьник, еще не имеющий достаточного опыта невербального общения, понимания паравербальных и невербальных знаков, испытывает затруднения и в их освоении.

С другой стороны, возможность видеть себя на экране – своеобразный взгляд со стороны, позволяет сосредоточиться на восприятии своего социального образа и его оценке. Получается, что социализация, которая реализуется за счет оценки отражения себя в других – в их оценочных реакциях и ответных действиях, – теперь реализуется за счет отражения себя в другом Я – виртуальном Я, Я на экране монитора.

В этом случае задача учителя многократно усложняется, так как если при непосредственном общении он, как правило, имеет дело со своеобразным роem, коллективная локальная эмоция которого влияет на продуктивность усвоения учебного материала, то теперь ему приходится работать с разобценным множеством, групповая эмоциональность которого обусловлена более глобальными факторами.

Такие глобальные факторы, влияющие на выбор социально-поведенческих предпочтений, позволяют ученику чувствовать себя частью более глобального, чем класс или школа, сообщества, выделяемого по возрасту, интересам и т.д., что словно увеличивает для учителя и объем класса. Теперь его аудитория, практически, целый мир, по крайней мере, образ аудитории теперь необходимо определять не только исходя из локальных характеристик учеников класса (возраст, социальное положение, национальная принадлежность), но, в большей степени, исходя из тех характеристик образов учеников, которые восприняты ими опосредованно через просмотр видео-контента, закреплены ими в виде поведенческих реакций, сценариев в неполной (в силу отсутствия опыта) интерпретации и транслируются как образцовые, знаковые для социализации.

Особенности презентация себя, реализации эмоциональных реакций, отработка коммуникативных стратегий и тактик в речевом и устно-письменном представлении выбираются учеником из поля семейного и виртуального общения. При этом, если семейное общение лингвокультурно специфично, то виртуальное общение, представленное контентом, имеющим абсолютно разные национально культурные основания, в каком-то смысле, транскультурно.

Специфика формирования межкультурной компетентности ученика в условиях дистанционного взаимодействия посредством сети Интернет

Понимая под социализацией «многосторонние и часто разнонаправленные влияния жизни, в результате которых человек усваивает «правила игры», принятые в данном обществе, социально одобряемые нормы, ценности, модели поведения» [Гавров, 2008; 21], особое внимание необходимо уделять тому, насколько хорошо индивид способен «ориентироваться в феноменах иного образа жизни, сознания и системы чувств, иерархии ценностей, вступать с ними в диалог, критически осмысливать их и тем самым обогащать собственную картину мира» [Шкутина, Жанкина, 2012].

Эти умения составляют основу межкультурной компетентности, формирование которой для современного общества составляет важную педагогическую задачу.

Учитель призван в новых условиях дистанционного взаимодействия с учеником найти возможность адаптации его общих поведенческих навыков к условиям межкультурной коммуникации, и уже в рамках межкультурной коммуникации совершенствовать понимание и повышать уровень толерантности ученика в принятии других культур. Достижение этих целей затрудняется тем, что действия, используемые для определения культурной идентичности в конкретной ситуации, которую может оценивать учитель по поведению ученика, на самом деле, могут быть контекстуально агрессивными, инокотекстными.

Ученик, обрабатывая способы реализации своего социального образа, способен примерять к себе не только культурно близкие и понятные, адекватно интерпретируемые им способы репрезентации, но и чужие, инокультурные и потому неверно интерпретируемые им поведенческие элементы. Видеоролики с парадоксальным или комедийным содержанием (причем, чаще всего используются элементы комедии положений, трагикомедии и фарса), картинки, комиксы, то есть тот контент, который понятен без слов и не требует знания иностранного языка, транслирует культурные особенности фрагментарно, вне общекультурного контекста. Вырванные таким образом из жизни одной культуры и помещенные в другую культурную жизнь сценарии априори не могут быть верно интерпретированы.

Разнообразие культур, начиная с привычной и наиболее понятной американской и заканчивая такими экзотическими культурами, как корейская, китайская и японская, представленное в интернете, составляет сегодня то поле межкультурного взаимодействия, в котором социализуется современный школьник, в котором он получает интегрированную совокупность знаний, умений и навыков, обуславливающих опыт личности в области межкультурной коммуникации.

Во многом, способность современного ученика использовать интуитивно находимые компенсаторные стратегии для предотвращения конфликта «своего» и «чужого» при

столкновении с таким разнонациональным контентом, обуславливает создание в ходе этого взаимодействия особого транскультурного образа. Именно такой образ сегодня методом проб и ошибок формируют ученики, и, конечно, он достаточно отличается от культурноспецифичного образа ученика, который предлагает учитель в качестве образца.

Выводы и заключение

Рассматривая эту проблему на примере ритуальных форм приветствия и прощания и формул элементарной вежливости в условиях интернет общения с учителем, первое, на что стоит обратить внимание, это то, что общение, организуемое в двух основных формах – устное опосредованное (видео-конференция) и устно-письменное (чаты, почта) – предполагает участие в нем одновременно не двух сторон (учитель – ученик, учитель – родители, ученик – родители, как при непосредственном взаимодействии), а трех, потому что все участники общения имеют возможность активного или пассивного участия в одном и том же общении.

Такая особенность, с одной стороны, обуславливает большее внимание к форме речевого представления сказанного всеми участниками, а с другой, из-за этого может выглядеть несколько искусственно (формализованно). В результате школьник, учащий на примерах старших товарищей, может получать искаженное представление о живой культуре коммуникации, в которой нет места индивидуальности.

Второе, что кажется важным, это необходимость и обязательность выработки общих правил поведения [Чернова, 2021; 194-201] в условиях дистанционной коммуникации (будь то видео связь или чат-общение) зачастую нивелирует и ту лингвокультурную специфику, которая должна отличать участников данного сообщества, как жителей одного региона, города, иногда даже района. В этом случае идентичность, лингвокультурная идентичность гражданина и члена того или иного лингвокультурного сообщества может размываться в сторону усредненного образа гражданина мира.

И третье, на что мы обращали внимание выше, это то, что нравственно недифференцированное и аксиологически не оцениваемое потребление разнокультурного интернет контента может приводить к размыванию общекультурных представлений о правилах и нормах, о добре и зле, и приводить к своеобразной амбивалентной транскультурности, когда результаты поведенческой реализации инокультурных способов репрезентации себя миру не могут быть эффективно использованы для определения культурной идентичности какой-либо конкретной ситуации.

В этом случае у школьника формируется особая интегрированная совокупность знаний, умений и навыков, обуславливающих пока еще очень небольшой, фрагментарный опыт в

области транскультурного взаимодействия. И мы считаем, что именно с ней необходимо работать, последовательно и тщательно корректируя аксиологическую амбивалентность картины мира школьника.

Литература

Байдукова А.Д., Богатырева Ж.В. Проблемы социализации личности в условиях дистанционного обучения // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7-2. – С. 179-181. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=32199> (дата обращения: 21.03.2022).

Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО – 2008. – №5.

Луговская Е.Г. Некоторые когнитивные и психоэмоциональные аспекты информационной безопасности в условиях дистанционного обучения // Информационная безопасность личности субъектов образовательного процесса в цифровой информационно-образовательной среде: сб. науч. тр. / Авторы-составители: В. Г. Мартынов, И. В. Роберт, И. Г. Алехина. – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. – 406 с.

Лукьянчикова М.С. О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной компетенции // Россия и Запад: диалог культур. — Вып. 8. — Т. 1. — М., 2000.

Чернова Т.П. Система работы учителя в условиях дистанционного образования // Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской и научно-методической работы в 2020 году / редакторы сборника: Е.Г. Луговская, М.В. Фокша. Тираспол: ПГУ, 2021. 206 с.

Шкутина Л.А., Жанкина Б.Ж. Межкультурная компетентность: понятие, структура и содержание // Вестник КарГУ, 2012. URL: <https://articlekz.com/article/5818> (дата обращения: 21.03.2022)

Lugovskaya E.G., Ukhova M.O., Kupter Ya.V.

LINGUOCULTURAL IDENTITY OF THE INTERCULTURAL COMPETENCE IMPLEMENTATION ON DISTANCE LEARNING: PRAGMATIC ASPECT OF INTERNET COMMUNICATION

The questions of intercultural competence realization of socialization problems in conditions of remote training are considered in the article. It is noted, that socialization becomes complicated because due to the involvement of the student in the wide Internet discourse

the field of communicative interactions extends and the volume of diverse behavioural samples, often alien and cultural controversial increases. Communicative interaction with schoolchildren in the conditions of distance learning must necessarily take into account such a feature of their socializability as ambivalent transculturality.

Intercultural competence, Internet communication, socialization, transculturality

Кривошапова Н.В., Галатонова И.К.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УРОК КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СВЯЗЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

В данной статье представлены теоретические и практические основы организации интегрированного обучения в контексте соблюдения преемственности учебного процесса в средней школе. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе интеграция в образовании рассматривается как объективная необходимость, которая способствует формированию целостной личности. Предлагаются способы обеспечения преемственности в преподавании русского языка и литературы, дана характеристика внутренней и внешней интеграции содержания разных учебных предметов, приводится пример интегрированного урока, представлены виды и способы интеграции, приведены примеры применения данной формы образования.

В своей работе мы часто применяем различные методы и формы обеспечения преемственности: в адаптационный период в первой четверти проводятся психологические тренинги, игры, направленные на ознакомление с новыми учителями и критериями оценивания по новым дисциплинам, а также повторение и обобщение знаний из курса начальной школы, практикуется небольшой объем домашних заданий. Описаны и другие приемы обеспечения преемственности: единая система оценивания в начальной и основной школе; долгосрочная исследовательская и проектная деятельность; использование игровых

технологий на уроках; проведение совещаний-консультаций учителей и психологов по вопросам адаптации обучающихся; проведение интегрированных уроков.

Преимственность, интегрированный урок, внутренняя интеграция, внешняя интеграция, начальные классы, основная школа

Введение

Одним из важных вопросов современной методики преподавания остается поиск образовательных резервов, которые могли бы обеспечить совершенствование подготовки интеллектуально развитой личности. Однако проблема преимущественности до сих пор остается до конца не решенной. В связи с этим можно считать, что она остается актуальной и для любой образовательной организации, и для каждого современного учителя. Реферативно представим некоторые точки зрения на преимущественный характер образования в контексте интегративных процессов.

Преимственность в образовании

Одной из слабых сторон образовательного процесса в основной школе является проблема адаптации пятиклассников в связи с усложнением программы; изменением требований к обучающимся; возникновением необходимости взаимодействия с большим количеством учителей, по сравнению с начальной школой; частичным изменением классного коллектива (в школах, где есть параллели классов).

Последствия особенно остро проявляются во второй учебной четверти, так как в данный период, по наблюдениям учителей, происходит снижение результатов успеваемости, падает интерес к учебе, снижается мотивация. Нарушение преимущественных связей в целях, содержании, методах обучения и воспитания – одна из возможных причин появления подобных проблем. Ведь именно преимущественность в образовании формирует механизм его непрерывности, ибо каждый последующий этап образования базируется на достижениях предыдущего, включает их в себя в качестве базиса дальнейшего развития [Шарыпин, 2011; 156].

По мнению многих исследователей, интегрированный урок – достаточно эффективный способ обеспечения преимущественности связей в содержании и методах обучения. Он способствует формированию умения применять имеющиеся знания и навыки в новой ситуации.

Интеграция (в переводе с лат.) – восстановление, восполнение, объединение частей в целое (*integer* – целый). Как точно подмечено заслуженным учителем Российской Федерации

Н.М. Абиновой, это «не механическое соединение, а взаимопроникновение, взаимодействие, взаимовидение» [Абинова, 2010].

Интегрированный урок – это специально организованный урок, направленный на рассмотрение и решение какой-либо пограничной проблемы, гармонично сочетающий в себе методы различных наук, имеющий практическую направленность.

Интеграция на уроках может быть как внутренней (парные уроки; уроки, объединяющие смежные дисциплины), так и внешней (на уроках может объединяться содержание разных дисциплин или интегрируется методика обучения разным дисциплинам при сохранении содержания только одного предмета).

У нас имеется опыт проведения парных уроков учителем начальных классов и учителем-предметником основной школы. Можно отметить преимущество таких уроков, которое состоит в том, что обучающиеся знакомятся с требованиями своих будущих учителей, учитель-предметник видит потенциал учеников, которые готовятся перейти в основную школу, а учитель начальной школы может скорректировать свою работу в рамках изучаемой темы.

Для учителя-словесника интегрированное обучение становится прекрасной возможностью не только дать учащимся системные филологические знания, но и совершенствовать свое педагогическое мастерство, экспериментируя с разными уровнями интеграции как предметных знаний, так и технологий, форм и методов обучения.

Русский язык является одним из сложных предметов, изучаемых в пятом классе. Именно в этот период учителю русского языка и литературы важно сформировать у обучающихся на основе имеющихся знаний представление о языке как единой целостной системе. Кроме того, учитель не должен давать учащимся отвлеченные знания о языке и речи, а способствовать практическому применению получаемой ими информации и способствовать планомерному формированию коммуникативной компетенции учеников. Решить эти задачи можно путем проведения интегрированных уроков – такая форма работы с учениками способствует расширению кругозора обучающихся, повышает уровень познавательного интереса, создает условия для повышения мотивации к обучению.

Учитель русского языка может проводить интегрированные уроки самостоятельно, объединяя смежные дисциплины. Например, при изучении средств художественной выразительности целесообразно использовать сюжетно-тематическое рисование, которое является методом работы на уроках изобразительного искусства, применяемых в начальных классах. На начальном этапе только с помощью учителя дети смогут определить художественные средства и их роль в тексте, кроме того, они пока не имеют достаточного речевого опыта, чтобы

передать свои личные впечатления от прочитанного текста. Создавая иллюстрации к тексту, учащиеся глубже проникают в скрытый смысл художественных образов, обращают внимание на детали и передают своим рисунком отношение к прочитанному [Семенов, 2019].

Литература сама по себе является наиболее интегрированным предметом, поскольку содержит основы литературоведения, художественное осмысление исторических фактов и процессов, психологические аспекты (учащиеся погружаются во внутренний мир литературного героя, пытаются понять причины его поступков; извлекают из художественного произведения жизненный опыт). Именно поэтому для осмысления художественного текста учитель может применять средства сравнительного, исторического, системного анализа. К сожалению, многие программные произведения, изучаемые в 5-м классе, сложны для понимания современными детьми. В связи с этим при анализе отдельных эпизодов текста целесообразно использовать интеграцию с другими видами искусств: музыкой, живописью, кино.

При внешней интеграции предметов, как правило, проводится совместная работа учителей разных дисциплин. Так как русский язык – это явление многоаспектное, то связь его с другими предметами может быть и в содержании, и в методах обучения, то есть другие предметы могут стать инструментом для изучения содержательной области дисциплины «Русский язык». Сегодня в век бурного развития информационно-коммуникационных технологий довольно результативна в качестве такого инструмента информатика. Например, путями интеграции предметов «Русский язык» и «Информатика» могут быть:

1. Клавиатурное письмо. «Владение клавиатурным письмом позволяет человеку значительно быстрее и увереннее работать с текстами (писать, редактировать)...» [Макунина, 2021]. Чаще всего, такой прием практикуют учителя начальных классов. Клавиатурное письмо на уроках русского языка в 5-м классе дисциплинирует, вырабатывает привычку писать грамотно не только в тетрадях, но и в электронных средствах общения.

2. Кодирование. Этот метод подразумевает представление информации в той или иной стандартной форме: одно и то же сообщение можно представить с помощью нескольких способов кодировки информации. Кодирование может быть использовано в словарной работе на уроках русского языка. Расшифровка кода развивает логику, аналитическое мышление, умение ориентироваться в схемах и таблицах.

3. Моделирование. В учебно-методическом комплексе по русскому языку под редакцией М.М. Разумовской учебная информация дается в виде лингвистического текста. Составление таблиц и схем на его основе позволяет систематизировать,

обобщать и легче усваивать получаемую информации. В рамках компетентностно-ориентированного подхода с помощью таких заданий происходит работа над метапредметным результатом «Смысловое чтение».

Пример интегрированного урока по русскому языку и информатике в 3 классе при изучении раздела «Морфемика»

Урок был подготовлен учителем начальных классов и руководителем кружка по информатике и проведен в форме ролевой игры «Детективное агентство», обучающиеся работали в группах. Цель урока – уточнить представления детей о понятии «Суффикс», показать влияние суффиксов на значение слов.

1) 3.1, 3.3, 4.2, 2.3, 1.1, 3.3, 4.2, 6.1
 2) 4.2, 3.3, 2.4, 3.4, 4.2, 6.4, 4.2, 3.6
 3) 1.4, 2.3, 6.1, 1.3, 4.3, 1.4, 2.4, 6.5.

	1	2	3	4	5	6	
1	А	Б	В	Г	Д	Е	
2	Е	Ж	З	И	Й	К	
3	Л	М	Н	О	П	Р	
4	С	Т	У	Ф	Х	Ц	
5	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	
6	Э	Ю	Я				

Словарная пятиминутка

Настоящий детектив должен обладать обязательным набором качеств. Как вы думаете, какое первое задание нам нужно выполнить? (Разгадать важные качества с помощью кода).

Выполните это задание в группах (не забываем о распределении ролей).

- Какие слова получились? (ВНИМАНИЕ, ИНТУИЦИЯ, СМЕЛОСТЬ). Есть ли в этих словах орфограммы? Все ли орфограммы мы можем проверить? Как называются эти слова? Каково значение этих слов? (Дискуссия).

Актуализация полученных ранее знаний

- Детективы, к нам пришло письмо с просьбой о помощи от королевы страны Морфемики. Кто знает, что это за страна? (Дискуссия).

«Дорогие детективы. В нашей стране все морфемы были очень дружны, когда они собирались вместе, получалось много красивых слов. Но однажды на нашу страну упало волшебное зеркало Снежной королевы. От падения осколки разлетелись и попали в сердца морфем. Морфемы стали злые и эгоистичные. Но, к счастью, одного вида морфем не было в это время в стране, и осколки их не задели...»

- Уважаемые детективы! Королева не помнит, как называется эта спасаемая часть слова, но она сообщила нам особые приметы. Детективам часто приходится узнавать кого-то по особым приметам. Давайте попробуем это сделать:

1. Служит для образования новых слов. 2. Может отсутствовать в слове. 3. Стоит после корня. (*Дискуссия*).

Определение темы и цели урока

- Давайте продолжим читать письмо. «После того ужасного события заколдованные морфемы посоветовались и решили, что они могут обойтись без этой части слова».

- Давайте представим себе, что будет, если мы оставим все так, как есть? (*Дискуссия*).

- Ребята, сегодня вы настоящие детективы, хотите ли вы помочь вернуть суффиксам их законное место? Определите тему и цель нашего урока. (*Дискуссия*).

Реализация поставленных целей

- Теперь мы можем начать расследование. Детективы часто работают с фотороботами людей. Что это такое? Сейчас вам тоже предстоит поработать с фотороботами, но не человеческими, а с фотороботами слов.

*** Перед вами фотороботы – схемы слов. Найдите соответствие между словом и его фотороботом.**

Снег		☐
снежок		☒
снежинка		☒
снегопад		☒
подснежник		☒

- Что общего у всех этих слов? Что такое корень? Могут ли слова состоять только из корня? (Дискуссия).

Итак, мы предположили, что суффикс тоже может влиять на значение слова. Чтобы это проверить мы проведем следственный эксперимент.

Этап 1

Следственный эксперимент - I-й этап
Выясните, по какому принципу слова разделены на три группы.

Значение профессий	Уменьшительное - ласкательное значение	Значение качеств человека
Лесник	Избушка	Трусость
Дворник	Юленька	Мудрость
Программист	Утречко	Смелость

Первичное закрепление с проговариванием во внешней речи

Этап 2

Следственный эксперимент - II-й этап
Распределите данные слова в нужную колонку, в зависимости от значения суффикса.

Значение профессий	Уменьшительное - ласкательное значение	Значение качеств человека

1. Выделите в этих словах суффиксы: доброта, столик, пианист, ложечка, строгость, мельник, книжечка, фокусник, красота. (*Обсуждение*).

2. Работая в группах, распределите слова в нужную колонку, в зависимости от значения суффикса. (Задание выполняется на компьютере).

Этап 3

Проверка. Сделайте вывод, влияют ли суффиксы на значение слова. (*Обсуждение*).

Итог урока. Рефлексия учебной деятельности

- Итак, вы провели расследование и выяснили, что суффиксы имеют значение. То есть это значимая часть слова. А теперь в словариках оформите материалы своего расследования по плану.

1. Что такое суффикс?

2. Какими значениями обладают суффиксы (приведите примеры). (*Дискуссия*).

Заключение

Таким образом, в современной школе интегрированный урок должен стать неотъемлемой частью образовательного процесса, поскольку он способен обеспечивать преемственность связей в образовании и формировать универсальные учебные действия.

Интегрированный урок расширяет рамки обычного урока, его информативную ёмкость, а значит, увеличивает возможность развития творческих способностей каждого ученика.

Литература

Абинова Н.М. Интеграция в образовании, 2010.
URL: <http://ido.tsu.ru/ss/?unit=356&page=1158>

Макунина Е.В., Муранов А.А., Муранова М.А., Сопрунов С.Ф. Использование цифровых инструментов в начальной школе как ключевой фактор цифровизации // Материалы II Международной конференции. М.: Издательство: Изд-во «Экон-Информ», 2021. С. 132-142.

Семенов А.А. Цели общего образования в цифровом мире // Информатизация образования и методика электронного обучения: Мат-лы III Междунар. конф.: в 2 ч. Красноярск: СФУ, 2019. Ч. 2. С. 383–388.

Шарыпин А.В. Преемственность как принцип организации студенческого самоуправления // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 4 (106). С. 156-162.

Krivoshapova N.V., Galatonova I.K.

**INTEGRATED LESSONS AS A MEANS OF PRESERVING
THE CONTINUITY OF THE LINKS BETWEEN THE RUSSIAN
LANGUAGE AND LITERATURE IN THE PRIMARY SCHOOL**

This article presents the theoretical and practical foundations of the organization of integrated learning in the context of the continuity of the educational process in secondary school. Relevance of the research: at the present stage, integration in education is considered by us as an objective necessity that contributes to the formation of an integral personality. The purpose of this article is to propose ways to ensure continuity in the teaching of the Russian language and literature, to characterize the internal and external integration of the content of various academic subjects, to give an example of an integrated lesson, to present the types and methods of integration, to give examples of the application of this form of education. We use various methods and forms of ensuring continuity: during the adaptation period in the first quarter: psychological training, games to meet new teachers and assessment criteria, repetition and generalization of knowledge from the primary school course, a small amount of homework; a unified assessment system in primary and secondary schools; long-term research and project activities; the use of game technologies in the classroom; holding meetings and consultations of teachers and psychologists on the adaptation of students; conducting integrated lessons.

Continuity, integrated lesson, internal integration, external integration, primary classes, primary school

Daribaeva A., Rysbaeva M., Isabaeva G.

**THE CONCEPT OF "MODERATION" /
"KANAGATSHYLDYK" IN THE WORDS
OF ABAI'S EDIFICATION**

This article discusses the concept of "moderation" / "kanagat", which is the main component of a healthy lifestyle for the Kazakh people. The relevance of the research topic is determined by the fact that human values, natural naturalness, spiritual purity, and

overcoming ignorance constitute the concept of "moderation"/"kanagat" since the thinker saw in moderation a positive quality of a person. "Moderation"/"kanagat" has long been revered by Kazakhs for virtue.

The work aims to determine the influence of the value identity of national psychology on the specifics of the life and worldview of the Kazakh people by sampling from the words of the edification of Abai. In the course of the study, the following methods were applied: the method of semantic analysis, which established the possibilities of expressing value judgments representing the value part of the concept "moderation" / "kanagat"; functional analysis made it possible to find out the specifics of the representation of the concept under study by sampling from the words of edification of Abai.

Conclusions. So, the use of sources created under the guidance of famous Kazakh and Russian linguists, and philologists, contributed to the analysis, which established the possibilities of expressing value judgments representing the value part of the concept of "moderation" / "kanagat". Hence, we can conclude that the purpose of the study, which is to determine the influence of the value characteristics of national psychology on the specifics of life and worldview of the Kazakh people, has been achieved.

Concept, moderation, consciousness, Kazakh mentality, morality, the benefactor

Introduction

In this paper, the concept of "moderation" is considered/"kanagat", which is the main component of a healthy lifestyle for the Kazakh people.

In the words of Abai's edification, human values, natural naturalness, spiritual purity, and overcoming ignorance constitute the concept of "moderation"/"kanagat", which is considered in the study of associates, as prudence, modesty, generosity. One of the ways to achieve an ideal balance of ethics and science is seen by Abai in prudence and moderation (kanagat etu).

Moderation in Abai's needs, and even more so in his actions, acts as a single moral category, a commandment. To know the measure of everything and everything is the greatest thing. The purpose of the article is to determine the influence of the value identity of national psychology on the specifics of life and worldview of the Kazakh people by sampling from the words of edification of Abai. The criterion of moderation is represented by the associates represented in the words of Abai's edification:

1. Prudence is a positive quality of personality that allows you to choose the right ways, and perform actions accordingly to achieve the good. "Moderation"/"kanagat" has long been revered among Kazakhs for virtue, in the forty-third word: "Everything in the world

has its measure. Including the good. It is a great thing to know the measure of everything. The ability to think is commendable, but some people, overly carried away, get confused in their thoughts, lose their sanity." Abai, who put forward the principle – "everything that is beyond measure is evil" in this word, saw moderation as a noble quality of a person, as did the Arab thinker Abu'l-Faraj, who wrote: "Moderation is an ally of nature and a guardian of health". In the same word, he emphasizes: "Do not get confused in your thoughts, dressing, do not lose your sanity. In food, in drink, in laughter, in dressing, in hugs, in kisses, in the passion for wealth, even careerism and cunning – there is a measure in everything". These words again confirm that moderation is an integral component of a rational approach to health.

Pointing out that the elixir of these vices is humanity, the desire for universal well-being, firmness of mind, open-mindedness, deep comprehensive knowledge, in the same word Abai emphasizes: "The ability to preserve human dignity even during great trials, ennobles a person".

As an expression of the interests of the working people, ironically attacking the inaction and indifference of the ruling classes, Abai praises moderation as a vital necessity and as the beginning of a great cause.

The moderation of a person means a good deed that causes and maintains general respect. In this regard, in his value views, Abai dwells on the concepts of "moderation"/"kanagat". Behaviours, actions, and actions are controlled by moderation. A person who has moderation, feeling a high responsibility to the people around him and himself, will stop himself in time, does not succumb to temptation, and will satisfy needs in moderation.

Primitiveness gives rise to a sick lifestyle, insatiability leads to painful, pessimistic experiences, harmful passions, unfair anger, disapproval of people: "Ignorance inherited from fathers, absorbed with mother's milk, passing through meat, reached the bones and killed humanity in it". In these lines, it conveys a person who is not able to think objectively, since insatiability is always the core of bad habits, such as betrayal, corruption, bribery, and destroying society.

2. Modesty. Speaking about the great role of modesty, the sage emphasizes that natural human moderation lies not in physical strength, not in luxury, not in a position in society, but in its moral essence. It can be for those who know how to conquer themselves and their desires. This is confirmed by the following words of the prophet: "They have become like people who, instead of thinking about the elevation of the soul, seek satisfaction and peace". From here we can understand that moderation cannot arise by itself, it is born of decency and justice. In the fortieth word, he bitterly declares that a just person will certainly think and ask himself: "Why are

people who are restrained and lead a moderate lifestyle considered weak, and libertines and braggarts who are not able to live a day without a scandal are reputed to be dashing?" This step can be called the beginning of good deeds, evidence of his justice and honesty.

The philosopher also writes with sorrow in the seventeenth word that there is both bad and good on earth, including guile and deceit, with which man is not satiated. An example is the following lines: "You own the secrets of the existence of both worlds, but this did not satisfy you, and you began to breed cunning and evil intent. You know the ways to the treasures of both worlds, and therefore both bad and good people began to rely on you." He immediately emphasizes that "... the harmony and purity of human life is the meaning of the existence of the great world." Moderation, although it has the highest value in the creations and behaviour of each individual, cannot serve as a universal criterion of morality.

It is only in moderation that the virtue of man manifests itself. This expression proves once again that the work done with a kind heart is also charity, kindness.

In the Fourteenth word, it is presented that the behaviour of a particular person cannot serve as a universal criterion of morality: "If a person, having indulged in bad deeds, unbridled bragging, is unable to stop and recover from himself, does not try to purify himself before God or his conscience, how can you call such a horseman?"

3. Generosity is a virtue, the external manifestations of which are the absence of rancour, condescension, and willingness to selflessly sacrifice their interests in the name of a greater goal. Generosity allows you to fight against envy and avarice. An example is the following lines: "Do not cause anger and envy in another person, who does not respond with anger to anger, saves both himself and the other." Generosity, charity, moderation in the life of society, and the presence of human taste in generations are always necessary for the future of the people. All this is the main product, the achievement of the culture of the nation. If there were no such qualities in society (not preserved in the memory of generations), national values would not be preserved in the historical space of the country's culture. The continuity of national values from generation to generation is based on national consciousness and rational thinking.

True natural naturalness and spiritual purity stop actions that is inconsistent with the measure of everything and moderation, contrary to common sense. The human heart cannot be indifferent to human sorrows. For example, in the seventeenth word: "I hold reverence for the elders and condescension for the younger. I am justice, moderation, conscience, gratitude and mercy! What is Strength and Intelligence without me? Only people are not able to

keep me clean and lose their human essence." In these words, Abai conveys that moderation comes from the human heart.

Conclusion

Thus, this article discusses the concept of "moderation"/"kanagat", which is the main component of a healthy lifestyle for the Kazakh people. The relevance of the research topic is determined by the fact that human values, natural naturalness, spiritual purity, and overcoming ignorance constitute the concept of "moderation"/"kanagat" since the thinker saw in moderation a positive quality of a person. "Moderation"/"kanagat" has long been revered by Kazakhs for virtue. As a result of the research, samples were made from the words of Abai's edification, the specifics of the national mentality of the studied material were revealed, and the natural naturalness and spiritual purity of humanity were presented.

References

Kenzhegaliev, K.K. *Psychology of "Words of edification" by Abai Kunanbayev* - Kazakh educator of the late XIX and early XX centuries. // *Fundamental Research*, 2013. No. 10 (part 3). pp. 659-664.

Pimenov, M. V. *Conceptualization and objectification of conscience in linguistic pictures of the world* // *Siberian Philological Journal*. 2003. No. 3-4. pp. 208-217. 4. Newspaper "Credo" No. 2(270)'18 Kazakh thinker Shakarim and his theory of conscience. pp. 5-7.

Shakhanova, N. *The world of traditional Kazakh culture*. Almaty, 1998.

Дарибаева А.А., Рысбаева М.К., Исабаева Г.Н.

КОНЦЕПТ «УМЕРЕННОСТЬ»/«ҚАНАҒАТШЫЛДЫҚ» В СЛОВАХ НАЗИДАНИЯХ АБАЯ

В данной статье рассматривается концепт «умеренность» / «қанағат», который является основным составляющим здорового образа жизни казахского народа. Актуальность темы исследования определяется тем, что человеческие ценности, природная естественность, душевная чистота, преодоление невежества составляют концепт «умеренность»/«қанағат». «Умеренность»/«қанағат» издавна почитается у казахов за добродетель. Целью работы выступает определение влияния ценностного своеобразия национальной психологии на специфику быта и мировосприятия казахского народа посредством выборки из слов назидания Абая.

В ходе проведённого исследования были применены следующие методы: метод семантического анализа, который

установил возможности выражения ценностных суждений, представляющих ценностную часть концепта «умеренность» / «қанағат»; функциональный анализ сделал возможным выявить специфику репрезентации изучаемого концепта посредством выборки из слов назидания Абая.

Использование источников, созданных под руководством известных казахских и русских лингвистов, филологов, способствовали проведению анализа, который способствовал установлению возможности выражения ценностных суждений, представляющих ценностную часть концепта «умеренность» / «қанағат». Таким образом цель исследования, заключающаяся в определении влияния ценностных особенностей национальной психологии на специфику быта и мировосприятия казахского народа, достигнута.

Концепт, умеренность, сознание, казахская ментальность, мораль, благодетель

Белянская А.И.

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию сетевого сленга, как ключевого аспекта взаимодействия в интернет чатах. Работа рассматривает отдельные составляющие сетевого сленга – акронимы, аббревиатуры, сокращения и жаргонизмы. Автор делает ударение на том, что актуальность работы лежит в быстром развитии сетевых чатов, которые являются источником сленгизмов, и их ограниченном исследовании.

Актуальность данной проблематики заключается в том, что молодежный сленг, будучи частью культуры, является одной из наиболее подвижных ее частей, отражающих социальные изменения, которые, в свою очередь, проявляются в возникновении или исчезновении определенных элементов культуры, трансформации внешних и внутренних связей, что вызывает необходимость постоянных исследований в этой области.

Сетевой сленг, коммуникация, интернет-чат, социальные сети, аббревиатура, сокращение, жаргон
Введение

Современная разговорная речь молодежи изобилует различными по своим функциям и эмоциональной окраске сленговыми единицами. Молодежь, являясь преимущественным носителем сленга, делает его неотъемлемой частью повседневного общения. При этом важным экстралингвистическим признаком формирования сленга является «незамкнутость» среды. Единицы сленга устойчиво существуют в языке, и с течением времени они начинают часто употребляться не только представителями молодого поколения, но и членами других социальных групп, т.е. сфера употребления сленга постепенно расширяется, выходит за рамки сообщества, в котором сленг был создан изначально.

Наличие молодежного языка как разновидности социального диалекта характерно для любого развитого языка. Основой для возникновения молодежных жаргонов в любом языке является стремление формирующихся поколений к отграничению от мира взрослых, желание говорить на собственном языке. Немаловажное значение здесь имеет и аспект протеста, подразумевающий осознанное нарушение конвенций мира взрослых, желание быть другими, не такими, как поколение родителей, и выражать данное отношение средствами языка.

Специфика сленгизмов в испаноязычной молодежной субкультуре

Язык испанской молодежи – это своеобразный язык, объединяющий молодых людей по возрастному принципу, в границах от 14 до 22 лет [Попова, 2004]. В испанской лингвистике для обозначения этого явления принято несколько терминов: молодежный жаргон («jerga juvenil»), молодежный аргот («argot juvenil») и чели («el cheli»). Последний термин наиболее употребителен и отражает национальное своеобразие данного явления применительно к испанской лингвокультурной реальности.

Изначально «чели» – это профессиональный жаргон, секретный язык маргинальных обитателей Мадрида. Его существование прослеживается по письменным памятникам испанского языка уже в XV–XVI вв. Со второй половины XIX в. происходит «рассекречивание» чели и проникновение его лексики сначала в мадридское просторечие, а затем и в язык образованной части общества. Так лексика чели внедряется в литературную норму, попадая сначала в тот ее пласт, который образует фамильярную речь (habla familiar). Отсюда чели проникает и в художественную литературу.

Свое «Возрождение» чели переживает в XX в., начиная с 70-х гг., когда городской аргот Мадрида начинают использовать различные «неформальные» и контркультурные молодежные объединения и движения, среди них мадридские панки, рокеры, пасота и др. Термин «чели» в то время имел другое значение: он использовался среди «неформалов» в качестве вокатива

и выступал синонимом обращения «парень», «приятель» с положительной коннотацией. С 80-х гг. название «чели» окончательно переносится на обозначение молодежного мадридского жаргона. С 90-х гг. чели распространяется среди всей городской испанской молодежи и понимается как синоним термина «молодежный жаргон». Таким образом, в XX в. меняется функция чели.

Если изначально, как и функция всякого аргю, она заключалась в объединении одной социальной прослойки общества и противопоставлении ее остальной части общества, то сегодня чели служит объединению и противопоставлению одной части общества по отношению к другой на основе возрастного (или генерационного) признака [Фирсова, 1986].

Среди основных особенностей употребления сленгизмов в молодежной субкультуре традиционно выделяются следующие (По: [Виноградов, 2007]):

1) отграничения и противопоставление остальному обществу, стремление коммуникантов общаться друг с другом и оставаться при этом непонятными для посторонних;

2) тенденция доречевой выразительности, самовыражения;

3) различные типы сокращений *pele* (*película*), *corto* (*cortometraje*), *mani* (*manifestación*), *depre* (*depresión*), *cleta o bici* (*bibicleta*), *masoca* (*masoquista*), *manifa* (*manifestación*);

4) богатая синонимия. Здесь стоит отметить, что семантические классы синонимических наименований достаточно ограничены. Так, например, понятия, которые являются часто применяемыми и значимыми для молодежного сообщества. Например, синонимический ряд для обозначения друга, товарища: *causa, pata yunta, cabro, choro, mister, socio, gancho, hueon, partner, kuate, maestro, master, paisa, paisano, paleta, paleteado, per-rin, amigazo, sociate, tela, coompiinche, compadree-comadree, friend, quillo, tronco / a, colega, camarada, ñaño, broder, mano o manito, carnal, amis, amiwis, hamijo, pana, compi / compa, primo, ñero*;

5) нецензурная лексика, вполне естественно, поскольку жаргон характеризуется типичной сниженно-грубоватой стилистической маркированностью. Отдельные слова и выражения употребляются не только в негативном, но и позитивном плане: *cojonudo, acojonante, coñazo, coña, por cojones*;

6) фразеология и паремиология. Сленг тяготеет к образности, которая проявляется ярче во фразеологизмах. Примеры молодежных фразем: *empinar el codo* (пить), *echar carreta* (много говорить, врать), *hacer una simpa* (покинуть кафе, не заплатить) и т.п.

Специфика интернет-языка испаноязычной молодежи

На современном этапе все чаще начинают говорить о существовании отдельного интернет-языка, который развивается внутри различных языков. Речевые средства, используемые в интернет переписке можно рассматривать в зависимости от их функции, соответственно, это могут быть средства экономии и средства, способствующие приближению интернет-переписки к устной речи.

Рассмотрим средства экономии. Большинство языковых средств в текстовых сообщениях направлены именно на экономию времени. Поэтому усечение здесь имеют гипертрофированный характер и отличаются разнообразием, наблюдаются значительные отклонения от языковой нормы. Итак, существуют такие речевые средства экономии:

a) отсутствие в сообщениях «h»: *aora (ahora), oy (hoy), echo (hecho)*;

b) использование «y» вместо «ll»: *yamare (llamaré), yamat (llámame), yaves (llaves), yegams (llegamos)*;

c) «k» вместо «que» и «с»: *k bno (qué bueno), k tl? (¿Qué tal?)*; *kasa (casa), kand (cuando)*;

d) использование «x» вместо «por» и «ch»: *xq (porque), xfa (por favor) mxo (mucho), xata (chata), xaxi (chachi)*;

e) отсутствие знаков препинания, пробелов между словами, графических акцентов: *NosVemosEstaTarde? (¿Nos vemos esta tarde?)*, *Cmo stas? (¿Cómo estás?)*, *Tio (tío)*;

f) отсутствие части или всех гласных в слове: *cruz (cerveza), ns vms (nos vemos), qdms n la dsk (¿quedamos en la disco?)*, *bn (bien), bss (besos), cmo stas? (¿Como estás?)*;

Отдельно можно выделить отклонения, которые носят системный характер, это опущение «e» перед «s»: *star, scribir, stirar, scuxar (estar, escribir, estirar, escuchar)*, опущение e после p и t: *prezoso (perezoso), ntro (neutro)*. Встречается также усечение согласных, но реже: *asias (gracias), maemia (madre mía)*. В общем и целом, во всех случаях действует правило пропуска тех букв, которые легко восстанавливаются.

g) употребление цифр, других математических знаков и знаков препинания: *NT1D (no tengo un duro), a1k (aunque), salu2 (saludos), TPN3 (te penetré), B7 (besitos), a10 или a2 (adiós), 100pre (siempre), ad + (además), d + iao (demasiado), = (igual), MD = (me da igual), t exo d - (te echo de menos, as (apuntes)*;

h) различные аббревиатуры и акронимы: *LAP (lo antes posible), МК (¿te quieres?)*, *TQITPP (te quiero y te pido perdón)*, *NTC (no te creas), fds (fin de semana)*.

Заключение

Испанский язык современной молодежи имеет значительное влияние англицизмов, арготичной лексики и жаргона, а в последнее время благодаря тотальной глобализации главным

доминирующим ресурсом его формирования являются компьютерные технологии и Интернет. В последние годы нормы испанского языка отмечены влиянием устной речи. Это влияние проявляется в использовании лексических единиц разговорной речи и жаргона, которые несмотря на негативную коннотацию употребляются в речи, на телевидении, радио, газетах благодаря своим экспрессивным возможностям. Средства массовой информации вызывают пассивное усвоение и распространение жаргонной лексики, которую читатели не употребляют в повседневной речевой практике.

Литература

Попова З.Д. Общее языкознание : [учеб. пособие для ун-тов] / З.Д. Попова, ИА. Стернин. 2-е изд., испр. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2004. 208 с.

Фирсова Н.М. Проблема вариативности морфолого-синтаксических средств : (на материале исп. яз.) // Функционирование языковых единиц в разных сферах коммуникации : сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.М. Фирсова. М., 1986. С. 16–35.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В.В. Виноградов. М. : Наука, 2007. 312 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.

Belyanskaya A. I.

FEATURES OF THE YOUTH SLANG OF THE MODERN SPANISH LANGUAGE

The article is devoted to the study of network slang as a key aspect of interaction in Internet chats. The work examines the individual components of network slang - acronyms, abbreviations and jargonises. The author emphasizes that the relevance of the work lies in the rapid development of network chats, which are a source of slangisms, and their limited research.

The relevance of this problem lies in the fact that youth slang, being part of the culture, is one of its most mobile parts, reflecting social changes, which, in turn, are manifested in the emergence or disappearance of certain elements of culture, the transformation of external and internal ties, which causes the need for constant research in this region.

Network slang, communication, Internet chat, social networks, abbreviation, abbreviation, jargon.

Раздел II

Брацун Д.А.

СТРУКТУРА ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА «ЕВРОРЕГИОН»

Статья посвящена исследованию гнезда эквивалентности на примере гнезда эквивалентности сложносокращенного слова «еврорегион», входящего в ономаσιологический класс географических объектов. Автором уточнено понятие «ономаσιологический класс», определены границы ономаσιологического класса «географический объект». Дана дефиниция понятия «гнездо эквивалентности», определены формальные модели эквивалентности аббревиатур, на основе семантических надежд установлены типы ономаσιологических признаков гнезда эквивалентности «еврорегион».

Ономаσιологический класс, географический объект, сложносокращенное слово, гнездо эквивалентности, дешифровальный стимул

Введение

Цель предлагаемой работы – произвести формально-ономаσιологический анализ эквивалентности сложносокращенных слов ономаσιологического класса «географические объекты» на примере гнезда эквивалентности «еврорегион».

Задачи:

- 1) определить границы ономаσιологического класса «географический объект»;
- 2) дать дефиницию понятия «ономаσιологическая модель» и «гнездо эквивалентности»;
- 3) определить формальные модели эквивалентности аббревиатур, входящих в гнездо эквивалентности «еврорегион» ономаσιологического класса «географические объекты»;

4) установить типы ономаσιологических признаков класса «географические объекты», представленные в гнезде эквивалентности «еврозо́на», на основе семантических падежей;

5) описать гнездо эквивалентности «еврорегион».

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема описания ономаσιологического класса, который объединяет единицы, обозначающие однотипные референты, не получила достаточного освещения в научной литературе. Один из факторов актуальности работы – необходимость создания методик формирования словарных статей «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка», создаваемого в Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Объект исследования – сложносокращённые слова (ССС) со значением географических объектов, входящие в гнездо эквивалентности «еврорегион». Под СССР понимаются слова, «включающие в свой состав неинициальный аббреконтрукт» [Теркулов, 2017], например *агропояс*, *боерайон* и т.п.

Сложносокращённые слова, формирующие ономаσιологический класс композитов со значением географических объектов

Ономаσιологический класс (ОК) – это «объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий» [Дьячок, 2015; 383]. Это такая совокупность номинатем, в которой единый тип представленности знаний (характеристика признака) реализован в одном грамматическом классе единиц одинаковым структурным способом.

Гнездо эквивалентности (ГЭ) – «совокупность формально взаимосвязанных единиц, находящихся с СССР в отношениях текстовой эквивалентности» [Теркулов 2015; 100].

Проблемы формирования внутренней, семантической структуры СССР, связанные с необходимостью определения границ ономаσιологических классов, нашли свое отражение в работах В.И. Теркулова и его последователей. В.И. Теркулов разработал типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса. Композиты распределяют на универбализационные, являющиеся словесной интерпретацией коллокативных номинатем, деривационные, являющиеся базовыми реализациями самостоятельных словесных номинатем, и квазикомпозиты, т.е. сложные слова, возникшие не на основе словосочетаний, а в результате искусственного сочленения частей некоторых слов [Теркулов, 2017].

По мнению В.И. Теркулова, структура ОК универбализационных композитов является трехчленной. К верхнему ярусу ученый относит общекатегориальное грамматическое значение, при этом отмечают только субстантивные и атрибутивные

номинаемы. Второй ярус предполагает существование номинаемы в пределах определенной лексико-семантической группы (ЛСГ), которая в свою очередь является лексико-семантической группой одноструктурных единиц (ЛСГОЕ). Третий ярус предполагает распределение номинаем по ономаσιологическим [Теркулов, 2008; 294].

Географические объекты – это существующие или существовавшие относительно устойчивые, характеризующиеся определенным местоположением целостные образования Земли: материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озера, ледники, пустыни и иные природные объекты; республики, края, области, автономные области, автономные округа; города и другие поселения, районы, волости, железнодорожные станции, морские порты, аэропорты и подобные им объекты.

Мы рассматриваем ССС, формирующие ОК композитов со значением географических объектов.

Признаки, определяющие ОК:

- структурное тождество объединяемых единиц (в нашем случае все слова являются ССС);
- общекатегориальное грамматическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все ССС относятся к существительным);
- ономаσιологическое тождество объединяемых единиц (в нашем случае все композиты-существительные имеют значение географического объекта).

По картотеке первых двух томов «Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка» нами обнаружено 35 ССС, образующих ОК со значением географических объектов. В гнездо эквивалентности «еврорегион» входит 8 эквивалентных словосочетаний.

Описание различных типов сложных слов включает:

- 1) описание модели эквивалентной единицы (конструкции);
- 2) описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструкторов с конструкторами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает параметры, релевантные характеристикам ССС.

В ней указывается на:

- количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции);
- там, где их больше одного – на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

По количеству компонентов, рассматриваемые единицы подразделяются на:

- двухкомпонентные (4 примера; 50%), например: еврорегион – европейский регион, регион еврозоны и т.д.;

- трехкомпонентные (со служебными словами), (1 пример; 12.5%), например: *еврорегион* – регион в Европе;
- трехкомпонентные (из знаменательных слов), (2 примера; 25%), например: *еврорегион* – регион Европейского Союза, регионы европейских стран;
- четырехкомпонентные (из знаменательных и служебных слов), (1 пример; 12.5%), например: *еврорегион* – регионы в странах Европы.

Базовой единицей эквивалентной интерпретации является дешифровальный стимул (далее – ДС), который представляет собой стереотип расшифровки абброконструкта, т.е. слово или словосочетание, являющееся эквивалентом абброконструкта и используемое для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно абброконструкт имеет несколько ДС (например, для абброконструкта **евро** нами отмечаются ДС *в Европе, европейский, Европы, в странах Европы, Евросоюза, Европейского Союза, европейских стран, еврозоны*), что создаёт возможность формирования множественной синхронной эквивалентности аббревиатуры. Конечно же, для отдельно взятого ССС используются не все ДС входящего в её состав абброконструкта, а только те, которые «прогнозируются» её значением.

Синхронное описание ССС включает две процедуры:

- 1) формально-структурный анализ;
- 2) семантико-ономасиологический анализ.

Синхронное описание ДС, аббревиатур и эквивалентных словосочетаний включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

На первом этапе устанавливается общая модель использования ДС в эквивалентном словосочетании. Для моделирования применяются символы: у – базисный компонент, х – признаковый, т.е., собственно, ДС абброконструкта, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре.

В словах, относящихся к ГЭ «еврорегион», обнаружено 6 типов ДС:

1. х – существительное (у-х: регион **Европы** – *еврорегион*), (1 пример; 12.5%).
2. х(адъект) – простой адъектив (у-х(адъект): **европейский** регион – *еврорегион*), (1 пример; 12.5%).
3. х-а – сложное существительное: (у-х-а(сущ): регион **еврозоны** – *еврорегион*), (2 примера; 25%).
4. (предл)х – существительное с предлогом: (у-(предл)х: регион **в Европе** – *еврорегион*), (1 пример; 12.5%).

5. x(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом: (y-x(адъект)-z: *регион Европейского Союза – еврорегион*), (2 примера; 25%).

6. (предл)x-z(сущ) – предложное словосочетание с зависимым существительным: (y-(предл)x-z(сущ): *регион в странах Европы – еврорегион*), (1 пример; 12.5%).

Второй этап представляет собой установление определённой модели формальной разновидности эквивалентности для всех эквивалентных пар в пределах гнезда эквивалентности, которая изображает тип условного совпадения элементов словосочетания и конструкторов аббревиатуры и соединяет два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента.

Общие операторы для этих блоков – грамматические операторы, которые показывают частеречную принадлежность элементов эквивалентного словосочетания (сущ – существительное, прил – прилагательное и т.д.), на номер падежной формы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.), на числовую характеристику (ед – единственное, мн – множественное).

Для указания сложных слов, входящих в словосочетание, применяется оператор «кп». В блоке аббревиатуры прибавляются операторы, которые устанавливают качество аббреквивалента (Осн – основа, Чосн – часть основы, Чосн¹ – первая часть основы эквивалентного сложного слова, З¹ – первый звук основы, Б¹ – первая буква основы), ещё оператор «инт», применяющийся когда в аббревиатуре возникает интерфикс.

В вариантах, когда при создании аббревиатуры «игнорируются» к-л элементы сочетаний слов, они приводятся в скобках после знака «-».

Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для ГЭ «еврорегион» обнаружено 7 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил¹ед+Сущ¹ед: *европейский регион* (1; %);
2. Сущ¹ед+Прил²мн+Сущ²мн: *регион европейских стран* (1; %);
3. Сущ¹ед+предл+Сущ^{бед}+Сущ²мн: *регионы в странах Европы* (1; %);
4. Сущ¹ед+Сущ²ед: *регион Европы* (1; %);
5. Сущ¹ед+предл+Сущ^{бед}: *регион в Европе* (1; %);
6. Сущ¹ед+Сущ²ед(кп): *регион еврозоны* (2; %);
7. Сущ¹ед+Прил²ед+Сущ²ед: *регион Европейского Союза* (1; %).

Цель ономаσιологического анализа сложных наименований – рассмотреть семантику производного в терминах ономаσιологических, понятийных категорий.

Ономасиологическая модель – это схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов, соответственно, языковой и речевой номинации [Дьячок, 2012].

Ономасиологическая структура слова включает в себя два основных компонента:

а) ономасиологический базис, который, являясь родовым понятием, отсылает нас к определенному понятийному классу;

б) ономасиологический признак, характеризующий видовую соотносённость референта внутри обозначенного класса явлений.

В нашем исследовании мы выделили 3 ономасиологических признака, которые реализуются в следующих моделях:

1. Модель «географический объект + квалификатив», ономасиологический признак указывает на принадлежность объекта к определенному классу (1 пример: *еврорегион – европейский регион*).

2. Модель «географический объект + посессив», ономасиологический признак указывает на принадлежность объекта кому-либо/чему-либо (5 примеров: *еврорегион – регион Европы, регион Европейского Союза* и т.д.).

3. Модель «географический объект + локатив», ономасиологический признак указывает на местонахождение актанта (2 примера: *еврорегион – регион в Европе, регион в странах Европы*).

Заключение

Были рассмотрены ССС, формирующие ГЭ «еврорегион». ГЭ «еврорегион» включает 8 эквивалентных словосочетаний. В данном ГЭ нами обнаружено 6 типов ДС. Самыми распространенными типом ДС, для рассматриваемых слов, оказались у-х-а(сущ) и у-х(адъект)-z. В ГЭ «еврорегион» выявлено 7 моделей формальной разновидности эквивалентности, самая распространенная – Суц1ед+Суц2ед(кп). В рассмотренных ССС обнаружено 3 ономасиологических признака.

Литература

Блюмина О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.В. Блюмина / Горл. гос. пед. ин-т иностр. яз. Горловка, 2010 341 с.

Дьячок Н.В. Критерии определения понятия «ономасиологическая модель» для номинатива типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н.В. Дьячок // Наукові записки. Серія «Філологічна». Вип. 26. Острог: Національний університет «Острозька академія», 2012. С. 96–99.

Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономаσιологическое описание / Н.В. Дьячок // Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Киев, 2015. 522 с.

Теркулов В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. № 3 (19). Владикавказ, 2015. С. 99–105.

Теркулов, В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дис. д-ра филол. наук: 10.02.02 / Теркулов В. И. Горловка, 2008. 472 с.

Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73- 97.

Bratcun D.A.

**THE STRUCTURE OF THE EQUIVALENCE NEST:
IN THE EXAMPLE OF THE EQUIVALENCE NEST
OF THE COMPOUNDED-ABBREVIATED WORD «EURO-
REGION»**

The article is devoted to the study of the equivalence nest on the example of the equivalence nest of the compound word "Euro-region", which is included in the onomasiological class of geographical objects. The author clarifies the concept of "onomasiological class", and defines the boundaries of the onomasiological class as a "geographical object". The definition of the concept of "equivalence nest" is given, formal models of the equivalence of abbreviations are defined, based on semantic cases, the types of onomasiological features of the "Euroregion" equivalence nest are established.

Onomasiological class, geographical object, abbreviated word, equivalence nest, deciphering stimulus

ТРАДИЦИИ СЕМЕЙНОГО РОМАНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО

В данной статье предпринята попытка понять, насколько традиции семейного романа predeterminedли специфику концепта семья в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Цель данной статьи состоит в том, чтобы понять широкий общенациональный контекст обращения великого писателя Л.Н. Толстого к традициям семейного романа.

Концепт, концептосфера, традиции, ценности, концепт «семья»

Введение

Тема семьи интересует Л.Н. Толстого на протяжении всего его творческого пути. Ознакомившись с творчеством Диккенса, Теккерея, Стерна, Л.Н. Толстой рассматривает семейный роман как наиболее адекватную форму для выражения своих нравственно-эстетических идеалов. Однако не стоит относить все фундаментальные произведения великого русского классика к данному жанру романа. Вероятно, правильнее говорить о наличии мощных традиций семейного романа в творчестве Л.Н. Толстого, об авторском видении и модификации жанра.

Несмотря на значимость семьи в жизни и творчестве Л.Н. Толстого, отношение классика к семье как ячейке общества менялось в течение всей его жизни, что находило отражение и в творчестве. Доподлинно известно, что уже в подростковом возрасте Лев Николаевич Толстой мечтал о семье, имел свое собственное представление о том, какой она должна быть. В начале своего пути писатель говорит о том, что семья спасает человека от дисгармонии, уныния и греха, придает ему сил идти в нужном направлении и найти смысл своего существования. В браке с Софьей Андреевной Лев Толстой прожил 48 лет, которые были наполнены как семейным счастьем и идиллическими моментами, так и конфликтными периодами.

Л.Н. Толстой говорит, что причина несчастных браков и несчастья супругов заключается в ложной мысли, которую общество внушило людям: брак – счастье, а не спектр эмоций, ограничений и противоречий. В 1899 году Л.Н. Толстой пишет следующее: «но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения,

отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, — злоба, глупость, лживость...» [Борисова, 2021].

С годами представления Л.Н. Толстого о семье и браке трансформируются. Обусловлено это пересмотром Л.Н. Толстым своего отношения к церкви, религии, частной собственности, осложненными отношениями с женой и детьми. Весь семейный уклад Толстых основан на консервативных взглядах писателя и его церковной традиции. Духовная близость супругов, взаимопонимание, искренность в отношениях, совместное дело – главные составляющие удачного и счастливого брака для Л.Н. Толстого. Рассмотренные недостатки девушек в «женском вопросе», заставляли сомневаться Л.Н. Толстого и в собственном семейном счастье: «Кроме того, мне кажется, что я не рождён для семейной жизни, хоть люблю её больше всего на свете» [Борисова, 2021].

Образ семьи в творчестве Л.Н. Толстого

Сюжетная составляющая произведений Л.Н. Толстого трансформируется вместе с его взглядами на семью и семейные ценности. Если в романе «Семейное счастье» Л.Н. Толстой убежден в том, что любовь не знает возраста, кризис семьи нельзя решить рождением детей, а об обидах и недопониманиях необходимо разговаривать, то уже в «Войне и мире», «Анне Каренине» и «Дьяволе» автор утверждает, что дети – истинное счастье семейной жизни, а создание семьи является смыслом жизни всех людей.

С возрастом Л.Н. Толстой углубляется в изучение церковных писаний, в которых находит ответы на семейные вопросы. В этот период он отвергает физиологическое влечение, осуждает его поэтизацию, а также отношения, построенные на плотском желании. Л.Н. Толстой считает неприемлемым принятие такого рода отношений как общественной нормы, призывает общественность к восстановлению баланса в культурной трактовке брака. В высокоморальном, цивилизованном обществе нет места «унизительному для человека животному состоянию» [Борисова, 2021].

Практически ни в одном романе классика семья не является главным героем произведения, но в каждом из произведений система образов четко выстраивается по семейно-родовому принципу. Пространство романа у Л.Н. Толстого – «полисемейный» мир, где ни один герой не может существовать в гармонии с собой и миром вне семьи. Традиции именно семейного романа во много определяют эпичность произведений: совокупность семейных «гнезд» в художественном пространстве позволяет Л.Н. Толстому показать полноту и многообразие национальной жизни, история которой обретает художественную силу непосредственно через историю семей.

Семья, по Л.Н. Толстому, - основа национального мира, заключающая потенциал, способный противостоять угрозе разрушения нации. Отсутствие семейной связи, отпад от семейных ценностей – предвестник трагедий, причем трагедии эти могут быть как узкосемейными, так и общенациональными.

Именно Л.Н. Толстой актуализировал заложенную в потенции жанра семейного романа антитезу «дом - светское общество», которая стала основой для системы этических оппозиций, раскрывающих содержание семейного идеала писателя: город – деревня, любовь – нелюбовь, вера – безверие. Все герои Л.Н. Толстого существуют в рамках этой системы. Их духовные искания неизменно представляются Л.Н. Толстым как выход из пространства истинных семейных ценностей в мир мнимых светских идеалов, а затем возвращение назад, к ценности семьи как ячейки общества и патриархальному укладу жизни.

Традиции семейного романа оказываются органичны и для психологического метода Л.Н. Толстого: утверждая семейный идеал, он проводит героев через полосу заблуждения, приближает к пороку и предательству самих себя, а затем заставляет принять свои ценности и убеждения.

Мотив цикличности жизни, возвращения к истокам прослеживается и в отношении общенационального бытия: исторический кризис в «Войне и мире» начинается одновременно с разладом внутри крепких патриархальных семей Ростовых и Болконских. Преодоление национального бедствия совпадает с созданием новых счастливых союзов.

Молодые герои возвращаются к патриархальным основам бытия, восстанавливая духовное родство между супругами, понимание между родителями и детьми, истинную веру, отказываясь от светских норм и приличий.

Цикличность человеческого бытия является признаком преобразования Л.Н. Толстым еще одного канона семейного романа – обязательного ответа на вопрос о возможности существования семьи в современном обществе. В ранних образцах семейного романа он решался положительно, поздние модификации жанра свидетельствовали о почти полном разрушении семейных форм жизни. Л.Н. Толстой же самой структурой романов дает понять, что распад семейной патриархальности – явление не только современное, но и вневременное, регулярно проявляющееся на определенном этапе истории.

Именно поэтому в финале произведений Л.Н. Толстого важную роль играют образы детей. Дети указывают на преодоление кризиса патриархальных форм жизни, но дети же являются предвестниками новых кризисных ситуаций (Николенька Болконский).

Л.Н. Толстой, таким образом, выводит проблематику семейного романа в плоскость общепhilософского осмысления:

любая семейная идиллия чревата кризисами и распадом, как и любой кризис родственных отношений неизбежно приводит к восстановлению их на новом этапе. В таком авторском понимании семейного романа органично соединяются и эпичность, и углубленный психологизм Л.Н. Толстого; его взгляд на патриархальный уклад в основе семьи как вневременную основу национальной жизни и пристальное внимание к личностному пониманию и принятию этого уклада каждым из героев.

Анализ специфики представления концепта семья в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»

Исходя из важности семьи для Л.Н. Толстого, определения семейной темы как одной из ведущих тем творчества писателя, можно сделать вывод, что в концептосфере Л.Н. Толстого концепт «семья» является ключевым. Для анализа мы выбрали роман-эпопею «Война и мир», так как, на наш взгляд, в нем наиболее полно раскрыта тема семьи.

В философском словаре семья определяется как «совокупность индивидов, связанных узами крови, брака или любви» [Конт-Спонвиль, 2012]. Данная трактовка представляется нам наиболее подходящей, так как она отражает не только социальную, но и эмоционально-чувственную составляющую поля анализируемого концепта.

С учетом определения семьи, по Спонвилю, рассмотрим реализацию концепта семья на примере отношений Андрея Болконского с Лизой и Наташей Ростовой.

Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело [Толстой, 1996].

В данном фрагменте текста мы видим, что из всего светского общества, которое ничего интересного для Болконского не представляет, вызывает скуку, самым скучным для князя Болконского человеком является его жена. Кроме того, ее общество не только скучно, но и надоеливо. Это подтверждается дальнейшим текстом произведения: «С гримасой, портившей его красивое лицо, он отвернулся от нее.» [Толстой, 1996].

В Толковом словаре Ушакова гримаса трактуется как:

1. Намеренное искажение черт лица. *Мальчишка делал гримасы. ||* чего. Мимика, выражающая отвращение, злость и т. п. чувства (книжн.). *Он взглянул на него с гримасой презрения [Ушаков, 1935-1940].*

Опираясь на значение слова «гримаса», можно сделать вывод, что жена вызывает у Болконского отвращение, отторжение.

Муж посмотрел на нее с таким видом, как будто он был удивлен, заметив, что кто-то еще, кроме его и Пьера, находился в комнате; однако с холодной учтивостью вопросительно обратился к жене:

— *Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять,* — *сказал он. [Толстой, 1996]*

Можем предположить, что Болконский не испытывает к своей жене никаких теплых чувств. Это подтверждает использование эпитета *холодная учтивость*.

— *Bonsoir, Lise*, — сказал князь Андрей, вставая и учтиво, как у посторонней, целуя руку [Толстой, 1996].

Здесь мы видим, что у Андрея и Лизы нет духовного единения, кроме социального статуса мужа и жены их ничего не объединяет. Для Болконского жена - посторонний человек, не дающий ему жить полной жизнью.

— *Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет, не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал все, что мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда не годным... А то пропадет все, что в тебе есть хорошего и высокого* [Толстой, 1996].

И далее в диалоге с Пьером Безуховым:

— *Ты говоришь, Бонапарте; но Бонапарте, когда он работал, шаг за шагом шел к своей цели, он был свободен, у него ничего не было, кроме его цели, — и он достиг ее. Но свяжи себя с женщиной — и, как скованный колодник, теряешь всякую свободу. И все, что есть в тебе надежд и сил, все только тяготит и раскаянием мучает тебя. Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти.<...> И это глупое общество, без которого не может жить моя жена, и эти женщины...<...> Эгоизм, тщеславие, ту-поумие, ничтожество во всем — вот женщины, когда они показываются так, как они есть. Посмотришь на них в свете, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись, — кончил князь Андрей* [Толстой, 1996].

В приведенных отрывках можно максимально наблюдать отношение Болконского к семье и браку. Семья для Андрея — ошибка, брак убивает все хорошее и светлое, приравнивается к окончанию жизни. Вступление в брак и создание семейных уз рассматривается как мучение, на которое человек сам себя обрекает, при этом испытывает раскаяние за свою ошибку. Связь с женщиной приравнивается к потере свободы. Если считать, что Андрей Болконский ассоциирует свою жену с гостинными, сплетнями, балами, то жена и семья для Андрея — это заколдованный круг вынужденного общения, из которого ему хочется вырваться.

Анализируя лишь эти фрагменты текста, мы видим, что вкладывает Андрей Болконский в содержание концепта «семья»: семья — скука, отторжение, раздражение, холодная учтивость, нелюбимая жена, посторонний человек, конец жизни, мучение, раскаяние, несвобода, заколдованный круг.

Однако иная ситуация – Андрей с Наташа Ростова - позволяет нам увидеть, как Л.Н. Толстой трансформирует содержание концепта *семья* устами Андрея Болконского, превращая его в глубинную потребность человека, который только так обеспечивает себе связь с миром и системой его социальных, культурных, этических ценностей.

Об этом говорит сам Андрей после встречи с Наташей: *«Нет, жизнь не кончена и тридцать один год, — вдруг окончательно беспеременно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это: <...> чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!»* [Толстой, 1996].

Далее рассмотрим, как любовь к Наташе трансформирует Андрея, его идеалы, мировоззрение.

«Мне надо пользоваться своей свободой, пока так много в себе чувствую силы и молодости, — говорил он сам себе. <...>Оставим мертвым хоронить мертвых, а пока жив, надо жить и быть счастливым», — думал он. [Толстой, 1996]

Мы видим, что теперь любовь, отношения и обязательства перед женщиной для Андрея не закодированный круг, а свобода, сила, молодость. Андрей понимает, что до этого он был мертв духовно, находился в ловушке ложных воззрений.

Князь Андрей держал ее руку, смотрел ей в глаза и не находил в своей душе прежней любви к ней. В душе его вдруг повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшего его с нею. [Толстой, 1996]

В данном фрагменте текста мы видим, как изменилось отношение Андрея к браку. Через описание чувств князя Болконского к Наташе Л.Н. Толстой добавляет в концепт семьи понятия *преданность, доверие, радость, долг*. Причем *долг* рассматривается именно как связь, а не принуждение. Л.Н. Толстой также подчеркивает искренность чувств, их серьезность, отчего Андрей испытывает некоторый страх.

— Как ни тяжел мне будет этот год, отсрочивающий мое счастье, — продолжал князь Андрей, — в этот срок вы поверьте себя. [Толстой, 1996]

В этом фрагменте текста видно, что теперь к концепту *семья* в сознании Андрея прибавляется понятие *счастье*.

Приход Андрея Болконского к пониманию брака как счастья как раз иллюстрирует ту самую цикличность, которую Л.Н. Толстой использует для развития своих персонажей: духовно мертвый Андрей не мог любить, не мог осознать значимость семьи и семейных уз в своей жизни, он блуждал в

светских идеалах, которые так ненавидел. Только пройдя через невзгоды и трудности, Андрей Болконский возвращается к тем самым идеалам и ценностям, которые диктует ему Л.Н. Толстой.

Понятия, входящие в концепт семья и реализованные посредством реализации образа Андрея Болконского, можно разделить на несколько групп:

1. Семья – самореализация: конец жизни, несвобода – свобода, молодость, сила.

2. Семья – чувства: отторжение, холодная учтивость, мучение, раскаяние, скука, раздражение – преданность, доверчивость, радость, долг, связь.

3. Семья – брак: ошибка – счастье.

Наполнение концепта *семья* неоднородно, составляющие его противопоставлены друг другу.

Заключение

Суммируя свои размышления, сформулируем следующие выводы:

1. Семья в романе Л.Н. Толстого не является главным героем, но в то же время семья – важный структурный элемент романа, логично выстраивающий систему образов.

2. Многообразие национальной жизни, ее история и развитие реализуются через совокупность семей с разными жизненными ориентирами, семейными ценностями и внутрисемейными отношениями и устоями.

3. Семья – основа национального мира. Она способна противостоять разрушению нации. Отсутствие семьи, потеря семейной связи осмысливается Л.Н. Толстым как катастрофа, которая может произойти как внутри конкретной семьи, так и на национальном фоне.

4. «Мысль семейная» Л.Н. Толстого, его убеждения и идеалы стали основой для раскрытия толстовской оппозиции «дом – светское общество».

5. Распад семейной патриархальности цикличен, регулярно повторяющийся на каждом историческом этапе.

6. Цикличность семейной жизни соотносится с цикличностью общенациональной жизни: кризисные исторические моменты совпадают с семейным разладом персонажей.

Литература

Борисова А.Е. Трансформация института семьи на примере личной жизни и творчества Л.Н. Толстого // Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. 2021. URL: https://web.archive.org/web/20210514063727id_/http://esgimiet.ru/images/Descartes2021/Descartes7_2.pdf#page=3

Гнюсова И.Ф. Традиции семейного романа в творчестве Л.Н. Толстого URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnjusova_if.doc.pdf

Конт-Спонвиль Андре. Философский словарь. 2012.

Мазаева Н.Ю. Языковая и концептуальная картины мира (к теории вопроса) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006.

Маслова В.А. Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012.

Матвеева Д.С. Концепт как единица сознания // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татитцева. 2010.

Толковый словарь русского языка // под ред. Д.Н. Ушакова. 1935-1940.

Толстой Л.Н. Война и мир // Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3,4. М., "Лексика" 1996.

Хартикова А.И. Художественная картина мира автора и текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013.

Bunkova Z.A.

TRADITIONS OF THE FAMILY NOVEL IN THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF L. TOLSTOY

This article attempts to understand to what extent the traditions of the family novel predetermined the specifics of the concept of family in L. Tolstoy's novel "War and Peace". The purpose of this article is to understand the broad social context of the appeal of the great writer Leo Tolstoy to the traditions of the family novel.

Concept, concept sphere, traditions, values, «family»

Владова Н.И.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВАРИАНТЫ ПРАВОПИСАНИЯ ГЛАСНЫХ БУКВ

В статье рассматривается проблема выбора между буквами «э» и «е» в правописании новых и новейших лексических заимствований в современном русском языке.

Национальный корпус, орфографические варианты, лексические заимствования, словоупотребление

Введение

С начала XX века наблюдается активное проникновение англоязычных единиц в русский язык. Ёмкость и особая визуализация новых и новейших иноязычных единиц позволяют им быстро входить в устную и письменную речь, а тексты средств массовой информации, фиксируя появление этих единиц и задавая тенденции к их употреблению, уводят заимствования в новые контексты. Таким образом, иноязычная единица сразу же попадает в словесный оборот, однако адаптируется в русском постепенно, вследствие чего в СМИ появляются варианты правописания новых и новейших единиц. Возникает закономерный вопрос, как следует писать ту или иную иноязычную единицу и почему её следует писать так, а не иначе.

В правописании новых и новейших лексических заимствований выделяется три основные проблемы:

- 1) проблема употребления согласных букв;
- 2) проблема употребления удвоенных согласных букв;
- 3) проблема выбора между гласными буквами «э» и «е».

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года и в «Правилах русской орфографии» 2021 года правила написания «э» в иноязычных единицах зависят от положения буквы «э» в слове:

1. Правила написания «э» после гласных;
2. Правила написания «э» после согласных;
3. Правила написания «э» в начале слова.

Прежде чем приступить к сравнению правил двух сводов, связанных с буквой «э» в иноязычных единицах, необходимо проанализировать правописание и словоупотребление выбранных для исследования новых и новейших заимствований и определить, в какой позиции в этих единицах возможно или необходимо написание буквы «э»: после гласного, после согласного или в начале слова.

Проблема выбора между гласными буквами «э» и «е» в правописании новых и новейших иноязычных единиц в современном русском языке

Из 100 единиц, отобранных для исследования, только в 16 возникает вопрос выбора букв «э» и «е», связанный с возникновением орфографических вариантов в текстах СМИ.

Анализ позиции выбора буквы «э» или «е» в данных заимствованиях показал, что во всех данных единицах затруднения в правописании гласных «э» и «е» возникают в позиции (или позициях) после согласных: апгр(э/е)йд, б(э/е)кграунд, м(э/е)йнстрим и так далее.

Ни в своде «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года, ни в новой редакции 2021 года правила употребления буквы «э» в иноязычных единицах не вынесены в отдельный параграф, они указаны вместе с правилами написания «э» в исконно русских словах.

Правила употребления буквы «э» в иноязычных единицах не являются достаточным орфографическим материалом при решении проблем правописания новых и новейших иноязычных единиц. Из 16 единиц правописание только одного слова разъясняется данными сводами правил: *рэпер* (пишется с буквой «э» в корне, так как является производным заимствованного слова *рэп*, пишущегося с э).

Кроме того, в правописании всех отобранных 16 единиц в текстах современных СМИ наблюдается наличие вариантов: *апгрейд* – апгрэйд, *бренд* – брэнд, *бекграунд* – *бэкграунд*, *геокешинг* – геоке~~ш~~инг, *дедлайн* – дэдлайн, *мейнстрим* – мэйнстрим, *рэпер* – *рэпер*, *сейл* – сэйл, *саундтрек* – саундтрэк, *селфи* – сэлфи, *снек* – снэк, *фейк* – фэйк, *хедлайнер* – хэдлайнер, *кешбек* – *кешбэк* – кэшбек – кэшбэк, *флешбек* – *флешбэк* – флэшбек – флэшбэк, *хештег* – хештэг – хэштег – хэштэг. Верное написание слов выделено курсивом.

Только в двух единицах вариант написания, не соответствующий орфографической норме, фиксируется в письменной речи чаще правильного варианта. Так происходит в употреблении единицы *геокешинг*: правильное написание – геоке~~ш~~инг (1 вхождение), неверное написание – геоке~~э~~шинг (8 вхождений). Подобное наблюдается в связи с употреблением слова *кешбек*: правильное написание – кешбэк (44 вхождения), неверное написание – кэшбэк (52 вхождения).

Проанализируем правописание новых и новейших иноязычных единиц, в правописании которых возможен выбор между «э» и «е» с фонетической точки зрения с опорой на *гласные* звуки. Отберём новые и новейшие иноязычные единицы, содержащие в написании букву «е» после согласной и не имеющие вариантов написания, связанных с «е» и «э», определим, какой звук в языке-источнике стоит на месте буквы «е» в иноязычных единицах в русском языке.

Общее количество отобранных единиц – 38. Из 38 единиц, в написании которых присутствует буква «е», в 5 единицах буква «е» пишется на месте звука /i:/ в транскрипции слова в языке-источнике (AmE): *веган* – *vegan* /'vi:.gən/, *ремейк* – *remake* /,ri:'meik/, *ремикс* – *remix* /,ri:'miks/, *репост* – *repost* /,ri:'poust/, *ретвит* – *retweet* /,ri:'twi:t/.

В 4 единицах буква «е» пишется на месте звука /ɪ/ в транскрипции слова в языке-источнике (AmE): *девайс* – *device* /dɪ'vaɪs/, *мессенджер* – *messenger* /'mesɪndʒər/, *респект* – *respect* /rɪ'spekt/, *секьюрити* – *security* /sɪ'kjʊərɪti/.

20 единиц содержат в своём составе элемент «ер» в разных значениях (наименование лица, профессии, составная часть элементов *андер, интер*). Независимо от значения элемента *ер* – *er*, в транскрипции данных слов (AmE) обозначается звук /ə/, на месте которого в русском языке пишется буква «е»: анд**е**ркат – *undercut* /ˈʌndərˈkʌt/, бан**н**ер – *banner* /ˈbænər/, блог**е**р – *blogger* /ˈblɑːgər/ и так далее.

В 3 единицах пишется буква «е» на месте звука /ə/ (AmE) вне элемента *ер* – *er*: сик**в**ел – *sequel* /ˈsiːkwəl/, фит**н**ес – *fitness* /ˈfɪtnəs/, харасс**м**ент – *harassment* /həˈræsmənt/, /ˈhærəsmənt/.

Буква «е» пишется в сочетании «ей» в 3 единицах на месте дифтонга /eɪ/ в транскрипции (AmE): блокч**е**йн – *blockchain* /blɑːk//tʃeɪn/, г**е**ймер – *gamer* /ˈgeɪmər/, интерф**е**йс – *interface* /ˈɪntərfeɪs/.

Последняя группа единиц – слова, в которых буква «е» пишется на месте звука /e/ (AmE): веб**и**нар – *webinar* /ˈwebɪnɑːr/, ив**е**нт – *event* /ɪˈvent/, кв**е**ст – *quest* /kwɛst/, конт**е**нт – *content* /ˈkɑːntɛnt/, мессен**д**жер – *messenger* /ˈmesɪndʒər/, пентх**а**ус – *penthouse* /ˈpɛnthaʊs/.

Таким образом, не возникает трудностей в правописании слов, в которых на месте выбора между «э» и «е» в транскрипции стоят звуки /i:/, /ɪ/, /ə/, /eɪ/, /e/. В таких словах в соответствующей позиции всегда пишется «е».

Теперь рассмотрим новые и новейшие иноязычные единицы, имеющие в газетном корпусе НКРЯ варианты правописания с выбором между «э» и «е».

По результатам анализа новых и новейших иноязычных единиц, не имеющих вариантов правописания, на месте дифтонга /eɪ/ пишется только буква «е», а не буква «э». И действительно, написание данных единиц с буквой «е» зафиксировано в орфографических словарях: апгр**е**йд – *upgrade* /ˈʌpˈɡreɪd/, мей**н**стрим – *mainstream* /ˈmeɪnstriːm/, с**е**йл – *sale* /seɪl/, ф**е**йк – *fake* /feɪk/. В словоупотреблении данных единиц преимущественно фиксируются варианты написания с буквой «е»

По результатам анализа новых и новейших иноязычных единиц, не имеющих вариантов правописания, на месте звука /e/ пишется только буква «е», а не буква «э». Вариант правописания данных единиц с буквой «е» является верным: д**е**длайн – *deadline* /ˈdedlaɪn/, с**е**лфи – *selfie* /ˈselfi/, х**е**длайнер – *headliner* /ˈhedlaɪnər/. В словоупотреблении единиц этой группы преимущественно фиксируются варианты написания с буквой «е». В слове хедлай**н**ер не возникает трудностей при написании элемента «ер», поскольку в транскрипции данного слова в элементе *er* стоит звук /ə/.

Возникает трудность в работе с единицами, содержащими в транскрипции (AmE) на месте выбора между «э» и «е» звук /æ/: бр(э/е)нд – *brand* /brænd/, б(э/е)кграунд – *background*

/ˈbækgraʊnd/, х(э/е)шт(э/е)г – hashtag /ˈhæftæg/ и так далее. Определить верный вариант написания данных единиц, пользуясь результатами анализа, невозможно, поскольку звук /æ/ не входит в ряд звуков, на месте которых пишется только «е».

В словоупотреблении данных единиц преимущественно фиксируются варианты написания с буквой «е». Однако именно в этой группе появляются единицы, у которых неверные варианты написания употребляются чаще верных: геокешинг – geocaching /ˈdʒi:əkæʃɪŋ/, кешбэк – cashback /ˈkæʃbæk/.

Все эти единицы пишутся, согласно орфографическим словарям, с буквой «е», кроме:

1) слова рэпер, так как правописание данной единицы регулируется «Правилами русской орфографии» 2021. В слове не возникает трудностей при написании элемента *er*, поскольку в транскрипции в элементе *er* стоит звук /ə/;

2) слов бэкграунд, кешбэк, флешбэк, в которых элемент *бэк* (*back*) всегда пишется с буквой «э». Только в элементе *бэк* пишется буква «э», во всех остальных элементах (*кеш*, *хеш*, *трек* и так далее) пишется буква «е».

Другой проблемой, связанной с гласными в написании новых и новейших иноязычных единиц, является употребление буквы «е» в словах на *-шен*. Из 100 единиц такая проблема возникает в 3 словах: промоуш(е/-)н, ресепш(е/-)н, экш(е/-)н

Слово *ресепшен* чаще употребляется без буквы «е», когда как слова *промоушен* и *экшен* преимущественно пишутся с буквой «е». В транскрипциях слов на *-tion* отсутствует гласный звук между согласными /ʃn/. Именно поэтому у данных слов появляются варианты без буквы «е», опирающиеся на произношение единиц в языке-источнике. Тем не менее, орфографический словарь закрепляет правописание этих единиц с буквой «е». Таким образом, новые и новейшие иноязычные единицы на *-tion* (*-шен*) пишутся с буквой «е» между буквами «ш» и «н».

Заключение

Анализ отобранных иноязычных заимствований с точки зрения правописания гласных букв «э» или «е» позволил сделать следующие выводы:

1. В большинстве случаев в новых и новейших англоязычных единицах пишется буква «е», а не «э»: апгрейд, бренд, дедлайн.

2. Чтобы проверить правописание гласной, необходимо обратиться к транскрипции слова в языке-источнике. Если в позиции выбора между «э» и «е» указаны звуки /i:/, /ɪ/, /ə/, /eɪ/, /e/, то выбор следует сделать в пользу «е».

Например:

ремейк /ˈri:meɪk/, мессенджер /ˈmesɪndʒər/, сиквел /ˈsi:kwəl/, сейл /seɪl/, дедлайн /ˈdedlaɪn/.

3. В новых и новейших англоязычных единицах, в транскрипции которых на месте выбора между «э» и «е» стоит звук /æ/, следует написать букву «е», если:

а) это не слово, написание которого регулируется современным сводом «Правил русской орфографии»:

Например: рэпер /'гæрəг/.

б) позиция выбора находится не в элементе бэк, который всегда пишется с буквой «э»:

Например: кешбэк /'kæʃbæk/, флешбэк /'flæʃbæk/.

4. При написании слов на -шен (-tion) букву «е» опускать не нужно:

Например: промоушен, ресепшен, экшен.

Литература

Лопатин В.В. Правописание и вариативность // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / под ред. В.В. Лопатина. М., 2009.

Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. <https://orfo.ruslang.ru/>

Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru/new/>

Нечаева И.В. *Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований*. М., Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.

Нечаева И.В. Об основаниях орфографической нормы (на материале иноязычных неологизмов). Доклад. I Международная научная конференция «Культура русской речи», Москва, 2007 год.

Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с. (Фундаментальные словари русского языка).

Vladova N.I.

LEXICAL BORROWINGS VARIANTS OF SPELLING VOWEL LETTERS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with the problem of choosing between the Russian letters "э" and "е" in the spelling of new and the newest lexical applications in modern Russian. Lexical borrowings variants of spelling vowel letters in the modern Russian language is describes.

National Corps, spelling variants, lexical borrowings, word usage, media texts

Кривошапова Н.В., Гулевич Д.А.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗЯДОВ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья посвящена исследованию семантических особенностей разрядов имен прилагательных с опорой на традиционные работы и точки зрения. Авторы предлагают уточнить понимание семантики разрядов качественных и относительных прилагательных. Притяжательные прилагательные авторы считают самостоятельным разрядом, чуть реже представленном в художественном тексте. В статье приведены примеры изменения семантики прилагательных в зависимости от первичного значения и контекста употребления.

Имя прилагательное, семантические особенности, значение имен прилагательных, качественные прилагательные, относительные прилагательные, притяжательные прилагательные

Введение

Теоретическую базу исследования составили труды по теме Е.М. Вольфа, изучавшего функциональную семантику оценки, Е.А. Макаровой, рассматривавшей семантику качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении, М.В. Никитина, изучавшего основания семантической классификации прилагательных, М.В. Шумиловой, занимавшейся вопросами определения лексико-грамматических разрядов имён прилагательных.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что нам удалось выйти за рамки традиционного понимания разрядом прилагательных и с помощью уточняющих примеров показать, как представлена грамматическая омонимия разрядов.

Нами применялись методы анализа научно-методической литературы, сравнение, обобщение, а также подбор соответствующих примеров из художественных текстов.

Цель данного исследования заключается в изучении и классификации разрядов имен прилагательных по семантическим особенностям.

Разряды имен прилагательных

Имена прилагательные разных лексико-грамматических разрядов различаются по лексическим и грамматическим показателям, именно этот принцип и дает основание для их классификации. При этом отметим, что сопоставление разрядов

наиболее целесообразно осуществлять по семантическим критериям.

По семантическому признаку все прилагательные можно разделить на три разряда: качественные, относительные и притяжательные. Качественные прилагательные обозначают самостоятельный признак, заключенный в самом себе (*красный, веселый, хитрый*). Относительные прилагательные характеризуют предмет через соотношенность его с другими предметами или явлениями (*кирпичный, деревянный, утренний*). Притяжательные имена прилагательные обозначают признак по принадлежности к определенному одушевленному предмету [Шумилова, 2020; 210].

В том, какой именно признак означает и посредством чего он выражен, заключается основное различие между разрядами.

Так, качественные имена прилагательные обозначают признак, воспринимаемый непосредственно, данные прилагательные характеризуют прямое наименование признака.

Л.Л. Буланин предлагает качественные имена прилагательные различать по двум группам. К первой группе относятся слова, которые обозначают переменный признак предмета, при этом данный признак выступает в качестве оценки, даваемой говорящим. Соответственно, их можно назвать качественно-оценочными. Для имен прилагательных данной группы характерно наличие антонимов и степеней сравнения. Ко второй группе Л.Л. Буланин относит прилагательные, называющие признак как абсолютный, не зависящий от его оценки говорящим: *жёлтый, немой, слепой, босой, пустой, больной, полосатый* и др. Имена прилагательные данной группы называют качественными прилагательными в узком смысле слова или собственно качественными [Буланин, 1976; 72].

Относительные имена прилагательные обозначают признак опосредованно, через его связь с другим предметом, действием, явлением. Для относительных прилагательных характерно обозначение отнесенности к материалу (*бумажный, деревянный*), к действию (*нагревательный, накаливающая*), ко времени и месту (*завтрашний, местный*).

Обозначение признака через другой предмет также свойственно именам прилагательным притяжательным, однако, их значение можно сформулировать более четко. Притяжательные имена прилагательные подразделяют на две семантико-словообразовательные разновидности: притяжательно-относительные (широкое понимание) и собственно притяжательные (узкое).

В широком понимании к притяжательным относят прилагательные «обозначающие принадлежность какому-либо лицу (или лицам) или животному (животным)» [Буланин, 1976; 77].

В узком смысле к притяжательным именам прилагательным относят те, которые обозначают индивидуальную принадлежность какому-либо лицу [Шумилова, 2020; 209].

Основные семантические группы качественных имен прилагательных

Г.В. Смирнова и У.А. Матюшенко, изучая имена прилагательные, обозначающие цвет, подразделили их на следующие группы [Смирнова, 2017; 1792]:

- цветообозначения, называющие масть животных (*каурый, буланый, гнедой, пегий, соловый*);
- прилагательные, называющие цвет глаз человека (*карий, голубой, черный, серый, зеленый*);
- прилагательные, называющие цвет волос человека (*русый, рыжий, седой, блондинистый*);
- прилагательные, называющие цвет кожи человек, (*смуглый, румяный, загорелый*);
- прилагательные, называющие цвет природных объектов, таких как травы, листва, хвоя: *блеклый, желтый, лазоревый, пожелтелый, пестрый*.

Стоит отметить, что часть цветообозначений появилась за счет перехода относительных прилагательных в качественные, например: *кофейный, фисташковый, бутылочный, янтарный, сиреневый, оливковый*. Заметно увеличилось количество имен прилагательных с семантикой цвета за счет включения в словообразовательный процесс субъективно-оценочных суффиксов (-оват-, -ист-, -л-, -еньк-): *землистый, красноватый, беленький, поседелый*.

Следующая семантическая группа качественных прилагательных – это прилагательные, обозначающие черты характера человека – это *морально-этические прилагательные или прилагательные нравственной оценки* [Смирнова, 2017; 1793].

Данным качественным именам прилагательным свойственно соотносительное противопоставление: *трусливый – храбрый, робкий – смелый* и т. д. По сути, они называют одно и то же качество, но в разной степени его проявления. Данные прилагательные, как правило, многозначны, к каждому значению такого прилагательного можно подобрать антоним. *Смелый там найдет, где робкий потеряет* (поговорка). От них возможны производные с размерно-оценочным или экспрессивно-эмоциональным значением (*грубый – грубейший – грубоватый*).

Качественные имена прилагательные из семантического подраздела с морально-этическим характером наиболее часто встречаются в художественной литературе, фольклоре. Г.В. Смирнова и У.А. Матюшенко, выделяют три основных группы данных прилагательных [Смирнова, 2017; 1794]:

- прилагательные, характеризующие эмоции человека;
- прилагательные, называющие черты характера;

– прилагательные, характеризующие особенности поведения.

Качественные имена прилагательные, обозначающие *качества внешности человека*: возраст человека; детализация внешнего облика; сравнение с эталонным описанием; отношение к человеку. При этом на первый план выходит оценочность в составлении портрета человека. Важно подчеркнуть, что в русском языке имен прилагательных с негативной оценкой гораздо больше, чем имен с положительной характеристикой внешности: *неуклюжий, губастый, – миловидный, статный*.

В кругу прилагательных, называющих физические достоинства и недостатки, можно выделить несколько подгрупп по семантике [Смирнова, 2017; 1794]:

– прилагательные, обозначающие возраст человека (*молодой, пожилой*);

прилагательные, описывающие особенности волос (*кучерявый, белокурый, лохматый*);

– прилагательные, характеризующие физические достоинства (*миловидный, статный*);

– прилагательные, обозначающие физические недостатки человека (*кривоглазый, хромой, сутулый*).

Большую семантическую группу составляют также прилагательные, обозначающие *вкусовые значения и ощущения*:

– прилагательные, характеризующие температуру блюда, либо продукта (*теплый, холодный*);

– прилагательные, обозначающие запах (*пряный, прогорклый*);

– прилагательные со значением вкуса (*сладкий, острый*);

– прилагательные, характеризующие структуру продукта (*сухой, твердый, рассыпчатый, жирный*).

Рассмотренные имена прилагательные, в большинстве, являются многозначными.

Интересным представляется развитие семантики некоторых прилагательных данной группы. Многие из них входят в состав фразеологизмов: *теплое местечко, горький пьяница*. В своих «вкусовых» значениях прилагательные этой семантической группы употребляются в кулинарных книгах: «*Тартинки также можно намазать форшмаком из селедки, холодным паштетом или ливерной колбасой*». А в переносном значении данные прилагательные активно используются в художественной литературе: «*Порыв ветра хлестанул мне в лицо сыпучим, перекаленным снегом...*» (Астафьев В.П. «Где-то гремит война»).

Соответственно, функциональная предназначенность качественных прилагательных состоит в передаче в актах коммуникации рациональных и эмпирических признаков предмета, способных реализоваться с разной степенью интенсивности.

Семантика относительных имен прилагательных

В сфере отражения признаковой семантики относительные прилагательные выражают признаки не прямо, а через отношение к предмету или к другому признаку. М.В. Никитин отмечает, что относительные прилагательные обозначают не признаки, а вещи: *зубной врач, материнское поле*, соответственно, они характеризуют не признак, а признаковую функцию слова [Никитин, 1998; 71].

Прототипическое значение относительных имен прилагательных в большей степени является «отраженным» и мотивируется той концептуальной структурой, которая стоит за относительным прилагательным как производным словом: *национальный проект, сердечные капли*.

В противопоставление качественным прилагательным, которые по своей коммуникативной нагрузке выступают типичными предикатами, относительные прилагательные по-иному представляют признак: в атрибутивной позиции признак выступает как присущий субстанции. В предикативной позиции относительные имена прилагательные мыслятся как признак, сообщаемый предмету, поскольку при коммуникативном подходе к значению слова функции именованя, референции, идентификации противопоставляются функциям сообщения [Макарова, 2011; 188].

Относительные имена прилагательные, выполняя атрибутивную функцию, отражают признак, не актуализирующийся в момент речи, а составляющий одну из внутренних характеристик предмета. Соответственно, как правило, относительные прилагательные служат основой для идентификации предмета: *писчая бумага, календарный год, летний семестр, цирковые артисты, воздушная трасса, зимняя одежда, кофейные деревья, мелкая монета*.

Благодаря тому, что относительные имена прилагательные обладают языковой способностью передавать устойчивые, постоянные признаки предметов, их используют в литературе с целью текстовой спецификации художественно отраженных реалий. Что, в свою очередь, позволяет повествованию придавать характер объективной характеристики: *Трамваи выходили из парка с одним, а то и двумя прицепными вагонами – безнадёжная попытка удовлетворить транспортные нужды великого города.* (Рыбаков А. «Дети Арбата»).

В том случае, если в тексте относительные имена прилагательные подвергаются качественному переосмыслению, ими может быть выражена семантика признака процессуальности.

Например, в переносном употреблении относительное прилагательное *кирпичный* получает качественное значение «*коричнево-красный, цвета кирпича*», и может отражать семантику становления признака: *По краю помоста важно прошаживался*

человек средних лет, плотного телосложения, с лицом кирпичного цвета (Немировский А. «Карфаген должен быть разрушен»).

Важно подчеркнуть, что между качественными и относительными именами прилагательными семантическая граница очень подвижна и условна. Это обусловлено тем, что и те, и другие обладают спецификой приобретать значения друг друга: качественные прилагательные развивают относительные значения: *высокая мода, большой палец*). А относительные прилагательные приобретают качественные значения: *медвежья услуга, стальные нервы, деревянная походка*.

Данная близость по значению имен прилагательных качественных и относительных обуславливается тем фактором, что за ними стоит единый, принципиально не лимитируемый концепт «качество». В семантике разных лексико-грамматических разрядов имен прилагательных находят отражение различные концептуальные признаки.

Заключение

Проанализировав семантические особенности разрядов имен прилагательных, мы определили, что в текстах художественных произведений они выступают как универсальные (атрибутивные и предикативные) функционально-семантические словесные знаки.

Имена прилагательные качественные наряду с тем, что обозначают признак предмета, могут также и «приписывать» признак предмета тому или иному субъекту. Соответственно, данная характеристика позволяет считать качественные имена прилагательные классическими предикатами, а их функционально-семантические свойства рассматривать в аспекте коммуникативных и когнитивных характеристик. Для семантики качественных прилагательных приобретает «человеческий фактор», позволяющий давать характеристику предметам по «мерке человека».

Относительные имена прилагательные, в основном, выполняют атрибутивную функцию, отражают признак, составляющий одну из внутренних характеристик предмета. Относительные прилагательные служат основой для идентификации предмета. Многие относительные прилагательные в переносном значении получают качественное значение и могут отражать семантику становления признака.

Литература

Буланин Л.Л. *Трудные вопросы морфологии*. М.: Просвещение, 1976. 208 с.

Вольф Е.М. *Функциональная семантика оценки*. М.: Наука, 1985. 228 с.

Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник

Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. №2. С. 184-190.

Никитин М.В. Об основаниях семантической классификации прилагательных: что надо относить к относительным прилагательным? // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. *Studia Linguistica* 6. СПб., 1998. С. 65- 79.

Смирнова Г.В., Матюшенко У.А., Селивёрстова М.А., Османова Ф.К. Семантические особенности качественных прилагательных // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1791-1795.

Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Поли-техн. ун-та, 2008. 241 с.

Шумилова М.В. Некоторые вопросы определения лексико-грамматических разрядов имён прилагательных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-1(51). С. 208-211.

Krivoshapova N.V., Gulevich D.A.

SEMANTIC FEATURES OF THE ADJECTIVES CATEGORIES

The article is devoted to the abstract study of the semantic features of the categories of adjectives, relying on traditional works and points of view, and offering a new understanding of the semantics of the categories of qualitative and relative adjectives.

We consider possessive adjectives to be an independent category, slightly less often represented in a literary text. The article provides examples of changes in the semantics of adjectives depending on the primary meaning and context of use.

Adjectives, semantic features, the meaning of adjectives, qualitative adjectives, relative adjectives, possessive adjectives

КАЛАМБУР КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье рассматриваются особенности перевода каламбуров с целью сохранения мысли исходного материала. В рамках исследования игра слов рассматривается как актуальная для переводчиков тема. Рассмотрены стратегии перевода межъязыковой игры слов в случае художественного перевода. Работе переводчика в этом направлении может помочь знание наиболее вероятных видов передачи данного каламбура.

Игра слов, каламбур, перефразирование, межъязыковая функция, омонимы, дословный перевод

Введение

Проблема перевода всегда была и по сей день является одной из самых противоречивых. За многие годы взгляд на потенциальную возможность перевода менялся. Сначала как теоретики, так и практикующие переводчики придерживались концепции непереводимости, заключающейся в том, что качественно передать текст с одного языка на другой представляется невозможным. Со временем появился новый взгляд – концепция полной перевода, провозглашающая любой перевод возможным, несмотря на трудности и потери, которые могут возникнуть.

В настоящей статье рассматриваются вопросы перевода игры слов с одного языка на другой с наименьшими потерями. Игра слов как переводческая проблема волновала Виноградова В.С., Галь Н.И., Демурову Н.М., Щербину А.А. Галь Н.И. считает, что «непереводимая игра слов» - это «расписка переводчика в собственном бессилии» [Велединская, 2010].

Целью исследования выступает возможность перевода информации с наименьшими потерями. В процессе исследования были использованы такие методы как анализ, классификация и описание.

Актуальность работы заключена в том, что наука о переводе постоянно развивается и совершенствуется. В связи с этим требования к качеству перевода со стороны специалистов и читателей возрастают. Функционально-правильный перевод каламбура – один из показателей адекватности перевода произведения в целом.

Понятие каламбура и его основные признаки

Каламбур (фр. calembour) – игра слов, основанная на нарочитой или невольной двусмысленности, порожденной омонимией или сходством звучания и вызывающая комический эффект [Федоров, 1983; 271].

В энциклопедическом словаре-справочнике под редакцией Иванова Ю.А. говорится, что каламбуры употребляются как стилистические приемы в определенном тексте, или же, как самостоятельные высказывания в шутках, пословицах и афоризмах [Иванов, 2003].

Несомненно, каламбур носит стилистическую направленность и порождает у читателя комический эффект. Важно отметить, что каламбурам присуща межъязыковая специфика, ведь для понимания смысла, человек должен обладать конкретными знаниями языка, необходимыми для «расшифровки» лингвистических фокусов. Разные грамматические, лексические и фонетические формы, используемые в каламбурах, активируются в сознании реципиента, акцентируя его внимание на сам язык.

Велединская С.Б. приводит следующую классификацию каламбура по функционированию в тексте:

1. Каламбур может быть оборотом речи, т.е. элементом данного текста, как оказалось, это не так. Здесь он является частью целого, тесно связывается с контекстом и зависит от него;
2. Каламбур может быть самостоятельным произведением, миниатюрой, родственной эпиграмме;
3. Каламбур зачастую используется в заголовках юмористических рассказов, газетных заметок и фельетонов. [Велединская, 2010; 167].

С помощью игры слов, выполняющей референциальную функцию, читатель может обратиться как к разным аспектам действительности, так и к различным типам реально-реальных ситуаций. По сути, это операция, которая проводится читателем, заключается в том, чтобы подвести ситуацию, представленную в тексте, под более общую категорию таких ситуаций, которые имеют место быть в реальности [Федоров, 1983].

Механизмы перевода каламбуров в лингвистическом пространстве.

Во время перевода текста возникает необходимость внедрения содержания в новую языковую форму. При переводе каламбура изначальная форма подлинника (графическая и/или фонетическая) также подлежит перефразированию. Нередко возникают ситуации замены содержания на новое, так как план выражения может оказаться важнее плана содержания. Довольно редко удается достигнуть правильного перевода без смены формы, ведь для этого должна быть полная равнозначность с минимальным охватом в два значения между

фразеологизмами исходного языка и соотносительными единицами языка перевода.

Для выражения межъязыковой игры слов при художественном переводе выделяются следующие стратегии:

1) не передавать межъязыковую игру слов и не компенсировать её ни в данной, ни в другой дроби текста;

2) эксплицировать межъязыковую игру слов в сносках и примечаниях;

3) буквально переводить межъязыковую игру слов при отсутствии какой-либо технической возможности для этого, из-за чего вторичному переводному тексту перевода присуще определённая «странность» и/или неясность, несвойственные оригиналу;

4) образовать компенсационную межъязыковую игру слов, что позволит воплотить несколько иное содержание и смысл, чем в оригинале;

5) образовать компенсационную межъязыковую игру слов, но побочным эффектом могут стать нарушенные связи с контекстом [Самарин, 2016].

С точки зрения фонетики существуют 4 типа игры слов: 1. паронимы; 2. омографы; 3. омофоны; 4. омонимы [Латышев, 1981].

Лесин В.М., Пулинец О.С. и С. Барнет сводят создание каламбура только к использованию омонимии. Розенталь Д.Э. и Теленкова М.А. не допускают омонимию из средств создания каламбура, ограничивая их многозначностью и звуковым сходством [Розенталь, Теленкова: 2003].

Если же образ, содержащийся в устойчивом словосочетании, не безразличен для понимания текста и замена его другим словом не даёт должного эффекта, то стоит прибегнуть к помощи словаря.

Примеры перевода каламбуров и их анализ

Возьмем для примера следующий текст: «He ate the starfish and the garfish, and the crab and the dab, and the plaice and the dace, and the skate and his mate, and the mackereel and the pickereel, and the really truly twirly-whirly eel». В переводе рифмованный позиционно-синтаксический параллелизм с экспрессивным союзом «and» сохраняется: «Он ел и лещей, и ершей, и белуг, и севрюгу, и селедку, и селедкину тетку, и плотвичку, и ее сестричку, и шустрого, быстрого вьюна-вертуна угря». Еще одним примером может послужить «...hopped like a cricket; like a pea in a saucepan; or a new rubber ball on a nursery floor», который переводится на русский язык так: «...скакал он как кузнечик, как горошинка в кастрюле или новый резиновый мяч по полу детской» [Павлова, 2017].

Анализ игры слов, например «должен буду вылететь в трубу вверх ногами» и их переводов на английский «to make a graceful

exit from this life feet first», «to fly up the chimney with my feet in the air» и немецкий языки «mit den Füßen nach oben durch den Schornstein werde fliegen müssen», «mit Pauken und Trompeten bankrott gehe» показывает, что варианты перевода могут быть в большей или в меньшей степени удачными. Так, английская интерпретация является наименее удачной из всех, так как в ней потеряна динамическая импульсивность и нервная взвинченность речи говорящего, в то время как немецкий вариант сохраняет образную основу выражения и одновременно достигает до некоторой степени комического эффекта, но утрачивают компонент смысла «разориться» [Павлова, 2017].

Рассмотрим еще один каламбур.

«An adept of armoured warfare was demanding from the Ufl Congress still larger expenditures on the development of Armour. «Armor is everything», he urged. One Congressman remarked; «Do you know, general, that in the prehistoric period dinosaurs died out just because they had a very strong armour but a very small head?» [Крупнов, 2005].

«Адепт бронетанковой войны требовал от Конгресса Ufl еще больших расходов на разработку Брони. «Броня - это все», - убеждал он. Один конгрессмен заметил: «Знаете ли вы, генерал, что в доисторический период динозавры вымерли только потому, что у них была очень прочная броня, но очень маленькая голова?»

В каламбуре, который представляет собой спор конгрессмена с генералом бронетанковых сил, содержится конкретный предметно-логический материал, но при этом он имеет более широкий смысл: в современном мире человеку необходимо полагаться не на силу оружия, а только на разум, иначе ему грозит гибель.

Заключение

Итак, было рассмотрено понятие каламбура, а также его основные признаки, характеристики и особенности перевода.

Трудности перевода каламбура тесно связаны с менталитетом и культурой страны языка. Наиболее тяжелым является нахождение эквивалента каламбура в переводческом языке, так как утрата экспрессивности или вообще неправильный выбор могут привести к потере смысла шутки. Важным качеством для любого переводчика является не только знание языка, но и также умение им пользоваться, а каламбур, как языковое явление, всегда требует неординарный творческий подход от переводчика.

Литература

Велединская С.Б. Учебное пособие // Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). - Томск: Изд-во ТПУ, 2010. 230 с.

Крупнов В.П. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 2005. 279 с.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

Латышев А.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. - М.: Международные отношения, 1981 248 с.

Моисеев М.Д. Английская лексика. Правильный выбор слова. М.: Аквариум, 2001. 126 с.

Павлова М.К., Самарин А.В. Проблемы перевода художественных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2017. - № 4-7. - С. 38-40.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 832 с.

Самарин А.В., Калинина К., Нестерова Н.А. «Игра переводчиков при переводе романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и тайная комната» // В сборнике: Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. С. 208-217.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учебное пособие. М.: Высшая школа. 1983. 303 с.

Ermakova A.A.

PUN IS ONE OF THE TRANSLATOR'S PROBLEMS

The article discusses the features of the translation of puns to preserve the thought of the source material. Within the framework of the study, wordplay is considered an actual topic for translators. The problem of translation has always been and to this day is one of the most controversial.

The article discusses the strategies of translation of interlanguage wordplay in the case of literary translation. The translator's work in this direction can be helped by knowing the most likely types of transmission of this pun.

Wordplay, pun, paraphrasing, interlanguage function, homonyms, literal translation

Кучерявенко Е.А.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА

Настоящий материал реферативного характера посвящен описанию содержательной составляющей ряда источников по проблематике изучения лексики эпохи коронавируса. Представленный в статье анализ лингвистических научных источников позволяет приблизиться к пониманию процессов, происходящих в лексической системе русского языка под влиянием внешних факторов и причин.

Коронавирус, пандемия, ковид, неологизмы, окказиональные слова

Введение

Сегодня изучение новой лексики коронавирусной эпохи – область актуальная и в высшей степени привлекательная для лингвистов.

Языковая ситуация, вызванная пандемией, – редкий случай в истории русского языка, когда за очень короткий период появившееся огромное количество новых слов и изменившееся употребление слов, уже имеющихся в языке, активизировавшиеся словообразовательные модели, те или иные активные формулы языковой игры позволяют запечатлеть момент языкового развития в его очень концентрированной форме. Неологизмы появляются в речи благодаря изменениям, происходящим в современном обществе под влиянием пандемии.

Поиск научной, научно-методической литературы по интересующей нас проблематике привел к выводу, что сегодня есть множество статей, монографий, словарей, отражающих процессы языковых изменений, происходящих в обществе коронавирусной эпохи. Среди них лексикографический источник – «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», посвященный исследованию и описанию неологических языковых единиц, возникших и функционирующих в русском языке в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Также представлена коллективная монография российских и зарубежных исследователей в соавторстве под названием «Русский язык коронавирусной эпохи», в которой анализируется неологическая лексика и отражаются различные аспекты исследования коронавирусной неологии. Описаны основные положения некоторых научных статей российских исследователей, отражающих различные стороны неологической лексики

указанного периода: их семантические, лексические, словообразовательные особенности; окказиональные образования, созданные на основе языковой игры, интернет-мемы «ковидного» контента и др. Эти работы отличаются новизной как в плане опубликования (2020, 2021 годы), так и в плане постановки вопросов с позиций современной лингвистической науки.

Обращение к ресурсам сети интернет позволило представить несколько источников (словари и научные статьи), некоторые положения которых могут быть использованы для исследования неологической лексики и фразеологии коронавирусной эпохи в различных аспектах.

Отобранные нами источники отражают несомненный интерес не только профессиональных исследователей, но и обычных носителей русского языка к новым лексическим единицам, которые называют явления, не существовавшие в нашей жизни и в языке до коронавирусной эпохи.

Обзор источников по проблематике изучения лексики эпохи коронавируса

В 2021 году появилась **коллективная монография** российских и зарубежных исследователей под названием «**Русский язык коронавирусной эпохи**». Она представляет собой собрание научных очерков, в которых системно и в разных аспектах анализируется неологическая лексика. Авторы очерков исследуют явления языковой игры, словотворчество носителей русского языка, зафиксированные в СМИ и в интернете.

В этой монографии шесть глав, которые отражают различные векторы исследования коронавирусной неологии. Как видим, научный интерес представляют ключевые слова коронавирусной эпохи как символы новой реальности; языковая картина мира в пандемийном дискурсе; языковая игра и креативное словотворчество в создании неологических единиц коронавирусной эпохи и др. Особое внимание уделяется так называемому «ковидному» фольклору, который отражает развитие существующих прецедентных номинаций.

Данная коллективная монография стала одной из частей вышедшего также в 2021 году фундаментального «**Словаря русского языка коронавирусной эпохи**» [Словарь, 2021]. Собственно, этот словарь и коллективная монография являются двумя частями одного издания, посвященного исследованию и описанию динамических процессов в русском языке, происходящих в период пандемии коронавирусной инфекции COVID - 19.

Этот словарь вышел в Институте лингвистических исследований Российской Академии наук. Один из членов этой группы, она же и ответственный редактор этого издания, – заведующий отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора Института лингвистических исследований

М.Н. Приёмьшева. Составители этого словаря – восемь сотрудников института, а также немецкий лингвист Х. Вальтер и профессор Санкт-Петербургского университета В. М. Мокиенко.

В Словаре представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг. Для 1000 наиболее актуальных и значимых для текущей языковой ситуации слов дано лексикографическое описание, около 2500 слов приводятся без словарной обработки. Среди них есть слова окказиональные, то есть придуманные какими-то конкретными людьми и употребленные один раз или несколько раз (например, *голомордый*, *зуминар*, *обеззуметь*, *барановирус*). Есть лексика, которая демонстрирует словотворческие возможности говорящих на русском языке (например, *"путикулы"* – слово, обозначающие тот краткосрочный период времени, когда российские граждане были отправлены на карантин. В наименовании этого периода была использована языковая трансформация фамилии российского президента и слова "каникулы").

В словаре представлено описание разнообразной пандемийной лексики, создание которой основано на языковой игре, на различных словотворческих возможностях носителей русского языка, использующих разнообразные словообразовательные модели. Составители словаря называют коронавирусную эпоху *языковым карнавалом*, *лингвистическим пиром во время «чумы XXI века»*.

Слова появлялись с невероятной скоростью, причем часто синхронно в разных языках мира. Авторы постарались не только зафиксировать быстро развивающуюся неологическую составляющую языка, но и описать лексику пандемийной эпохи, дать языковым фактам лингвистическую, научную оценку, осмыслить языковые процессы, систематизировать и обобщить их. В словаре представлена целостная лексико-семантическая система, включающая слова различных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), образованные по традиционным узуальным моделям, а также слова разнообразной стилистической окраски.

Отдельной частью, а именно в Приложении к анализируемому словарю, вошел **«Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок»**. Его составителями являются Х. Вальтер и В.М. Мокиенко. Эти ученые собрали и систематизировали **антипословицы**, то есть трансформированные поговорки или крылатые выражения, в которых обыгрывается тема ковида или изоляции, карантина, удаленного обучения или профессиональной деятельности на дистанте.

Например:

Одна голова хорошо, а две – не менее полутора метров друг от друга; Дружба дружбой, а полтора метра врозь;

По маске встречают, по температуре провожают;

*Один в поле не болен;
Не имей сто рублей, а имей антисептик.*

Целью создания Словаря стало:

1) отражение «ковидного» фрагмента языковой картины мира, 2) представление направлений пополнения словарного состава русского языка в период пандемии (на материале СМИ и интернета), 3) фиксация новых слов, 4) наиболее частотных моделей словообразования, 5) выявление сфер-источников пополнения словарного состава, 6) толкование и объяснение новых слов, которые представляют интерес в рамках сегодняшнего дня, а впоследствии могут стать узуальными и войти в литературный язык.

Данное фундаментальное издание является полноценным материалом для различного рода теоретических обобщений и наблюдений, а также для создания практикоориентированных лексикографических источников.

Далее кратко представим некоторые положения значимых научных статей, посвященных описанию особенностей неологической лексики пандемийного периода.

В статье «Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект» [Радбиль, Рацибурская, Палоши, 2021], написанной в соавторстве российскими и венгерскими лингвистами, исследуются семантические, лексические и словообразовательные особенности языковых единиц, которые фиксируются в речевой практике носителей русского языка новейшего периода, связанного с пандемией COVID-19.

Авторы предлагают лингвокогнитивную интерпретацию активных процессов в русской лексике и русском словообразовании эпохи коронавируса как форматов знания об изменившейся действительности и связанных с этими изменениями новых условий коммуникации.

Материалом исследования послужили тексты русскоязычного сегмента интернет-коммуникации, современных российских средств массовой информации и Национального корпуса русского языка. Авторы детально описывают три группы новых явлений в лексике русского языка, это: лексико-семантические, собственно лексические и лексико-словообразовательные инновации. Исследователи делают вывод о том, что активные процессы семантического типа находят свое выражение в явлениях «новой полисемии» и «новой омонимии». Авторы статьи приходят к заключению, что новые слова и выражения не только фиксируют появление новых реалий жизни при коронавирусе, но и способствуют осмыслению изменившейся социальной реальности.

Статья А.В. Савченко и тайваньского лингвиста Лай Янь-Цзюня «Коронавирусные неологизмы: от лексики и фразеологии

к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков)» [Савченко, 2020] посвящена анализу наиболее заметных и значительных проявлений изменений в лексике и фразеологии русского и китайского языков как на терминологическом уровне и в языке официального общения, так и в разговорной речи.

Особый интерес представляет анализ и описание коронавирусной лексики в русском языке в части исследования интернет-мемов как особого жанра визуально-вербального творчества. Как считают авторы этой работы, изучение и анализ происходящих в языке процессов на уровне синхронии способны дать и актуальную картину современной языковой ситуации, и представить языковой (в том числе и речевой) портрет языковой личности.

В статье «Ковидиоты на карантинкулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик» [Северская, 2020] российский исследователь из Института русского языка им. В.В. Виноградова О.И. Северская делает попытку рассмотреть так называемый «коронавирусный словарь» в контексте актуальных дискурсивных практик, т.е. в разных сферах общения людей, и определить случаи сопряжения разных типов дискурсов и практик говорения, которые определяют создание неологизмов. Исследователь пишет о том, что неологизмы, функционируя в определенной речевой дискурсивной практике, могут взаимопроникать в разные речевые дискурсы. Так, автор доказывает это, рассматривая медицинский, экономический, политический и обиходно-разговорный дискурсы. Ученый делает вывод, что эта контаминация неологизмов в разнообразных дискурсивных практиках возникает в результате превращения языкового «портрета» коронавирусной пандемии в тематическую дискурсивную доминанту.

Заключение

Как видим, сегодня появляется все больше и больше научных лингвистических работ, анализирующих и описывающих особенности неологии русского языка, а именно его лексического состава, обновляющегося под влиянием социально-политических процессов, вызванных ситуацией пандемии. коронавируса под названием COVID-19.

Представленный нами обзор, безусловно, не исчерпывает всего комплекса источников по исследуемой нами проблематике, однако может быть рассмотрен как своеобразный «трамплин» к дальнейшим научным поискам.

Литература

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект / Т.Б. Радбиль, Л.В.

Ращибуруская, И.В. Палоши // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 63–79. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

Савченко А.В., Лай Янь-Цзюнь. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 865 – 886. DOI: 10.241447/2413-6182.2020.7(4).865–886.

Северская О.И. Ковидиоты на карантинкулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 887 – 906. DOI: 10.241447/2413-6182.2020.7(4).887–906.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева, Ю.С. Ридецкая / Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.

Kucheryavenko E.A.

SOURCE STUDIES ON THE PROBLEMS OF STUDYING THE CORONAVIRUS ERA VOCABULARY

The article is devoted to the description of the content component of several sources on the problems of studying the vocabulary of the coronavirus era. These works are distinguished by their novelty both in terms of publication (2020, 2021) and in terms of posing questions from the standpoint of modern linguistic science.

The analysis of linguistic scientific sources presented in the article allows us to get closer to understanding the processes occurring in the lexical system of the Russian language under the influence of external factors and causes.

Coronavirus, pandemic, covid, neologisms, occasional words

Лека Е.И.

РОМАНС КАК МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье предпринята попытка осмыслить романс как целостный феномен отечественной художественной культуры, выполняющий важные функции ретрансляции и преумножения общечеловеческих и национальных культурных традиций и духовно-нравственных ценностей.

Романс, жанр, народная песня, мелодический стих, стихотворная форма

Введение

Русский романс – один из наиболее демократичных и «эмоционально открытых» жанров музыкального искусства, уникальное социальное и художественное явление, отражающее историю общекультурного развития России. Являясь своеобразным «маркером эпохи», романс воплощает личные переживания, надежды, устремления его создателей, исполнителей и слушателей. Благодаря своей лирической природе, камерности, интимности высказывания, романс органично сочетает в себе соотношение внутреннего и внешнего, духовного и физического, эмоционального и рационального, личного и социального. Уникальность романса связана с его принадлежностью сразу к нескольким культурным областям. Зародившись в конце XVIII века в народной художественной культуре, в XIX столетии этот жанр получил развитие в профессиональном академическом музыкальном искусстве, а в XX веке некоторые его разновидности проникли в массовую музыку.

В современной ситуации, когда векторы культурного развития нередко определяются глобализационными процессами, рыночной экономикой и коммерциализацией, романс, к сожалению, повторяет участь других жанров профессионального музыкального искусства, отступивших «в тень» перед нашествием современной массовой культуры. *Целью данной статьи является осмысление романса как целостного феномена отечественной художественной культуры, выполняющего важные функции ретрансляции и преумножения общечеловеческих и национальных культурных традиций и духовно-нравственных ценностей.*

Романс как наиболее мобильный, демократический жанр художественной культуры

Романс (от испанского «romance») – камерно-вокальное произведение для голоса с инструментальным сопровождением.

Термин «романс» возник в Испании в XV-XVI веках и первоначально обозначал светскую песню на испанском («романском») языке. Распространившись в других европейских странах, он стал обозначать особый музыкально-поэтический жанр: с одной стороны особо напевное лирическое стихотворение, предназначенное для музыки, а с другой стороны – жанр вокальной музыки. Эта форма включила в себя песни любовно-лирического или элегического характера, в основе которых лежала не церковная, а «мирская», бытовая тематика. Начиная с XVIII века во Франции, затем в Германии, России и других европейских странах словом «романс» стали называть небольшое поэтическое и музыкальное сочинение лирического (пасторального, комического, сентиментального) характера – как правило, для солиста и аккомпанирующего инструмента (ансамбля, оркестра). В XIX веке сложились яркие национальные школы романса: немецкая и австрийская (Ф. Шуберт, Р. Шуман, И. Брамс, Г. Вольф), французская (Г. Берлиоз, Ж. Бизе, Ж. Массне, Ш. Гуно), и русская (А.А. Алябьев, А.Л. Гурилев, А.Е. Варламов, М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский и др).

В Россию романс проник во второй половине XVIII века под влиянием западноевропейской культуры. Это название первоначально носили вокальные произведения, ориентированные на западноевропейские музыкальные традиции, написанные на французские тексты. Первые романсы возникли в дворянской столичной, а затем и в провинциальной среде в контексте сентиментализма. Содержанием большинства подобных романсов являлись любовные переживания, а их функция сводилась к развлекательности. Благодаря сентиментальности содержания, миниатюрности формы и камерности исполнения романс быстро завоевал популярность в качестве жанра бытового любительского музицирования.

Романс как наиболее мобильный, демократический жанр художественной культуры чутко реагировал на все новые веяния, эволюционировал, расширялось его образное и идейное содержание, обогащались музыкально-выразительные средства. Он стал одним из ведущих музыкальных жанров, отражающих характерные для эпохи тенденции. Внутренний мир личности и картины народной жизни, отзвуки «последекабристских» настроений и острое чувство социального неравенства, судьба страдающей русской женщины и стихийная сила народа в символе «добраго молодца», – все эти темы властно вторглись в русский романс, определяя на десятилетия его тематику [Базилевич 2020; 38].

Многие исследователи обращались к оценке типов жанров и их особенностей. Весьма интересной, отличной от других, нам представляется классификация Михаила Алексеевича Овчинникова, в основу которой положено содержание романса.

Автор выделяет романс-обращение, романс-элегию (воспоминание), романс-исповедь, романс-признание, романс-любование [Овчинников 1992: 12]. Такое деление, на наш взгляд, не только имеет право на существование, но требует расширенного использования.

Действительно, романсы можно распределить по названным группам, хотя некоторые из них (например, редко встречающийся вид чисто «пейзажного» романса) и останутся за пределами рубрикации. В целом классификация М.А. Овчинникова выделяется своей оригинальностью и вместе с тем естественностью, заслуживает пристального внимания и может быть принята за основу нашей классификации романсных текстов.

«В русской поэзии, - пишет Волова, - существует один жанр — русский романс, - а все разновидности его - относительно устойчивые, но временные формы существования жанра, так называемые видовые модификации, являющиеся продуктами времени, среды, моды, и представляющие собой определенные жанровые модели, по которым создавались романсы» [Волова 1995; 92].

Такой вывод нам представляется совершенно справедливым. Изучив существующие классификации, мы полагаем, что *поэтические тексты* русского романса не всегда целесообразно подвергать делению. В современных поэтических сборниках нет деления романсов на рубрики: видимо, только в совокупности весь пласт романсных текстов является составной частью национальной культуры, элементом постижения материальных и духовных ценностей народа, представляет собой единый культурный континуум.

Бытовой романс – тип романса, сформировавшийся и получивший распространение в сфере народной художественной культуры («городского примитива» и любительства). Создавался поэтами и музыкантами-любителями, исполнялся в высшем дворянском обществе (на музыкальных вечерах, светских салонах) и в городской среде (в быту мещан, купцов, разночинцев).

Виды бытового романса: «Российская песня» – светский вокально-поэтический жанр второй половины XVIII века любовной тематики, пришедший на смену канту. «Русская песня» – вид бытовой песни-романса конца XVIII века, ориентированный на фольклорную традицию.

Наряду с любовной лирикой в ней звучат мотивы пасторальной идиллии, застольной, элегической песни. «Городской романс» – вид бытового романса, выросший из «русской песни».

Различия песни и романса можно представить в таблице (табл. 1).

Таблица 1.

<i>Критерий</i>	<i>Песня</i>	<i>Романс</i>
<i>Содержательная проекция</i>	обобщенность содержания ("в песне больше простоты и обыденности в картинах и стиле, а также обобщенности в тематике и образах")	более индивидуализированное, личностное содержание ("романс сложнее по психологическому рисунку и субъективнее в своем лиризме" [Акимова 1980:38])
<i>Исполнитель</i>	один исполнитель, ансамбль исполнителей или хор	сольное исполнение, в диалоговых текстах возможны два исполнителя (допускается цыганский хор)
<i>Аккомпанемент</i>	гитара, фортепиано, народные музыкальные инструменты, ансамблевое или оркестровое сопровождение	гитара, фортепиано, скрипка, виолончель
<i>Тематика</i>	охватывает широкий круг явлений; песня бывает не только лирическая, но и детская, солдатская, тюремная и др.	тематика романса подчеркнута лирическая
<i>Эстетика</i>	несколько упрощенная	несколько элитарная, возвышенная
<i>Лирический герой</i>	в песне чаще рисуется объективированный герой	в романсе автор выступает, как правило, от себя лично, лирический герой и автор сливаются

Авторский по способу создания, но фольклорный по способу бытования, он был рассчитан на певцов-любителей и получил широкое распространение в художественной культуре XIX века. Городской романс отличается более широкой тематикой (в него проникают темы социального неравенства, судьбы страдающей русской женщины, образы народной жизни).

**Анализ текста романса М.И. Глинки на стихи
А.С. Пушкина «В крови горит огонь желанья...»**

В крови горит огонь желанья...
В крови горит огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
 И да почию безмятежный,
 Пока дохнет веселый день
 И двинется ночная тень.
(А.С. Пушкин, 1825 г.)

Стихотворение написано в 1825 г. по мотивам двух первых стихов главы I «Песни песней» царя Соломона, первоначально вольно переложенных Пушкиным прозой в его черновой тетради. (Впервые опубликовано в журнале «Московский вестник», 1829, часть 1, с. 44 с подписью «А. Пушкин»).

Стихотворение организовано как восьмистишие (октава). Первая строка рифмуется с третьей, а вторая с четвертой.

Рифма перекрестная в 1 части и смежная во 2 части.

Рифмовка: АВАВ ССDD

Размер - четырехстопный ямб – это двухсложный стихотворный размер с четырьмя стопами, в каждой из которых ударение падает на второй слог, соответственно рифма женская. Женская рифмовка, как известно, в большей степени реализует интонационную размеренность и плавность. В стихотворении наблюдается одна смена ритма, выполняющая композиционно-смысловую функцию; последняя смена ритма на заключительном двустиишии изменяет модальность всего стиха, уменьшает возбужденный пыл лирического героя. Стихотворение как бы затихает, выцветает вместе с наступлением ночи.

Содержательно такое членение текста подтверждается тем, что первое четырехстишие особенно подчеркивает момент воодушевления, радостного волнения, каким охвачен влюбленный на заре своего расцветающего чувства.

Композиционно стихотворение «В крови горит огонь желанья» разделено на два четверостишия. Первая половина передает фазу кипения страсти, вторая - умиротворенность. Иными словами, первая половина стихотворения - чувственность, вторая - философия, дух фаустовской лирики, «нечто предназначенное не для телесных глаз, что не может быть воспроизведено, ни даже обдуманно - чудесная трансцендентальность, все пространство, вся бесконечность», по выражению Белинского - «целые миры». Смысл второго четверостишия смыкается с решением проблемы прекрасного, предложенным Эдмундом Берком:

«Прекрасное основывается на любви и сводится к ослаблению, прекращению напряжения, к размягчению, разрешению, утомлению, замиранию и томлению от удовольствия».

В стихотворении всего 2 сложных предложения, состоящих из нескольких простых.

Схематически их можно изобразить так:

[= -], [- =], [=]: [- =].

[=], пока [= -], [= -].

Тип текста: повествование.

Стихотворение начинается с приема *инверсии*: *в крови горит огонь желанья*.

Стихотворение, ориентированное на норму живого литературного языка, в *лобзай - лобзанья* (*лексический повтор*) пользуется высоким церковнославянизмом, создающим эффект, подмеченный во всей пушкинской лирике этого периода - поэт употребляет славянизмы по одному-два на одно стихотворение, на фоне нейтральной лексики. Тем не менее их выразительная стилистическая сила настолько значительна, что сразу придает тексту определенную, ярко выраженную стилистическую тональность. Можно отметить признаки высокого стиля: *лобзай, лобзанья, мирра, главою, почю*.

Такая же структура подтверждает на уровне аллитерации. Значимой аллитерацией для данного стихотворения является аллитерация свистяще шипящих (*Желания, дуШа, слаЩе, поЧю*) и фрикативных звуков (*уязвлена, Слаще, Склонись, доХнет*), можно отметить еще композиционную функцию слабой аллитерации плавного Л по ключевому слову *лобзанья*.

Заключительное двустишие организовано парными звуками (*день-тьнь*), подтверждающими наступление ночи.

На протяжении всего стихотворения мы сталкиваемся с контекстными антонимическими парами: *дохнёт/двигнется, тень/день, почю безмятежный/уязвлена, веселый*.

В шестой и восьмой строке мы видим прием анафоры – повтор начальных букв (*И...И..*).

Следует обратить внимание на энергичные выражения *горит огонь желанья, душа уязвлена* и на смелость А.С. Пушкина, вводящего в политическую лирику любовные образы: *лобзанье, главою нежной, почю безмятежно*. В лексико-стилистическом обзоре стихотворения стоит отметить, что фразеологизм *горит желанье* в пушкинскую эпоху обычно встречался в любовной лирике, обозначая страстное чувство. Сопоставление *горит желанье* и *свободой горим* придавало ему совершенно новое, необычное в то время значение. Одновременно политическая лирика становилась интимной по интонациям, избавлялась от декламационного холода торжественной поэзии.

Мы сталкиваемся с изобразительно-выразительными приёмами: сравнение: *твои лобзанья мне слаще мирра и вина*;

олицетворение: *пока дохнёт веселый день*; эпитеты: *веселый день; главою нежной*. В данном случае строчки из Библии А.С. Пушкин сумел переложить на литературный лад, в итоге получилось изящное и лёгкое стихотворение. Поэт неоднократно пользовался таким приёмом.

Заключение

Завершая анализ одного из романсов, сформулируем некоторые предварительные выводы, обозначив следующие существенные характеристики романса как уникального жанра отечественной художественной культуры:

1. Романс – это синкретичное вокально-поэтическое произведение с инструментальным сопровождением, в котором слово, музыка и речь находятся в равновесии.

2. Романс – это жанр программной музыки. Поэтический текст сообщает определенность выражаемому чувству, музыка усиливает его выразительность, придает звуковую поэзию, дополняет недосказанное.

3. Романс в большей степени опирается на напевный, мелодический стих, способный создать одно, непрерывно развивающееся, дышащее во времени мелодическое движение. Неслучайно большинство романсов имеет строфическую форму, где музыкальные построения (фразы, периоды) соответствуют разделам стиха (строке, строфе).

4. Музыка в романсе подразделяется на две составляющие – мелодию и аккомпанемент, которые также вступают в диалог, причем не только между собой, но и каждая – со словом. Вокальная партия имеет ясное и рельефное мелодическое очертание, отличается певучестью. Именно мелодия подчеркивает эмоциональное послание стихотворной формы. Инструментальное сопровождение дополняет и углубляет художественный образ, может быть равноправным по значению с вокальной партией или даже контрастировать ей.

5. В отличие от народной песни, являющейся продуктом коллективного творчества, романс представляет собой произведение искусства, обладающее всеми соответствующими признаками: наличием автора, яркой образностью, субъективностью и чувственностью в отражении окружающего мира, законченностью и зафиксированностью с помощью графического текста.

6. Романс как никакой другой жанр способен остро реагировать на все новые веяния и тенденции в области культуры и искусства и запечатлевать их в яркой художественной форме. Он является своеобразным «маркером» эпохи, ценным культурно-историческим наследием, средством ретрансляции и преумножения культурных традиций и духовно-нравственных ценностей, способом их восприятия и усвоения новыми поколениями слушателей.

Литература

Акимова Т.М. "Русская песня" и романс первой трети XIX века // Русская литература. 1980. № 2. С. 36-45.

Базилевич М.В. «Романс как феномен отечественной художественной культуры» // Евразийский союз ученых. – Тюмень, 2020. - 38-45

Волова С.И. Русский романс XVIII-XIX века. Генезис, типология, поэтика: Дис... канд. филол. наук. М., 1995. 158 с.

Гудошников Я.И. Русский городской романс. Тамбов, 1990. 89 с.

Карабут Е.В. Романсовый текст: прагматика, лексика, образные парадигмы: Автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 22 с.

Костюхин Е.А. Жестокий романс в контексте русской культуры // Русская литература. 1998. № 3. С. 83-97.

Овчинников М.А. Творцы русского романса. -М.: Музыка, 1992. - Вып. 2-415 с.

Петровский М. "Езда в остров любви", или что есть русский романс // Вопросы литературы. 1984. № 5. С. 55-90.

Русский фольклор. Материалы исследования.-М: Наука, 1961. Т.6. 391 с.

Хорошко Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романса. Белгород, 2004.

Leka E.I.

ROMANCE AS A MUSICAL AND POETIC PHENOMENON OF ARTISTIC CULTURE

In this article, we attempt to comprehend romance as an integral phenomenon of Russian artistic culture, which performs important functions of relaying and multiplying universal and national cultural traditions and spiritual and moral values.

Romance, genre, folk song, melodic verse, poetic form

Milto K., Salimgareeva V.

VARIABILITY IN THE TRANSLATION OF TECHNICAL ENGLISH TERMS OF "ECOLOGY AND SPACE"

This article is about the problem of variability of translations from English into Russian, and vice versa, of terms related to ecology and space. This topic has an international status, so it is necessary to create a common base of terms generally accepted in the world for a correct exchange of experience. The relevance of the topic is determined by the fact that space and environmental terminologies are at the stage of self-definition and are poorly known, as the development and integration of the fields are just beginning. The purpose of this article is to find differences between the technical text translation from Russian to English and vice versa, moreover, to identify techniques for finding equivalence. The subject of the research is the problem of approximation and equivalence of scientific and technical terms of ecology and space section. In the article authors, propose an algorithm for solving this poser at the initial stage. Novelty, thorniness and nationwide format put this issue on the agenda among specialists.

Technical English, variability in translation, environmental terms, ecology, space terminology, translation standards

Introduction

Ecology and space have always been closely related problems. Today these environmental issues have become more global. Therefore, it is important to ensure effective communication between theoretical experts and experts themselves as a clear identification of ideas. Consequently, it is necessary to summarize the most important terms to simplify the interaction and acceleration of the solutions to environmental problems in the space industry.

Y. G. Alekseyev said in his article "Lack of branch knowledge among student-translators as the reason of errors in technical translation", that machine translation is not always exact and adequate in the translation of specialized terms [Alexeyev, 2016]. A translator needs to have not only a linguistic background; should have some specific knowledge. Achieving adequacy of a technical text translation is to use common (equivalent) concepts and expressions, which will reduce communication problems of space and environmental experts.

In addition, a specialist in languages Arzhanova believes that technical English and Russian languages have lexical and syntactic

features of terms to perform their function - designating objects, phenomena, properties and their properties used by all specialists [Arzhanova, 2013]. Therefore, translators or specialists involved in the development of terms must have professional knowledge in the field under study (ecology, astronautics, etc), ignorance of phenomena in the native language leads to confusion in a foreign language.

Masyutina writes in her article that [N. Masyutina L. Rogozhina G. Yanovskaya, 2019] the process of translating scientific and technical terminology in the field of aviation, astronautics and ecology require knowledge of the term and the concept being expressed, as well as the most accurate definition of the boundaries of the semantic scope. There is a significant divergence when translating general and technical words, or when using the same word in different areas (for example, mission, and aerospace).

The discrepancy between English and Russian nomenclatures of ecology and cosmonautics is due to the different rate of development of the sciences because domestic disciplines are developed in isolation from the West. However, the biggest difficulty is not the absence of any phenomena; it is a variety of terms. It is like linguistic variability, using different means to name identical phenomena. It happens because of the adaptation of language to changing conditions (morphological, phonetic, lexical, word-formation, stylistic).

Technical text – is a text written to educate or instruct the reader. Usually, specialists use jargon, which is not used in the basic daily language

It is a bunch of abbreviations, codes, technical buzzwords and specific constructions. Sometimes terms from this «slang» are understandable to a small number of people. For example. ESA – European Space Agency, VASIMR – Variable Specific Impulse Magnetoplasma Rocket, LEO – Low Earth Orbit. In addition, when it is necessary to translate terms from Russian to English differences appear. «Power» - «сила» in daily language, but «power» in the technical specification means «мощность», for example, «power of rocket or missile» (horsepower). Also, in Russian appears one option of «ракетоноситель» whereas in English there are two options: «launch vehicle» and «rocket carrier».

Technical language seeks to communicate specifics to a particular industry, machinery, aviation, astronautics or ecology, while casual language is usually more general

Reports, regulations and so on must be readable for each division as managers, engineers, marketers and others. Therefore, at the global level, all documents should contain a combination of two styles: general and technical. For this reason, terms of tech language must be fixed for communications of the international specialists.

The absence of a correct and accurate translation of one designation into Russian or English

After analyzing the literature, ecologists have in mind the same interpretations in Russian «супесь», while there are several terms in English. In case, «sabulous clay» means the same as «loamy sand», which is equally. However, this is the reason for the misunderstanding of ecologists. Ecology and astronautics as sciences are multisciences, including others such as biology, astronomy, mechanics, geography, physics and others. For this reason, it is hard to draw a line. Exploring this example, it is means a substance a certain combination of sand, clay and silt in a soil sample, also the term "sabulous" is not from ecology.

Attempt to simplifying languages

It means the unification of concepts for accessibility by more people from other industries. Therefore, the unification of terminology is a prerequisite to technical progress, improved communication, exchange of experience and contribution to the development of international scientific cooperation. Therefore, according to the authors, the unification of the terminology in the field of ecology and astronautics is a promising direction in modern linguistics.

Conclusion

To sum up, the authors of this work note that the multicity of terms on ecology and space is very characteristic. Therefore, language specialists need to conduct a streamlining of terminology, according to Akhmanova's criteria: study real word usage; selection of terminology and its description in dictionaries; comparison of domestic terms in multilingual dictionaries. The result of errors in the inaccurate translation of a technical term may be a distortion of the result - improper maintenance of the device, errors in the implementation of the tasks and goals. The main requirement for the language in technical literature is that things are stated, described and explained accurately and clearly.

Милто Е.В., Салимгареева В.Р.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ТЕХНИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ПО ТЕМЕ «ЭКОЛОГИЯ И КОСМОС»

В этой статье авторы рассматривают проблему вариативности перевода терминов в области «Экология и космонавтика» с английского на русский, и наоборот. Эта тема носит международный статус, поскольку необходимо создание единой базы терминов для корректного и успешного обмена опытом. Актуальность тематики заключается в том, что экологическая безопасность в космосе находится на начальной стадии образования и заложения основ, поэтому необходима кооперация специалистов разных стран.

Целью этой статьи стал поиск различий перевода технических текстов и, кроме этого, поиск методов для поиска эквивалентов. Предметом исследования является проблема адекватности и эквивалентности научно-технических терминов эколого-космического раздела.

Авторы статьи предлагают алгоритм решения этой задачи на начальном этапе. Новизна, острота и общенаучный формат выставили этот вопрос на повестку дня среди специалистов.

Технический английский, вариативность перевода, экологические термины, экология, космическая терминология, стандарты перевода, терминологические варианты

Литература

Акжигитов Г.Н., Мазур И.И., Маттис Г.Я. Англо-русский экологический словарь. М., 2001.

Алексеев Ю.Г. Отсутствие отраслевых знаний у студентов-переводчиков как одна из причин ошибок при техническом переводе. Журнал «Симбирский научный Вестник», 2016.

Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 509.

Девнина Е.Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь. Свыше 100 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений. С транскрипцией/ Под ред. акад. И. И. Павловца.- М.: Живой язык, 2011.-512 с. URL: [https://www.spilve.lv/library/various/Большой авиационный словарь.pdf](https://www.spilve.lv/library/various/Большой_авиационный_словарь.pdf)

Масютина Н.М., Рогожина Л.А., Яновская Г.С. Некоторые аспекты взаимодействия и перевода на русский язык общенаучной и терминологической лексики в английском научно-техническом тексте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки №7 июль 2019. С. 151-153

Словарь по международной гражданской авиации. URL: <http://airspot.ru/library/book/icao-doc-9713-slovar-pomezhdunarodnoy-grazhdanskoy-aviatsii-ikao>

Плутахина О.С.

KONGLISH И ЕГО РОЛЬ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Данная статья посвящена вопросам изучения конглиша и его роли в системе корейского языка. Анализируются его особенности, положительное и отрицательное влияние на целостность и уникальность корейского языка.

Рассматриваются основные причины популяризации английского языка в корейском языковом пространстве и выявляется степень влияния данных языков друг на друга.

Конглиш, корейский язык, английский язык, корейзированные английские слова, интерференция, корейский английский язык, «английская лихорадка»

Введение

В настоящей статье рассматриваются вопросы употребления такого варианта корейского языка, как конглиш. Благодаря процессам глобализации, английский язык оставил свой след практически в каждом существующем на сегодняшний день языке. Он вносит в другие языки новые способы звучания и употребления различных слов, что, в какой-то степени, помогает «освежить» лексический состав того или иного языка.

Так, например, по мнению некоторых лингвистов, английский язык является основным механизмом в обновлении и популяризации других языков. Благодаря английскому языку другие языки имеют уникальную возможность видоизменяться, усовершенствоваться, а также оставаться востребованными в употреблении.

Все вышеперечисленные пункты можно с уверенностью отнести и к корейскому языку, который с помощью английского языка, приобрел новые лингвистические грани и стал более легким в изучении для англоговорящих людей [Шевчук, 2011].

В настоящее время конглиш стал неотъемлемой частью корейского языка и требует к себе определенного внимания при изучении данного восточного языка. Однако, необходимо учитывать тот специфический языковой и культурный аспект, с которым будут сталкиваться изучающие язык: не соответствие перевода и правил употребления одного и того же слова в системе конглиша и английском языке. Поэтому данный аспект требует большего количества времени для качественного его усвоения [Файзрахманова, 2015].

В данной статье автор обращает внимание на процесс влияния английского языка на корейский через призму функционирования конглиша. Исследуя особенности слов и выражений конглиша, можно проследить насколько различными могут быть значения одних и тех же слов в разных языках, что может быть связано с определенной разницей не только в разных взглядах на мир, но и в менталитете представителей Запада и Востока.

Специфика лингвистического феномена Konglish

Основой исследования служит анализ лексических единиц корейского языка с целью выделения примеров использования слов и выражений в системе конглиша. Главным методом исследования является метод сравнения, основанный на сравнительной характеристике примеров использования английских и корейских лексических единиц со схожими значениями.

Полученные результаты подкреплены примерами употребления конкретных слов и выражений как в корейском, так и в английском языке. На основании анализа результатов были сделаны соответствующие выводы о том, что в настоящее время английский язык, обладая своей межкультурной силой, активно внедряется в лексический состав всех мировых языков, и корейский язык не является исключением. Благодаря английскому, корейцы приобрели большое количество достаточно популярных в использовании слов и выражений, схожих по своему звучанию с английскими, что помогло в значительной мере разнообразить лексический пласт данного восточного языка.

Исследуя историю возникновения и развития корейского языка, лингвисты присуждают ему звание одного из старейших языков в мире, которому, несмотря на значительное влияние китайского и английского языков, оккупацию со стороны Японии и вмешательство Америки в процесс развития страны после второй мировой войны, удалось сохранить свою уникальность, отражающую многовековые традиции корейского народа и внутренний мир всего государства.

Согласно лингвистическим данным, ученые относят корейский язык к изолированным языкам. По уровню распространенности он занимает девятое место в мире, т.к. на нем говорят жители КНДР – 1,8 млн. чел., Южная Корея – 4,47 млн. чел., а также достаточно большое количество людей в России (около 389 тыс. чел.), Средней Азии, Китае, Японии (около 663 тыс. чел.) и США (около 372 тыс. чел.) [Шевчук, 2011; 344].

Говоря о любых языковых изменениях, мы не можем не обратить внимание на тот факт, что английский язык повлиял на развитие и строй практически всех мировых языков. В современное время английский язык преподносит в другие языки ту часть интернациональности, которая позволяет всем языкам стирать видимые границы между собой, что, в свою очередь, приводит к непосредственному ощущению их родства.

К ряду языков, получивших определенные лингвистические изменения благодаря английскому, также относится один из восточных языков – корейский. Сегодняшний корейский язык имеет яркие различия по сравнению с корейским языком XIX века [Соссюр, 2016; 145].

Изучая внедрение английского в основу корейского языка, ученые-лингвисты приходят к выводу, что данный процесс начался довольно-таки давно, и активно продолжается до сих пор. По этой причине корейцы воспринимают любые языковые изменения легко, быстро привыкая к нововведениям и используя их в повседневной жизни.

Но с чем связана эта легкость и быстрота в преемственности корейцами новых английских слов и выражений? Почему они относятся к английскому языку положительно, даже если он начинает быть более значимым, чем их родной язык?

Согласно информационным источникам, в Южной Корее английский язык уже продолжительное время является вторым по популярности языком после корейского. Одной из причин данного феномена могут выступать прочные политические отношения между Южной Кореей и США, длившееся около полувека. Также, большинство корейцев твердо уверено, что в современном мире в эпоху глобализации знание английского языка – тот необходимый пласт знаний, который гарантирует человеку карьерный рост и большие возможности в достижении поставленных целей [Шевчук, 2011; 92].

Перейдем к более подробному рассмотрению влияния английского на структуру корейского языка. Исследуя взаимосвязь таких непохожих друг на друга языков, лингвисты выделили особую разновидность корейского языка и назвали ее «Konglish». Само слово «конглиш» образовано от английского «konglish» (Korean + English) и означает слова и фразы, представляющие собой нечто смежное данных языков. Также, некоторые ученые-лингвисты называют данный феномен «корееанизированным английским языком», т.к. он является интеръязыком, образованный в результате интерференции (от лат. *inter* — между собой, взаимно и *ferio* — касаюсь, ударяю) [Файзрахманова, 2015; 19].

Лингвисты заостряют наше внимание на том, что между конглишом и корейским английским языком существуют определенные различия. На первый взгляд кажется, что речь идет об одном и том же понятии, однако, это не совсем так. Корейским английским языком, в отличие от конглиша, называют разновидность английского языка, которая понятна его носителям, и отражает мировоззрения корейского народа. Одним из основных отличий корейского английского языка от остальных региональных вариантов является способность передачи значения реалий культуры Востока [Миллер, 2004; 15].

Анализируя английские заимствования в корейском языке, мы видим, что большое количество слов и выражений появились в языке достаточно давно, однако в процессе внедрения в язык, утратили свое первоначальное значение и приобрели дополнительные оттенки. Отметим, что такие слова и выражения нацелены исключительно на корейский народ и являются культурно маркированными, и именно по этой причине не все носители английского языка, а также англоговорящие люди, могут понять 100% информации.

Следует отметить, что на сегодняшний день в Южной Корее все больше прослеживается тенденция «английской лихорадки». Одной из основных причин данного движения, по мнению лингвистов, может выступать желание корейцев качественно овладеть английским языком, и желательны в кратчайшие сроки. Это может быть связано с тем, что английский пользуется популярностью «крайне необходимого языка в вопросах будущих перспектив молодежи».

Большинство лингвистов задавая вопрос о том, что именно могло стать причиной такой популярности английского языка в Южной Корее, и что является главным механизмом в основе всех изменений, происходящих в стране сегодня, выделили ряд факторов, которые, по их мнению, могли повлиять на этот процесс. К ним относятся: 1) тенденция увеличения количества корейско-английских билингов; 2) незаинтересованность корейцев в культуре Китая; 3) позитивное отношение корейцев по отношению к использованию английского языка как одного из главных языков общения [Шевчук, 2011: 116].

Перейдем к подробному рассмотрению примеров конглиша и того, как корейцы используют данные слова и выражения в повседневной жизни.

Одним из ярких примеров конглиша является слово «promise». В переводе с английского языка оно значит «обещание». Но на языке конглиша оно означает «свидание», «запланированную встречу». Поэтому если англичанин услышит фразу «I can't meet with you tomorrow because I have a promise», то ему понадобится некоторое время, чтобы разобраться при чем тут «promise».

Существуют также слова, которые имеют семантические значения, отличающиеся от оригинала.

Например, 핸드폰 (handphone) – «сотовый телефон».

Однако, такого слова в английском языке не существует, и для того, чтобы обозначить «сотовый телефон», используют другое слово – «cellphone».

На языке конглиша слово «diet» означает не совсем ту привычную для всех диету, а сам процесс похудения, причем не за счет режима питания. Так, например, «sport diet» в английском

языке означает «похудение за счет физических упражнений», но никак не «особое питание для спортсменов».

Однако, идентичного понятия в корейском языке не наблюдается [콩글리시].

Приведем пример, пожалуй, самого распространенного в конглише выражения – 화이팅 (Fighting!).

Оно является уникальным в использовании по той причине, что данное слово не имеет прямого аналога по значению в английском языке.

Корейцы используют 화이팅 в значении «Давай! Вперед!», в то время как англоговорящие люди в подобной ситуации будут употреблять такие выражения, как «Don't give up!» и «Just do it!».

Следующее выражение, необходимое при изучении конглиша, это 원샷! (One shot!).

Обычно данное выражение употребляется корейцами во время отдыха в каком-либо баре, где подают алкогольные напитки. Данное выражение является корейским эквивалентом английской фразы «Bottoms up!», которую используют, когда собираются выпить алкогольный напиток до дна [New world little Korean-English dictionary, 1982].

Приведем еще один пример конглиша. Корейцы используют слово 콘센트 (Consent) для обозначения «розетки», однако прямое значение слова «consent» совершенно другое: «согласие, разрешение». Чтобы обозначить «розетку», англичане и американцы используют такие слова, как: «rosette, socket, jack» и другие. Как мы видим в данном примере, в конглише и английском языке один и тот же предмет может определяться абсолютно разными словами, никак друг с другом не связанными.

Еще одним хорошим примером конглиша является слово 서비스 (Service).

В Южной Корее данное слово обозначает «бонусы» и используют его тогда, когда необходимо завлечь покупателя в какой-либо магазин, и поэтому ему предлагают дополнительные бонусы для совершения покупки.

В английском же языке слово «service» означает «обслуживание, сервис» [콩글리시].

Заключение

Таким образом, нами был рассмотрен такой феномен, как Konglish, в системе корейского языка. Мы изучили причины популяризации английского языка в Южной Корее и те изменения, которые за этим последовали. Актуальность такого исследования определяется увеличением уровня влияния английского языка на языковую структуру языков восточной группы, что приводит к соответствующим лингвистическим нововведениям.

В заключение можно сделать вывод: английский язык, в силу своей интернациональности, будет продолжать оказывать большое влияние на лексический строй корейского языка, тем самым значительно пополнив состав конглиша. А это, в свою очередь, означает, что появится еще много вопросов для дальнейшего изучения учеными-лингвистами всего мира.

Литература

Миллер Д. Слово с другим значением: *Konglish* / Д. Миллер. Текст: непосредственный // Macmillan English Dictionary Magazine. 2004. вып. 5. С. 15–17.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр; переводчик А. М. Сухотин; под редакцией Р. О. Шор. Москва: Издательство Юрайт, 2016. С. 112–203.

Файзрахманова Ю.С. Лексические инновации: кореизированные английские слова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность 2015. № 3. С. 18–22.

Шевчук Н.М. Английский язык в Республике Корея // Вестник Башкирского университета. 2011 г. Т. 16. №4. С. 89–155.

New world little Korean-English dictionary. (1982). Seoul: Si-Sa-Yong-0-Sa Publishers, Inc.

콩글리시 [Konglish]. URL: <https://terms.naver.com/search.nhn?query=konglish&searchType=&dicType=&subject>

Plutakhina O.S.

KONGLISH AND ITS ROLE IN THE KOREAN LANGUAGE SPACE

This article is about Konglish and its role in the Korean language system. Its features, positive and negative impacts on the integrity and uniqueness of the Korean language are analyzed.

The main reasons for the popularity of English in the Korean language and the degree of influence of these languages on each other are examined.

Konglish, Korean, English, Koreanised English words, interference, Korean English, "English fever"

Скрижевская К.М.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается интертекстуальность как текстовая категория, а также особенности её проявления в законодательном дискурсе на примере текстов нормативно – правовых документов (кодексов). Материалы данной статьи представлены в реферативной форме.

Интертекст, интертекстуальность, текст, законодательный дискурс, кодекс

Введение

В настоящем материале исследуется понятие интертекстуальности как текстовой категории, рассматриваются особенности её проявления в законодательном дискурсе на примере нормативно - правовых документов (кодексов).

Автор обращает особое внимание на стилевые черты официально-делового стиля, реализованные в правовой и административно-общественной сферах деятельности.

Целью статьи выступает анализ форм и способов реализации интертекстуальности в текстах кодексов как текстах законодательного дискурса.

Соотношение понятий юридического и законодательного дискурсов

Тесная взаимосвязь юриспруденции и лингвистики, языка и права все чаще заставляет говорить о том, что данный феномен относится к сфере общих интересов как лингвистов, так и правоведов. Эти интересы обусловлены множеством факторов, о которых в своих трудах упоминают современные ученые, такие как Н.Д. Голев, Г.А. Золотова, Н.Б. Лебедева, Н.Г. Храмцова и другие.

Проблематика исследования дискурса, разрабатываемая филологическими науками, на настоящем этапе характеризуется пристальным вниманием к этому научному понятию в большей степени с точки зрения его лингвофилософской и социокультурной аспектации. В связи с этим внимание к юридическому и уже – законодательному дискурсу обусловлено глобальными социальными процессами, как то – повышение правовой грамотности граждан, общее увеличение количества нормативно-правовых документов, усложнение системы связей между документами как внутри одного поля юридической сферы, так и между ними.

Ю.С. Степанов определяет дискурс так: «Дискурс - это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном счёте - особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это - «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле логико-философского термина. Каждый дискурс - это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык - дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык — дом бытия» [Степанов, 1991; 38-51].

Междисциплинарность исследовательских подходов актуальной научной парадигмы современности способствует тому, что дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, как сложное единство языковой формы, значения и действия и определяется с учетом понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Специфика юридического дискурса, выступающего объектом настоящего исследования в его широкой социальной ориентированности – будучи институциональным дискурсом, он ориентирован на все слои общества. Эта специфика реализована в языковом отношении совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и/или встречаются в рамках пересечения данного дискурса с другими типами дискурса (исторического, политического, педагогического, военного, дискурсом СМИ, художественным дискурсом и др. [Косоногова, 2015; 61-66].

Законодательный дискурс является частью более широкого понятия юридического дискурса и представляет собой совокупность в большей или меньшей степени взаимосвязанных правовых норм, регулирующих правоотношения между гражданами и государством. Так, А.А. Лебедева определяет законодательный дискурс как «иерархически выстроенную систему, состоящую из текстов нормативных правовых актов, существующих в рамках определённой правовой системы, гарантирующих соблюдение прав граждан, обозначающих их права и обязанности на государственном и межсубъектном уровне, а также манифестирующих позицию властей в отношении ряда социально-политических вопросов» [Лебедева, 2020; 3].

Главной характеристикой законодательного дискурса является язык закона (или язык нормативных правовых актов) - совокупность лексических, грамматических и стилистических средств, формирующих текст законов, несущих, в основном, информативную, прескриптивную и регулятивную функции.

Выделение законодательного дискурса в особый самостоятельный тип дискурса оправдано с точки зрения, определяющей дискурс как общение людей в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе и применительно к конкретной речеповеденческой ситуации.

Интертекстуальность как текстовая категория

Несмотря на значительное число исследований по данной тематике, не остается однозначным даже само понятие «интертекст», которое трактуется, как минимум, в рамках двух научных парадигм: широкой, так называемой радикальной концепции, и в рамках понимания интертекста как использования ассоциативных связей между текстами.

Однако научное сообщество едино в том, что «интертекстуальность – понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчивости его содержания» [Culler, 2002; 109]. Москвин В.П. объясняет такую «расплывчивость и неопределенность» двумя причинами. Первая из них состоит в том, что интертекст нередко воспринимается как явление элементарное, не членимое далее. Однако при внимательном изучении можно прийти к выводу, что категория интертекста представлена рядом подтипов. Вторая причина заключается в том, что приемы использования чужой речи (фигуры интертекста) до сегодняшнего дня не получили исчерпывающих дефиниций. К примеру, использование выражения «цитирование без ссылки» можно понять как аппликацию, аллюзию или травестирование [Москвин, 2004; 5].

Конечно же, такого рода фигуры интертекста невозможны в законодательных текстах, так как аллюзия представляет собой отсылку к какому-либо общеизвестному культурному или историческому факту, и используется преимущественно в литературе для усиления смыслового значения фразы или в ироническом пародийном качестве. А травестия как способ интертекстуального письма относится к типу вариации, которая «сочетает стилизуемый мир с миром современного сознания, ставит стилизуемый язык... в невозможные для него самого ситуации» [Бахтин, 1975; 210].

Очевидно, что в зависимости от того, в текстах какого жанра, какого стиля реализуется интертекстуальность, она будет иметь свои особенности. С учётом того, что законодательный дискурс в жанровом отношении характеристик текстов относится к официально-деловому стилю русского языка, который

включает в себя законодательный подстиль, его тексты должны характеризоваться однозначностью, детальностью и точностью изложения, не допускающих возможности интолкувания. Соответственно и реализация интертекстуальности будет направлена на соблюдение указанных стилевых требований.

Интертекстуальность как сущностная характеристика законодательного текста

Официально-деловой стиль обслуживает сугубо официально и чрезвычайно важную сферу юридических, экономических и дипломатических отношений. Существуют различные классификации текстов официально - делового стиля. Так, например, Н.В. Кривоносова выделяет три основных жанра научной юридической литературы, а именно:

- 1) законы (конституции, основы, кодексы);
- 2) подзаконные акты (указы, положения, постановления, инструкции и т. д.), которые конкретизируют, уточняют законы;
- 3) научная специальная юридическая литература (монографии, учебники, юридическая периодика и т.д.), в которой трактуются и анализируются разные концепции и институты права, теории, доктрины, точки зрения научных школ [Кривоносова, 1985; 32].

О наличии специального законодательного стиля говорят и юристы, и лингвисты; по мнению некоторых из них законодательный стиль является основой и определяющим началом официально-документального подстиля [Пиголкин, 1972; 85].

Наибольшее внимание привлекают кодексы как единый, свободный, внутренне согласованный кодифицированный акт (закон, иной нормативный акт), обеспечивающий полное и системное регулирование данной группы общественных отношений [Гойман-Калинский, 2003; 58].

Архитектоника кодекса позволяет рассматривать общую часть; разделы; главы; статьи.

Основной структурный элемент кодекса, как и любого законодательного документа – это норма права как признаваемое и обеспечиваемое государством общеобязательное правило, из которого вытекают права, обязанности и ответственность участников общественных отношений, чьи действия призвано регулировать данное правило в качестве образца, эталона, масштаба поведения.

Классическая, идеальная норма права состоит из трёх структурных элементов - гипотезы, диспозиции и санкции, при этом существуют три основных способа изложения элементов норм права в статьях нормативных правовых актов:

- 1) прямой (элемент нормы права прямо излагается в статье);
- 2) бланкетный (элемент нормы права выражен в самой общей форме, отсылая к другим нормативным правовым актам

(без указания на конкретную норму, где можно найти недостающие сведения), к определённым отраслям права и даже к «действующему законодательству» (при бланкетном изложении элемента нормы права он остаётся неопределённым);

3) отсылочный (элемент нормы права полностью не излагается, вместо этого содержится отсылка на конкретную статью того же или другого нормативного правового акта).

То есть и макроструктура, и микроструктура кодекса как законодательного документа невозможна без интертекстуальных отсылок либо внутри самого кодекса, либо во вне (ссылки на какие – либо другие законы, подзаконные акты).

Заключение

Формы реализации интертекстуальности являются именно тем средством, с помощью которого воплощается жанрово-стилевая специфика текстов законодательного дискурса.

Законодательный дискурс структурирован таким образом, чтобы необходимость дальнейшей детализации его положений в других законодательных актах свести к минимуму. Это дает возможность непосредственного использования положений текстов законодательного дискурса в правоприменительной деятельности и обуславливает их сущностную интертекстуальность.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1975. 506 с.

Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие для вузов / Под общей ред. д-ра юрид. Наук, проф. В.И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. 544 с.

История философии: Энциклопедия / сост., ред. А. А. Грицанов, ред. Т. Г. Румянцева, ред. М. А. Можейко. Минск: Книжный дом, 2002. 1376 с.

Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7 №1, 2015 Historical and social educational idea's Tom 7 #1, 2015.

Москвин В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. / В.П. Москвин. М.: URSS, 2011. 164 с.

Пиголкин А.С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. - Вып. 26. - 1972.

Степанов Ю.С. «Закон» и «антиномия» в гуманитарных науках от Декарта до Флоренского и Лосева // А.Ф. Лосев и

культура XX века: Лосевские чтения / [сост. Ю.Ф. Панасенко]. Москва: Наука, 1991. С. 38-51.

Culler J. *The Pursuit of Signs: semiotics, literature, deconstruction*. Cornell Univ. Press, 2002. 242 p.

Лебедева А.А. К вопросу о классификации текстов российского законодательного дискурса. URL: https://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/12649/Lebedeva_AA_2020.pdf (дата обращения: 04.03.2022).

Словари и энциклопедии на Академике // Норма права. URL: dic.academic.ru

Skrizhevskaya K.M.

ON THE ISSUE OF INTERTEXTUALITY OF THE LEGISLATIVE DISCOURSE

The article examines intertextuality as a textual category, as well as the features of its manifestation in the legislative discourse on the example of normative legal documents (codes).

The materials of this article are presented in abstract form.

Intertext, intertextuality, text, legislative discourse, official business style, legislative framework, regulatory documents, codes

Самарин А.В., Таратутина А.Е.

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕРСИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч.ДИККЕНСА

В статье на примере литературных произведений Чарльза Диккенса рассматриваются особенности инверсии в английском языке. Литературным произведениям часто присуще изменение привычного для читателя порядка слов. Используя инверсию, можно достигнуть эффекта экспрессивности, что делает фразу более яркой и выразительной.

Актуальность исследования обусловлена тем, что инверсия в современном английском языке представляет собой довольно распространенное явление.

Фигура речи, грамматическая инверсия, стилистическая инверсия, художественное произведение, английская литература, эмоционально-экспрессивная функция языка

Введение

В статье предложено описание результатов исследования инверсий в литературных трудах Ч. Диккенса. На основании анализа результатов выявлена роль инверсии в речи, а также сформулированы ее ключевые функции. Данное художественное средство выразительности речи служит для отображения синтаксических отношений, придает экспрессивную окраску, позволяет автору привлечь внимание читателя к определенным проблемам.

Подобное исследование позволяет улучшить уровень знаний в области английского языка, а также снизить вероятность некорректного перевода английских предложений с инверсией и ошибок при межкультурной коммуникации.

Сущность инверсии в английском языке

В литературе Англии часто можно встретить особое средство выразительности речи, связанное с перестановкой слов в предложении.

Так, И.В. Арнольд в труде «Стилистика современного английского языка» рассматривает инверсию как отступление от привычного порядка следования членов предложения, в результате один из элементов выделяется из предложения, получая определенную эмоциональную и экспрессивную коннотацию [Арнольд, 1990; 57].

При этом, как отмечает А.И. Смирницкий, важность инверсии обуславливается рядом функций, которые она выполняет в речи. В «Синтаксисе английского языка» в английском предложении лингвистом выделена как грамматическая функция (порядок слов выражает определенные синтаксические отношения), так и экспрессивно-стилистическая функция [Смирницкий, 2009; 62].

Рассматривая проблемы употребления инверсии в английской литературе, И.В. Нещумаев в труде «Синтаксические трансформации при переводе английского текста на русский язык» подчеркивал, что инверсия русского и английского языка не равноценны. Отсюда следует, исследования данного явления при обучении иностранному языку, в частности, являются важными [Нещумаев, 1991; 120].

Изучение порядка слов в английском предложении представляет собой актуальную задачу. А.И. Смирницкий связывает

это с тем, что предложение представляет собой достаточно сложную языковую структуру [Смирницкий, 2009; 71].

Во многих случаях от порядка слов в предложении зависит восприятие текста читателем, это явление позволяет интерпретировать предложением тем или иным образом.

Перестановка слов в английском предложении, порядок слов в котором является более устойчивым по сравнению с русским предложением, может полностью изменить смысла данного предложения. Сравним два английских предложения «The women smell the flowers» - «Женщины нюхают цветы» и «The flowers smell the women» - «Цветы нюхают женщин». При перестановке слов первоначальное предложение полностью меняет свое значение [Павлова, 2017].

Однако мы можем наблюдать изменение прямого порядка слов в английском предложении, когда акцентированный элемент ставится в конец предложения, создавая закономерное чувство ожидания.

Особенности использования структур инверсии в произведениях Чарльза Диккенса

Проведем анализ инверсии в английском языке на примере некоторых произведений Чарльза Диккенса.

1) *With the slice of bread in his hand, and the little brown-cloth parish cap on his head, Oliver was then led away by Mr Bumble from the wretched home where one kind word or look had never lighted the gloom of his infant years. And yet he burst into an agony of childish grief, as the cottage gate closed after him. Wretched as were the little companions in misery he was leaving behind, they were the only friends he had ever known, and a sense of his loneliness in the great wide world, sank into the child's heart for the first time* («Оливер Твист»)

Инверсия в данном отрывке в некоторой степени вычленяет и выделяет именно этот фрагмент из всего текста, усиливая его значимость и фокусируя внимание читателя.

Здесь автор ставит сказуемое перед подлежащим, что смещает акцент на причастие «wretched». Так, инверсия выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. В данном фрагменте перестановка слов усиливает ощущение тоскливости и обреченности.

2) *“Now don't you be offended at what I'm going to say,” observed Mrs Mann, with captivating sweetness.* («Оливер Твист»)

Справедливо заметить, что данное предложение, имея вопросительный характер, определено писателем в качестве повествовательного. Автор ставит точку в конце предложения, заменив ею вопросительный знак. Перед подлежащим автором ставится вспомогательный глагол в отрицательной форме. Таким образом, в предложение передается вопросительность [Самарин, 2016].

Чарльз Диккенс дает эмоциональную оценку происходящему, благодаря чему читатель может проникнуться авторской иронией. Инверсия усиливает влияние иронии и в то же время делает акцент на ней.

Автор достигает еще одного эффекта нарушением порядка слов, а именно усиление экспрессивности и эмоциональности данного предложения. При подобной постановке слов высказывание приобретает вопросительно-недоумевающий характер.

3) *In great families, when an advantageous place cannot be obtained, either in possession, reversion, remainder, or expectancy, for the young man who is growing up, it is a very general custom to send him to sea* («Оливер Твист»)

В данном случае перед подлежащим стоит обстоятельство. Таким образом, грамматическая функция становится очевидной. Отметим также эмоциональность и экспрессивность, передаваемые инверсией.

Автор неслучайно выносит на передний план обстоятельство «in great families». Ему важно подчеркнуть положение бедных семей в то время. Дети из таких семей были обречены. Они печально осознавали эту самую «никому ненужность».

Так, инверсия усиливает эмоциональное содержание главы, помогает читателю проникнуться острой проблемой общества.

4) “ *...Out came the chaise, in went the horses, on sprang the boys, ingot the travellers...* ” («Посмертные записки Пиквикского клуба»)

Инверсия создает очень выразительную картину быстрых действий. Автор прибегает к инверсии с целью создания лексического усиления.

Заключение

Исследование инверсии в художественных произведениях Ч. Диккенса позволяет нам сделать определенный вывод. Мы убедились, что роль инверсии в английском языке преимущественно состоит в том, чтобы усилить, выделить и акцентировать высказывание, наделить его эмоциональной силой и определенным образом воздействовать на читателя.

Литература

Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка*. 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Нешумаев И.В. Синтаксические трансформации при переводе английского текста на русский язык. // Лингвистические и методические проблемы русского языка как неродного: Текст: структура и анализ. - М, 1991. С. 117-126.

Павлова М.К., Самарин А.В. Проблемы перевода художественных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-7. С. 38-40.

Самарин А.В., Калинина К., Нестерова Н.А. "Игра" переводчиков при переводе романа Дж.К. Роулинг "Гарри Поттер и тайная комната" // В сборнике: Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. С. 208-217.

Смирчинский А.И. Синтаксис английского языка. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 285 с.

Samarin A.A., Taratutina A.E.

CONCERNING INVERSION IN CHARLES DICKENS' WORKS

The article examines the features of inversion in the English language in the example of Charles Dickens's literary works. This artistic means of expressiveness of speech serves to display syntactic relations, gives an expressive colouring, and allows the author to draw the reader's attention to certain problems. Thus, the necessity of studying inversion structures is realized. Such a study can improve the level of knowledge in the field of English, as well as reduce the likelihood of incorrect translation of English sentences with inversion and errors in intercultural communication.

The figure of speech, grammatical inversion, stylistic inversion, artwork, English literature, the emotional and expressive function of language

Соловцова А.А.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В «РАССКАЗЕ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» Л.Н. АНДРЕЕВА

В настоящей статье рассматривается изображение предметного мира в литературе XX века на примере «Рассказа о семи повешенных» Л.Н. Андреева. Проводится анализ изображаемого в произведении предметного мира, выделяются художественные особенности. Анализ текста происходит с позиций

концепции экзистенциализма, подчёркивается философский подтекст произведения.

Литература XX века, модернизм, предметный мир, опредмечивание

Введение

Предметы, производимые в обществе, окружают человека повсеместно, и это сказывается на мировосприятии – возникает ощущение давления и окружения. С ходом истории повышалась роль предметов в жизни общества. Если в первобытные времена человек довольствовался совсем малым, то развивающееся сознание со временем увеличило его потребности. То же самое отразилось в культуре. Уже в фольклоре мы встречаем особое отношение к предметам – их можно хвалить, ругать, просить помочь, обращаясь в заговорах. Предметы быта становятся героями сказок – «Пузырь, соломинка и лапоть», «Колобок». Но с развитием капитализма отношение к предметам быта изменилось, в целом, в сторону обмирщения; количество производимых человеком продуктов увеличилось, и они перестали играть священную роль, диктуемую редкостью. Это отразилось в литературе, и предметный мир стал относиться к сфере художественной подробности. Изображение предметного мира является и по сей день важной задачей писателя.

Целью настоящего исследования было проследить, как меняется восприятие мира вещей в литературе начала XX века. Автор статьи даёт краткую характеристику обществу начала данного столетия и комментирует отражение общественной ситуации в литературе. В статье приводятся примеры, на основании которых осуществляется сопоставление художественных особенностей разных авторов – Н.В. Гоголя, И.А. Бунина, Л.Н. Андреева.

Изображение предметного мира в художественном тексте

Сложно назвать произведение, в котором предметы не играют совсем никакой роли. Авторы, описывая жизнь людей, вынуждены обращаться к вещам, используемым человеком в повседневной действительности. В одних случаях предметы играют роль описательных деталей и используются для красоты или достоверности изображения – например, И.А. Бунин, по мнению исследователя А.И. Горшкова, обращается к ним особенно часто [Горшков, 1995; 247].

Так, в рассказе «Лёгкое дыхание» писатель, изображая кабинет, упоминает «лакированный пол», «потянутую нитку», «вертящийся по полу клубок», «свежесть ландышей» и множество других элементов, позволяющих создать картину пространства и непринуждённости [Бунин, 1984; 263]. Живописный талант

И. Бунина не единожды воспевался современниками, но многие также обвиняли его в «щегольстве» деталями, не влияющими на ход действия произведения.

В классическом литературоведении выделяют также второй вид деталей – повествовательные детали, призванные развить сюжет. Художественные подробности такого рода могут показаться незначительными на первый взгляд – так, в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» рассказчик рассматривает картинки с историей блудного сына, и только по ходу развития действия становится понятно, что эти картинки предвосхищают развитие сюжета произведения.

Или, например, в поэме «Мёртвые души» Н.В. Гоголя жилища помещиков описываются таким образом, что каждая деталь выражает негативное свойство (например, книга с вечной закладкой на четырнадцатой странице свидетельствует о спрятанной глупости Манилова).

Однако во всех этих случаях предметный мир затрагивается писателями косвенно, фокус остаётся на персонажах и их действиях; предметы продолжают играть роль предметов, пусть даже и символизирующих что-то.

В русской литературе начала XX века есть пример необычного изображения предметного мира. Это написанный в 1908 году Л.Н. Андреевым «Рассказ о семи повешенных». Автор в нем повествует о людях, проводящих последние дни своей жизни перед исполнением смертного приговора. Основным мотивом этого произведения является попытка человеком осознать свою неминуемую гибель. Мотив, в первую очередь, реализуется в особенном хронотопе, о котором следует сказать отдельно.

Каждый персонаж находится в одиночестве в замкнутом пространстве некоторое, смутно определяемое время. Пространство действия стремится к пустоте, так как камеры едва ли чем-то наполнены, кроме стульев и кушеток. Но всё же Л.Н. Андрееву удаётся наделить скудный предметный мир совершенно особенными качествами, превращающими хронотоп рассказа в своего рода модель мироздания.

Так, персонаж сановник, который развёрнуто упоминается лишь в первой части рассказа, заключён в гостиничном номере, в то время как остальные – в тюремных камерах. Это предметная характеристика пространства.

А вот и характеристика времени – «час дня», фигурирующий в заглавии первого эпизода рассказа, не просто становится для сановника олицетворением смерти, но и «выскакивает из циферблата», начинает «жить отдельно» от временного полотна [Андреев, 2018; 5]. Абстрактное понятие и опредмечивается, и получает качества живого организма одновременно.

Вместе с этим сановник начинает представлять свою возможную гибель, и предметный мир его сознания распадается на

детали: «и шуба, и тело, и кофе, которое в нём, <...> будет взято смертью» [Андреев, 2018; 6]. Жизнь в новом свете представляется совокупностью независимых, равнодушных элементов. Особенно подчёркивает это электрический звонок, который «ожил», когда сановнику стало дурно от страшных мыслей.

Опредмечены также лица других персонажей, ребят, подготовивших теракт – так, у Вернера лицо как «дверь железная», закрытая на замок, а мимика Сергея сравнивается с «лунной ночью» [Андреев, 2018; 13].

Особенно загадочной видится в рассказе личность Ивана Янсона. Автор говорит, что тот «молчал не только с людьми, но и с животными», слушал «унылое снежное поле, <...>, синие нежные дали, телеграфные столбы» [Андреев, 2018; 16, 18]. Против смертного приговора он повторяет единственную фразу – «Меня не надо вешать» и постоянно путается в родах русского языка. Известно, что он зарезал своего хозяина, но непонятна его мотивация; в целом, кажется, будто действия персонажа ничем не детерминированы. Сам он будто бы предстаёт частью молчаливого предметного мира, а не живым человеком – даже писатель отмечает, что в тюрьме с Янсоном обращались так, «точно не считали его смерти за смерть» [Андреев, 2018; 21].

Однако нахождение в камере пробуждает в персонаже человеческие качества, и Л.Н. Андреев начинает противопоставлять его окружающим предметам: «щи из кислой капусты стали для него сплошным ужасом, повергли его в состояние <...> изумления», «тупые углы <...> всё толкали его на середину» [Андреев, 2018; 25]. Изумление, испытываемое Янсоном, вызвано не материальными условиями тюрьмы, а особенным экзистенциальным состоянием персонажа. Предстоящая смерть изменила его восприятие, и теперь Янсон «недоверчиво» рассматривает обыкновенные предметы, прежде чем взять их в руки.

Создаётся впечатление, что окружающие вещи начинают угнетать главных героев, подавлять их сознание. Этот эффект усиливается в описаниях других персонажей. Например, страх Сергея Головина характеризуется Л.Н. Андреевым следующим образом: «боялся не он – боялось его молодое, крепкое, сильное тело» [Андреев, 2018; 55].

Здесь человеку противопоставляется его собственный организм, постоянное единство души и тела оказывается нарушенным. Чтобы отвлечься от мыслей о предстоящей смерти, молодой человек занимается гимнастикой, но это лишь делает его ощущения невыносимыми, потому что движения напоминают о жизни. Собственный кашель Сергею кажется тоже необычным, и он думает: «Как это странно, я кашляю» [Андреев, 2018; 57]. Персонаж начинает ощущать свой организм как нечто поделённое на части, и это переключается с мыслями сановника из

первой части рассказа: «отдельно совершаются глотки», «отдельно пальцы держат кружку и дрожат».

Другой заключённый, Василий Каширин, в тюрьме начинает воспринимать жизнь как «мир призраков и механических кукол» - в его сознании опредмечиваются окружающие, например, навестившая сына мать и надзиратели [Андреев, 2018; 60]. Самим своим существованием «немые» люди угнетают Василия, и таким образом он чувствует себя отстранённым от мира с его обыкновенной жизнью.

Описывая ситуацию этого персонажа, Л.Н. Андреев буквально сравнивает её с условным восстанием предметов: «Так чувствовал бы себя человек, если бы <...>, все вещи ожили, <...>, и приобрели над ним, над человеком, неограниченную власть» [Андреев, 2018; 60-61]. Василий Каширин настолько испуган приближающейся смертью, что уже практически мёртв. Он чувствует мир вокруг себя игрушечным и вместе с тем уже ощущает свою принадлежность миру смерти.

В меньшей степени страдает от давления разбойник Цыганок, который даже в тюрьме «воду пил чуть ли не вёдрами, как лошадь» [Андреев, 2018; 29]. Он, как и многие, боится смерти и чувствует давление стен, но не закрывается в себе, не поддаётся опредмечиванию. В этом персонаже доминируют звериные, естественные начала. Например, во время допроса он свистит в четыре пальца, и в его свисте слышится «смертельная тоска того, кого убивают, и дикая радость убийцы» [Андреев, 2018; 30]. Ассоциативная цепочка от этого действия Цыганка приводит к ритуалу охоты, его природному значению единства смерти и жизни. Также он является единственным персонажем, который имеет хотя бы нечеткие, но все-таки мысли о сопротивлении надзирателям.

Однако есть в рассказе персонажи, которые не подвергаются испытанию предметным миром. У них собственное отношение к смерти. Например, Вернер, уже видевший смерть в лицах своих жертв и переставший себя ценить, внезапно ощущает «чувство смутной, но огромной и смелой радости» незадолго до повешения [Андреев, 2018; 67].

Этот персонаж – философски мыслящий человек, пытающийся найти связи между явлениями жизни. Можно сказать, что его мировоззрение в меньшей степени материально, оттого тонка и зависимость от природного мира. «Посмотрю на стены – как будто и нет стен», - думает Вернер, и мы видим, что мир вещей им практически не ощущается [Андреев, 2018; 67]. Вместо привычных предметов он видит перед собой простор; создаётся впечатление, что природа начинает наполнять камеру. Подступающая смерть открывает ему глаза, стирает то презрение к людям, которое сформировалось у него за время террористической деятельности.

Героини рассказа, Муся и Таня Ковальчук, с самого начала абстрагированы от страха смерти. Эпизод, посвящённый им, озаглавлен говорящим названием – «Смерти нет». Л.Н. Андреев особенно подчёркивает в них архетипическое женское начало – так, ещё на допросе Таня Ковальчук в первую очередь переживает за остальных задержанных и пытается угадать их мысли. Известно, что штабом преступников была именно квартира Тани, поэтому заботливая девушка выступает для всех в роли матери. Описание её пребывания в камере коротко и проникнуто светлыми, хотя и тревожными чувствами, а предметный мир не играет особой роли: упоминается только кольцо Муси, названное «символом обречённости» [Андреев, 2018; 45].

Точно так же и Муся – предметы и окружающий мир не давят на неё; наоборот, Андреев пишет о музыке, которой нет в описаниях других персонажей. Девушка осознаёт бессмертие души, любовь к людям, и эти впечатления подчёркиваются бодрим солдатским маршем, слышимым из окна. В эпизоде с Мусей и Таней смерть отступает, а предметный мир – «книги, скальпели, топоры и петли» – бледнеет [Андреев, 2018; 48].

Таким образом, мы видим, что предметный мир в «Рассказе о семи повешенных» связан со смертью. Вещи, окружающие героев, являются не просто художественной подробностью описания, они оживают и становятся практически второстепенными персонажами произведения.

При помощи такого своеобразного предметного мира Л.Н. Андреевым создаётся особая философская концепция, по которой мир чётко делится на так называемые «низшие» и «высшие» сферы, материальное и нематериальное. Перед лицом смерти выигрывает, определённо, нематериальное, не привязанное к мирской жизни, в то время как сильный вещицизм и привязанность к телу опредмечивают самого человека.

В финале рассказа описывается потерянная перед казнью Сергеем калоша. Она мёртво лежит в снегу, «мокрая и стоптанная» и символизирует поражение предметного мира, торжество души. Завершает произведение строчкой о восходящем солнце, которая напоминает о вечном природном круговороте и краткости человеческой жизни.

Заключение

В творчестве Л.Н. Андреева нашли свое отражение положения философии экзистенциализма – так, экзистенциалисты считали, что в жизни человека имеет место быть «пограничный момент». Под этим названием традиционно понимается эпизод сильного переживания, нередко связанного с грозящей смертельной опасностью. Человек перед лицом смерти резко меняет взгляд на жизнь, начинает острее чувствовать окружающий мир. В литературе XX века с развитием в Европе капитализма подобные тенденции к опредмечиванию мира будут

усиливаться. Модернистское направление, обеспокоенное превращением человека в массу и предполагающее поиск истинного восприятия, не обусловленного культурой, тоже будет иметь особенное изображение предметного мира.

Литература:

Андреев Л.Н. *Иуда Искариот*: [сборник] / Андреев Леонид Николаевич. Москва : Издательство АСТ, 2018. 448 с.

Бунин И.А. *Избранные сочинения* / Вступ. статья, сост. и примеч. О. Михайлова. М.: Худож. лит., 1984. 750 с.

Горшков А.И. *Русская словесность: От слова к словесности*: Учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. шк., гимназий и лицеев гуманитар. направленности. М.: Просвещение, 1995. 336 с.: ил.

Сартр Ж.П. *Тошнота*: [роман] / Жан Поль Сартр; [пер. с фр. Ю. Я. Яхниной]. Москва : Издательство АСТ, 2016. 317 с.

Solovtsova A.A.

THE IMAGE OF OBJECTS` WORLD IN «THE STORY OF THE SEVEN HANGED» BY L. N. ANDREEV

This article examines the image of the objects` world in the literature of the XX century on the example of "The Story of the Seven Hanged" by L. N. Andreev. The author of the article gives a brief description of the society at the beginning of this century and comments on the reflection of the social situation in literature. The analysis of the subject world depicted in the work is carried out, and artistic features are highlighted. The analysis of the text takes place from the standpoint of the concept of existentialism, the philosophical subtext of the work is emphasized.

Literature of the XX century, modernism, capitalism, the objective world, objectification

Ушакова М.А.

СКАЗОЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО К.И. ЧУКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

В статье намечаются в общих чертах особенности творчества К.И. Чуковского, которые отражают в структуре сказочного эпоса основные тенденции развития литературы первой половины XX века. К ним относятся явления межродового синтеза (драматизация и лиризация сказочного эпоса), синтеза между видами искусства (театрализация сказочного эпоса), интеграция традиции сказки и новизна ее с учетом использования реалий, образов вечногo мира и быта, современных писателю. В целом такой неоднородный состав сказочного эпоса, приспособленный к современным условиям, вызывает высокий интерес у детей и служит причиной самого большого в количественном отношении переиздания.

Сказка, творчество, литература первой половины XX века, синтез

Введение

Литература первой половины XX века – явление неоднозначное, не похожее на классическую словесность. Особенностью данного периода русской литературы является наблюдаемый синтез и в аспекте мифологии, литературы, фольклора; в аспекте документалистики (публицистики) и литературы; в ракурсе литературы и других видов искусства (радио, театр), но также объединение между жанрами литературы, происходящее как на внутривидовом, так и межвидовом уровне [Адыгезалова, 2020], [Боровская, 2009], [Ермоленко, 2013].

Такого рода явление, как синтез, проявляется в литературе тогда, когда для этого есть необходимые условия – как внешние, так и внутренние (собственно литературные). К внешним условиям можно отнести повышенную мобильность жизни, динамичные перемены в общественной сфере, усложнение самого мироустройства, приводящего к движению и изменению политической и культурной сторон жизни. На смену устоявшемуся позитивистскому мышлению приходит еще с конца XIX века иррационализм, затем в начале века его существенно дополняет феноменология, экзистенциализм и другие неклассические философские парадигмы освоения бытия и человека. Новые открытия в космологии, физиологии, психологии позволили по-иному

взглянуть на существо человека, заглянуть в безграничность его души.

Искусство, в частности литература, в своем призвании пытается зафиксировать и описать сложившиеся перемены как в общественной, так и в личной человеческой жизни, чтобы образно показать существо человека, его гуманную сущность. А так как старые средства описания всегда недостаточны, то литература (прежде всего художники слова, конечно), идя в ногу с социальным развитием, старается изобрести и апробировать новые методы художественного оформления действительности, внутренней жизни человека, порой также противоречивой, как и сама конституция бытия.

Итак, появление новых средств, художественных методов, жанрового синтеза в литературе продиктовано и объясняется усложнением самой жизненной ситуации первой половины XX века. В это время появляется модернизм, в рамках которого возникают различные авангардистские течения и направления. В XX веке с помощью новых средств отображения, преобразования и создания новой действительности – именно в данных процессуальных контекстах должна пониматься литература – ставится «... задача примирения и соединения сознания и бессознательного, прошлого и современного...», и она «... решается как никогда трудно, через трагические ошибки и нередко запоздалые откровения» [Сурова, 2001; 276], противоречия и неформальные способы, которые актуальны для этого неординарного времени.

Творчество К.И. Чуковского как отражение специфики литературного процесса первой половины XX века

Как пишет современный исследователь: «Российская литература первой трети XX века представляет собой уникальный феномен: пожалуй, никогда в такой степени реформаторские общественно-политические и идеологические процессы не влияли на изменение традиционной парадигмы культуры, а значит, и отечественной словесности, на обновление поэтики, которая прежде казалась канонически-устойчивой» [Харитонов, 2019; 35].

Бурное изучение фольклора, исторических древностей, появление большого разнообразия школ в литературоведении (от мифологической до формальной), а также сложность и противоречивость литературного процесса XX века привели к возникновению новых явлений в литературе. Среди них появление нового типа сказочного эпоса, в центре которого стоит современный герой в окружении действительных реалий в адаптированном под сказочный современный мире.

В таких литературных условиях жил и творил К.И. Чуковский (1882 – 1969). В его творчестве заметно отражены все тенденции и закономерности литературного процесса первой половины XX века. В 1916 году он пишет первую литературную

сказку «Крокодил», затем в 1923 – «Мойдодыр» и «Тараканище», в 1924 – «Бармалей», в этом же году – «Муха-Цокотуха». Его героический эпос (сказки) отличает живой слог, наполненный вещным и предметным миром, известным современному читателю (ребенку). Так, велосипеды, автомобили фигурируют в «Тараканище», денежка, базар, самовар – в «Мухе-Цокотухе», зубной порошок, умывальник – бытовые туалетные приборы конца XIX – начала XX вв. присутствуют в «Мойдодыре» и т.д.

Для сказочного творчества К.И. Чуковского, находящего в творческих взаимоотношениях с символистами, акмеистами, футуристами, характерен малоизвестный до XX века «процесс скрещивания всех известных ранее традиционных жанров и их взаимной диффузии, а также «выход к новым художественным принципам, к новациям в области жанра» [Боровская, 2009; 3]. Его сказочный эпос в отдельно взятом произведении вбирает в себя черты основных видов: сказки о животных (так называемый животный эпос), волшебные (чудесные) сказки, сказки авантюрно-новелистические, бытовые, сатирические.

Так, образная система сказок К.И. Чуковского вбирает в себя животный мир (рудимент животного эпоса), бытовые и хозяйственные предметы и вещи (атрибут бытовых сказок), гротеск, бурлеск делают произведения сатирическими. Олицетворения, гиперболизация, борьба представителей «низкого» и «высокого» миров, счастливый конец, дидактика – вот признаки, роднящие сказочный эпос К.И. Чуковского с традицией жанра. Красочность действия, диалогическое повествование, яркость персонажей послужили причиной для постановки на театральных сценах сказочного эпоса автора. В этом проявляется драматизм эпоса – результат влияния межродового синтеза, как и стихотворная форма – воздействие лирического рода.

Заключение

Литературная сказка К.И. Чуковского органично соединяет в себе традиционные элементы жанра, использует при этом новые знакомые читателю XX века реалии, предметы, образы вещного и бытового мира. Облегчает восприятие сказок К.И. Чуковского также стихотворная рифмованная форма и четкое распределение противоборствующих, как в драме, ролей. В этом, пожалуй, и состоит причина популярности сказочного эпоса автора среди детей и вызванный им неподдельный интерес самых маленьких читателей.

Литература

Адыгезалова М.Н. Синтез: к истории и литературно-философским контекстам понятия [Текст] / М.Н. Адыгезалова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 66-73.

Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Боровская. – Астрахань, 2009. – 47 с.

Ермоленко С.И. Границы жанра и жанровый синтез в лирике [Текст] / С.И. Ермоленко // Вестник Нижегородского университета им. Н.А. Лобачевского. – 2013. – № 4 (2). – С. 49-53.

Иванюк Б.П. Жанровый синтез: версия словарного описания понятия [Текст] / Б.П. Иванюк // Дергачёвские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета; Изд. дом «Союз писателей», 2007. – Т. 1. – С. 115–116.

Сурова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 – 2000 [Текст]: Учеб. пос. / Под ред. Л.Г. Андреева и др. / О.Ю. Сурова. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 221 – 291.

Харитонов В.С. Жанровая традиция и ее трансформация в поэтическом творчестве В.В. Набокова [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / В.С. Харитонов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. – 189 с.

Ushakova M.A.

**FAIRY-TALE CREATIVITY OF K.I. CHUKOVSKY IN THE
CONTEXT OF LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XX
CENTURY: MAIN FEATURES**

The article outlines the features of K.I. Chukovsky's creativity reflects in the structure of the fairy-tale epic the main trends in the development of the literature of the first half of the XX century. These include the phenomena of intergenerational synthesis (dramatization and lyrization of the fairy-tale epic), synthesis between art forms (dramatization of the fairy-tale epic), integration of the fairy-tale tradition and its novelty, taking into account the use of realities, images of the material world and everyday life, contemporary to the writer. In general, such a heterogeneous composition of the fairy-tale epic, adapted to modern conditions, arouses high interest among children and is the reason for the largest number of publications.

Fairy tale, creativity, literature of the first half of the XX century, synthesis

Tsitsikashvili G.V.
(Supervisor- Tinatin Mshvidobadze)

METHODOLOGICAL ASPECTS OF INDIRECT TRANSLATION

This article is an abstract type, it is based on the expressions of the textbook "Theory and Practice of Translation (aspect translation)" (Korunets, 2003) and quotes them. The practice of indirect translation (ITR), here understood as a translation of a translation, has a long-standing history, widespread use in various areas of today's society and, arguably, a promising future. Despite all this, ITR has traditionally attracted only marginal attention from translation scholars and only in recent years has it become a more popular concept in translations studies (TS) research. The article provides a brief explanation of neural machine translation (NMT) and the encoder-decoder structure.

Translation, interpretation, national languages, lexical level, vocabulary, encoding

Introduction

Translation as a term and notion is polysemantic, its common and most general meaning is mostly associated with the action or process of rendering/expressing the meaning/content of a source language word, word group, sentence or passage in the target language or with the result of the process/action of rendering. In other words with the work performed by the translator. «Translation» is also used to denote the subject taught or studied, the examination in the subject. No less ambiguous is also the term «**interpretation**» which is synonymous with «**translation**» and is used to denote the way or manner of presenting the idea of the work in translation orally. The thing is that «interpretation», unlike «translation», admits some more freedom of the translator in his treatment of the matter under translation (Adamyuk, 2009). Hence, the existence of free versifications and free adaptation are rightly treated as new creations. Accordingly, "interpretation" may indicate the only means of presenting a work that is peculiar and characteristic to the master of the pen, as well as to the translation of prose or poetic work.

Significance of translating/interpreting

The importance of translating and interpreting in modern society has long been recognized. Practically not a single contact at the international level or even between any two foreign persons speaking different languages can be established or maintained without the help of translators or interpreters. Translating is also a perfect means of sharing achievements and enriching national language, literature and culture. According to Safar, the many translations of

the prose, poetry and drama works of the world's famous authors into different national languages provide a vivid illustration of this permanent process (Safar, 2001). Due to masterly translations of the works by W.Shakespeare, W.Scott, G.G.Byron, P.B.Shelley, C.Dickens, W.Thackeray, O.Wilde, W.S.Maugham, A.Christie, H.W.Longfellow, Mark Twain, J.London, T.Dreiser, R.Frost, E.Hemingway, F.C.Fitzgerald and many other authors their works have become part and parcel of many national kinds of literature. According to Almasoud Consequently, translation/interpretation is a very effective means of enriching the national and international lexicon of all languages (Almasoud, 2012). But, as has been said, it is not only the word-stock of languages that is constantly enriched. And it is not only separate words that are borrowed by national languages as a result of translating/ interpreting; a lot of expressions and regular sentence idioms have come to national languages in this way as well.

Neural Machine Translation(NMT) and the Encoder-Decoder Structure

Machine Translation (MT) is a subfield of computational linguistics that is focused on translating text from one language to another. With the power of deep learning, Neural Machine Translation (NMT) has arisen as the most powerful algorithm to perform this task. While Google Translate is the leading industry example of NMT, tech companies all over the globe are going all-in on NMT. This state-of-the-art algorithm is an application of deep learning in which massive datasets of translated sentences are used to train a model capable of translating between any two languages. With the vast amount of research in recent years, there are several variations of NMT currently being investigated and deployed in the industry. According to Bahdanau, One of the older and more established versions of NMT is the Encoder-Decoder structure. This architecture is composed of two recurrent neural networks (RNNs) used together in tandem to create a translation model. And when coupled with the power of attention mechanisms, this architecture can achieve impressive results (Bahdanau, 2015). In machine translation, each word is transformed into a One Hot Encoding vector which can then be inputted into the model. A-One Hot Encoding vector is simply a vector with a 0 at every index except for a 1 at a single index corresponding to that particular word. In this way, each word has a distinct One Hot Encoding vector and thus we can represent every word in our dataset with a numerical representation. In assigning a unique index to each unique word, will be creating a Vocabulary for each language. Ideally, the Vocabulary for each language would simply contain every unique word in that language. However, given that any single language can have hundreds of thousands of words, the vocabulary is often trimmed to the N most common words in the

dataset we are working with (where N is chosen arbitrarily, but often ranges from 1,000–to 100,000 depending on the dataset size).

Consider an example mini-vocabulary that contains only the words in Table 1.

a	0
the	1
red	2
orange	3
blue	4
black	5
fish	6
whale	7
beaver	8
ate	9
drank	10
<SOS>	11
<EOS>	12

Table 1: Mini-vocabulary for the English language

Given this table, we have assigned a unique index of 0–12 to every word in our mini-Vocabulary. The <SOS> and <EOS> tokens in the table are added to every Vocabulary and stand for „START OF SENTENCE“ and „END OF SENTENCE“ respectively. They are used by the NMT model to help identify these crucial points in sentences (Cho K., 2014).

By creating a vocabulary for both the input and output languages, we can perform this technique on every sentence in each language to completely transform any corpus of translated sentences into a format suitable for the task of machine translation. In the above architecture, the Encoder and the Decoder are both recurrent neural networks (RNN).

We can then compare the accuracy of this predicted translation to the actual translation of the input sentence to compute a loss. While there are several varieties of loss functions, a very common one to utilize is Cross-Entropy Loss.

The equation of this loss function is detailed in Figure 1.

Cross-Entropy Loss

$$-\sum_{w=1}^{|S|} \sum_{e=1}^{|V|} y_{w,e} \log(\hat{y}_{w,e})$$

$|S|$ = Length of Sentence

$|V|$ = Length of Vocabulary

$\hat{y}_{w,e}$ = predicted probability of vocab entry e on word w .

$y_{w,e} = 1$ when the vocabulary entry is the correct word

$y_{w,e} = 0$ when the vocabulary entry is not the correct word

Figure 1: Cross-Entropy Loss function

According to Zaremba, in essence, this loss function is the sum over the negative log-likelihoods that the model gives to the correct word at each position in the output sentence. Given that the negative log function has a value of 0 when the input is 1 and increases exponentially as the input approaches, the closer the probability that the model gives to the correct word at each point in the sentence is to 100%, the lower the loss (Zaremba, 2015).

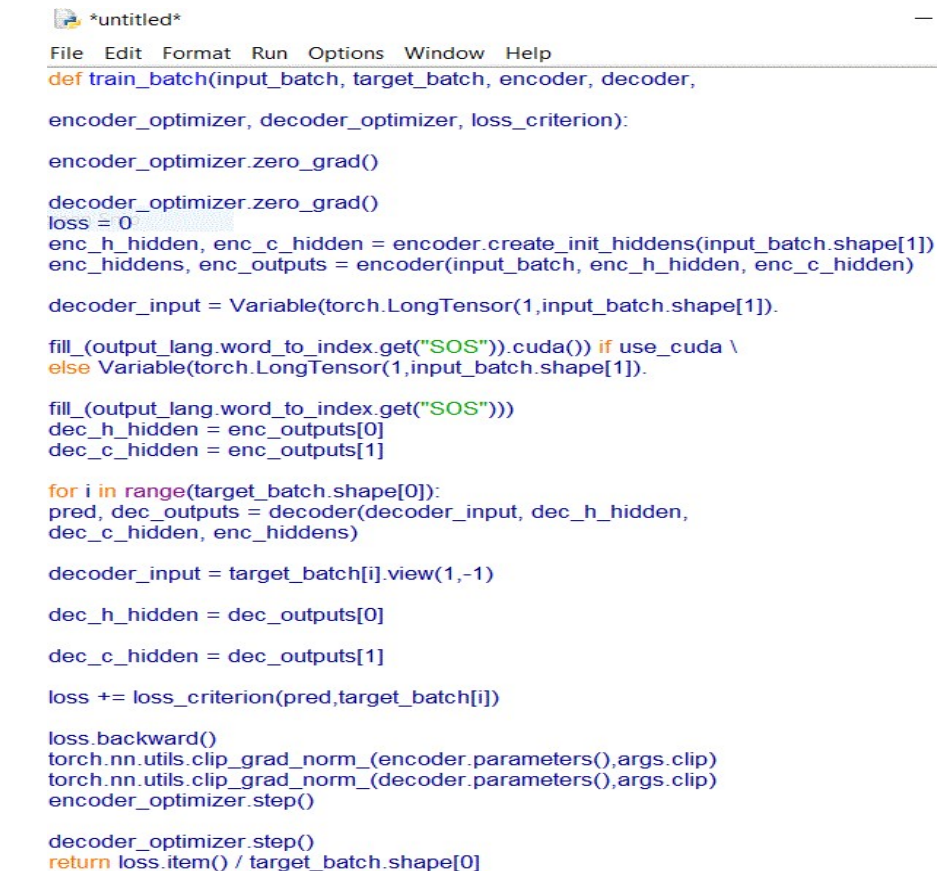
Translation with a Sequence to Sequence Network and Attention

Before translating, must be created several functions to prepare the data:

1. *Lang* class which will essentially allow us to construct a vocabulary for both the input and output languages.
2. *PrepareLangs* function which will take a dataset of translated sentences and create *Lang* classes for the input and the output languages of a dataset.

With a function that works to prepare the language vocabularies for both the input and output languages, we can use all of the above functions to create a single function that will take a dataset of both input and target sentences and complete all of the preprocessing steps.

Thus, the *prepared data* function will create *Lang* classes for each language and fully clean and trim the data according to the specified passed arguments. In the end, this function will return both language classes along with a set of training pairs and a set of test pairs. After creating the vocabulary for each language, need to create functions that use these dictionaries to convert sentence pairs as in their One Hot Encoding vector representations. Finally need to build our Encoder-Decoder model. According to Oparin with a general understanding of the Encoder-Decoder architecture and attention mechanisms, into the Python code that creates these


```
*untitled*
File Edit Format Run Options Window Help
def train_batch(input_batch, target_batch, encoder, decoder,
encoder_optimizer, decoder_optimizer, loss_criterion):
    encoder_optimizer.zero_grad()
    decoder_optimizer.zero_grad()
    loss = 0
    enc_h_hidden, enc_c_hidden = encoder.create_init_hiddens(input_batch.shape[1])
    enc_hiddens, enc_outputs = encoder(input_batch, enc_h_hidden, enc_c_hidden)
    decoder_input = Variable(torch.LongTensor(1,input_batch.shape[1])).
    fill_(output_lang.word_to_index.get("SOS").cuda()) if use_cuda \
    else Variable(torch.LongTensor(1,input_batch.shape[1])).
    fill_(output_lang.word_to_index.get("SOS")))
    dec_h_hidden = enc_outputs[0]
    dec_c_hidden = enc_outputs[1]
    for i in range(target_batch.shape[0]):
        pred, dec_outputs = decoder(decoder_input, dec_h_hidden,
        dec_c_hidden, enc_hiddens)
        decoder_input = target_batch[i].view(1,-1)
        dec_h_hidden = dec_outputs[0]
        dec_c_hidden = dec_outputs[1]
        loss += loss_criterion(pred,target_batch[i])
    loss.backward()
    torch.nn.utils.clip_grad_norm_(encoder.parameters(),args.clip)
    torch.nn.utils.clip_grad_norm_(decoder.parameters(),args.clip)
    encoder_optimizer.step()
    decoder_optimizer.step()
    return loss.item() / target_batch.shape[0]
```

frameworks. (Oparin, 2017).

Figure 2. Python code

Some arguments allow us to save the weights of both the Encoder and the Decoder for future use. Given the introduction of

NMT using the structure of the Encoder-Decoder, the introduced attention mechanism is quite basic.

Conclusion

Rendering information from a foreign language with the help of electronic devices represents the latest development in modern translation practice. Due to the fundamental research in the systems of algorithms and the establishment of lexical equivalence in different layers of the lexicon, machine translating has made considerable progress in recent years. Nevertheless, its employment remains restricted in the main to scientific and technological information and the sphere of lexicographic work. That is because machine translation can be performed only based on programs elaborated by linguistically trained operators.

As a result, any machine translation of present-day needs thorough proofreading and editing. Very often it takes no less time and effort and may be as tiresome as the usual hand-made translation of the same passage/work.

References

Adamyuk N.B. and Chepchyna I.I. 2009. *Syntactic features USL: the case of simple sentences. Sign language and the present: Coll. Science. works. Issue 4*, 170-191;

Almasoud A.M. and Al-Khalifa H.S. 2012. *A Proposed Semantic Machine Translation System for translating Arabic text to Arabic Sign Language. Journal of Software Engineering and Applications. Vol. 5. № 8*, 604- 612;

Bahdanau D., Cho K., and Bengio Y. 2015. *Neural machine translation by jointly learning to align and translate*. In ICLR;

Cho K., Merrienboer B., Gulcehre G., Bougares F., Schwenk H., and Bengio Y. 2014. *Learning phrase representations using RNN encoder-decoder for statistical machine translation*. In EMNLP;

Korunets I.V. Theory and practice of translation (aspect translation) textbook, Vinnytsia, Nova kniga, 2003. *Корунець І.В. Теорія і практика перекладу (аспектний переклад) Підручник, Вінниця, «Нова Книга», 2003* (in Ukrainian)

Oparin, I., Sundermeyer, M., Ney, H., Gauvain, J.-L., “*Performance Analysis of Neural Networks in Combination with n-Gram Language Models*”, Proc. of ICASSP 2017, accepted for publication;

Safar E. and Marshall I. 2001. *The architecture of an English-text-to-Sign-Languages translation system*. In G. Angelova, editor, Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP). Tzigov Chark. Bulgaria. 223-228;

Zaremba W., Sutskever I., and Vinyals O. 2015. *Recurrent neural network regularization*. In ICLR.

Цицикашвили Г.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПЕРЕВОДА

Практика косвенного перевода (ITr), понимаемая здесь как перевод перевода, имеет давнюю историю, широкое распространение в различных сферах современного общества и, возможно, многообещающее будущее. Несмотря на все это, ITr традиционно привлекал лишь незначительное внимание переводчиков, и только в последние годы он стал более популярным понятием в исследованиях переводоведческих исследований (TS).

В статье дается краткое объяснение нейронного машинного перевода (NMT) и структуры кодировщик-декодер.

Перевод, интерпретация, национальные языки, лексический уровень, лексика, кодировка

Содержание

Предисловие	3
Погорелая Е.А.	6
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА/ТЕКСТА/ДИСКУРСА КАК ИНТЕГРАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА.....	6
Шабалина А.С.....	12
РАЗВИТИЕ НАВЫКА СОЗДАНИЯ КРЕАТИВНОГО ТЕКСТА НА ЭТАПЕ АКТУАЛИЗАЦИИ	12
Чумаков А.Н., Чумакова Д.А.....	18
ХАРАКТЕРИСТИКА СВОЕОБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	18
Скомаровская А.А.	24
СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ ЗВУКОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	24
Самарин А.В.	30
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЦВЕТОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ КАК СЕГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	30
Рылова И.А.....	34
РАЗВИТИЕ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	34
Погорелая Е.А., Владова Н.И.	41
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВАРИАНТЫ ПРАВОПИСАНИЯ СОГЛАСНЫХ БУКВ.....	41
Пузов Н.А.	51
СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	51
Мовшук А.С.	58

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ И ОЦЕНИВАНИЮ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	58
Луговская Е.Г., Ухова М.О., Куптер Я.В.	65
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ: прагматический аспект интернет-общения	65
Кривошапова Н.В., Галатонова И.К.	71
ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УРОК КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СВЯЗЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ	71
Daribaeva A., Rysbaeva M., Isabaeva G.	79
THE CONCEPT OF "MODERATION" / "KANAGATSHYLDYK" IN THE WORDS OF ABAI'S EDIFICATION.....	79
Белянская А.И.	84
ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	84
Брацун Д.А.	89
СТРУКТУРА ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ГНЕЗДА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА «ЕВРОРЕГИОН»	89
Бунькова З.А.	96
ТРАДИЦИИ СЕМЕЙНОГО РОМАНА	96
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО ..	96
Владова Н.И.	103
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВАРИАНТЫ ПРАВОПИСАНИЯ ГЛАСНЫХ БУКВ	103
Кривошапова Н.В., Гулевич Д.А.	109
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗРЯДОВ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.....	109
Ермакова А.А.	116
КАЛАМБУР КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДЧИКА.....	116
Кучерявенко Е.А.	121
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА	121

Лека Е.И.	127
РОМАНС КАК МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	127
Milto K., Salimgareeva V.	135
VARIABILITY IN THE TRANSLATION OF TECHNICAL ENGLISH TERMS OF "ECOLOGY AND SPACE"	135
Плутахина О.С.	139
KONGLISH И ЕГО РОЛЬ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	139
Скрижевская К.М.	145
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА	145
Самарин А.В., Таратутина А.Е.	150
К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕРСИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч.ДИККЕНСА.....	150
Соловцова А.А.	154
ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В «РАССКАЗЕ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» Л.Н. АНДРЕЕВА.....	154
Ушакова М.А.	161
СКАЗОЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО К.И. ЧУКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ.....	161
Tsitsikashvili G.V.	165
(Supervisor- Tinatin Mshvidobadze)	165
METHODOLOGICAL ASPECTS OF INDIRECT TRANSLATION	165
Авторы	175

Авторы

Бемянская Алина Ивановна

*учитель английского языка и литературы,
специалист ГОУ ЛНР «Алексеевская гимназия имени Б. Грин-
ченко»,
Перевальский район, пгт. Михайловка*

Брацун Дарья Александровна

*студентка 1 курса магистратуры,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк*

Бунькова Злата Александровна

*магистрант I курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Владова Наталья Игоревна

*студент 3 курса филологического факультета,
направление обучения «Филология»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Галатонова Инга Константиновна

*магистрант II курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Гулевич Дарья Андреевна

*студент IV курса филологического факультета
направление обучения «Филология»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Дарибаева Анаркул Ауелбековна

*магистр гуманитарных наук; кафедра практического русского
языка для технических специальностей;
ЮКУ имени М.Ауэзова, г.Шымкент*

Ермакова Алина Андреевна

*студент 3 курса педагогического факультета,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол*

Исабаева Гюльнара Насибжановна

*старший преподаватель кафедры русского языка и литера-
туры», ЮКУ имени М.Ауэзова, г.Шымкент*

Кривошапова Наталья Викторовна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации филологического фа-
культета, Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Куптер Яна Владимировна

*магистрант II курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Кучерявенко Елена Александровна

*магистрант I курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Лека Елена Игоревна

*магистрант I курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Луговская Елена Григорьевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации филологического фа-
культета, Приднестровский государственный университет*

Мидто Екатерина Владиславовна

*студент 3-го курса кафедры «Экология, системы жизнеобеспе-
чения и безопасность жизнедеятельности»,
Московский Авиационный Институт, г.Москва*

Мовшук Алина Сергеевна

*учитель русского языка и литературы,
школа «Билимкана-Бишкек», г. Бишкек*

Погорелая Екатерина Афанасьевна

*заведующий кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации, д.филол.н., профессор,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Плутахина Ольга Сергеевна

*студент 3 курса,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол*

Пузов Николай Александрович

*кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации филологического фа-
культета, Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь*

Рылова Ирина Анатольевна

*преподаватель родного (русского) языка, литературы и ан-
глийского языка I кв. категории,
ГОУ СПО «Тираспольский аграрно-технический колледж
им. М.В. Фрунзе», г. Тирасполь*

Рысбаева Майра Козыбаевна

*старший преподаватель кафедры русского языка и литера-
туры ЮКУ имени М.Ауэзова, г.Шымкент*

Салимгареева В.Р.

*студент 3-го курса кафедры «Экология, системы жизнеобеспе-
чения и безопасность жизнедеятельности»
Московский Авиационный Институт, г.Москва*

Самарин Александр Викторович

*кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол*

Скрижевская Кристина Михайловна
магистрант I курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

Скомаровская Анастасия Анатольевна
старший преподаватель кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
филологического факультета,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

Соловцова Александра Андреевна
студентка 3 курса педагогического факультета,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол

Таратутина Анна Евгеньевна
студент 3 курса филологического факультета,
направление обучения «Иностранный язык (первый, второй)»,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол

Ухова Маргарита Олеговна
магистрант II курса направления «Филология»,
программа обучения «Теория и практика коммуникации»,
Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

Ушакова Мария Алексеевна
студентка 5 курса педагогического факультета,
профиль подготовки «Русский язык и литература»,
Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный
университет», г. Старый Оскол

Цицикашвили Георгий
студент 3 курса педагогического факультета,
программа «Информатика»,
Горийский государственный университет (Грузия)
(Руководитель - Тинатин Мшвидобадзе, профессор

Чумаков Алексей Николаевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, Старооскольский филиал НИУ «Белгородский государственный университет», г. Старый Оскол

Чумакова Дарья Алексеевна

учитель иностранных языков МБОУ «Центр образования – средняя школа №22» Старооскольского городского округа, г. Старый Оскол

Шабалина Анастасия Сергеевна

преподаватель русского языка и литературы, критического мышления (1 и 2 курс), Инновационный колледж при Американском университете в Центральной Азии, г. Бишкек